

Название: Кое-что о тайных желаниях

Автор: КП

Иллюстратор: Fekolka

Пейринг/Персонажи: Блейз Забини/Драко Малфой, Маркус Флинт/Кэти Белл, Рон Уизли/Гермиона Грейнджер, Адриан Пьюси, Панси Паркинсон, Миллисент Буллстроуд, Гарри Поттер

Категория: джен, упоминаются слэш и гет

Рейтинг: PG-13

Жанр: приключения

Размер: 33300 слов

Краткое содержание: Маркус Флинт работает в Отделе магов особого назначения (сокращённо - ОМОН). Он по-прежнему лидер команды и по-прежнему иногда нарушает правила, впрочем, на его работе иначе нельзя. Но настает день, когда его людей начинают подозревать в нехорошем...

Примечание/Предупреждения: постканон, слизеринвопизм, насилие, смерть второстепенных персонажей, канонная нелогичность магического мира.

— Я всё равно считаю, что это неправильно, — с вызовом сказала Гермиона.

— Ты теперь каждый раз будешь это говорить? — поинтересовался Рон.

— Не знаю. Но сейчас это меня так бесит, что я не могу молчать. Знаешь, в магловском мире такое тоже бывало, и как-то никому не приходило в голову дать вчерашним преступникам в руки оружие.

— Они не преступники, — устало сказал Гарри.

— О, да, конечно. Гарри, не надо мне об этом говорить! «Оправданы по суду» и «не преступники» — это разные вещи. Но даже не о том разговор; я согласна с тобой, что они сами в некоторой степени жертвы. И им надо помогать, как жертвам. Не давать в руки оружие! Не отправлять на такую работу! И только не говори мне, что у волшебников оружие всегда при себе. Ты знаешь, что я имею в виду.

Гарри промолчал. Рон наклонился подбросить в камин дров и нехотя сказал:

— Я с тобой согласен. Просто толку-то болтать об этом?

— Рон, ну нельзя их туда одних пускать! Вы с Гарри можете поговорить с Кингсли...

— Говорили, — мрачно бросил Гарри. — Кингсли сам против этой... инициативы. Но он не король, к сожалению. Это цитата.

— Вообще опасности они не представляют, — Рон говорил морщась, как будто считал собственные слова неправильными. — Во-первых, их контролируют. Во-вторых, у них власти над волшебниками нет. И полномочий. Их отправляют на оборотней, акромантулов всяких... На задержание обычных преступников. Тёмные маги в ведении аврората.

— А ничего, что их эти оборотни могут прикончить? Им по девятнадцать лет!

— Гермиона, — Рон покачал головой. — Ты же знаешь...

— Я знаю, что это никого не волнует!

Рон коротко кивнул.

— Именно.

Гермиона задохнулась от возмущения.

— Да как ты...

— Гермиона, — быстро сказал Гарри, — мы потому и стараемся... Получше учиться, понаглее себя вести. Чтобы героев поскорее отправили на работу. Тогда аврорат сможет их поддержать. Знаешь, — он усмехнулся, но улыбка как-то слишком походила на оскал, — есть у меня тайное желание: завалить с ними сообща кого-нибудь серьёзного и заставить министерство выдать всем по медали.

— Всем всё равно, что с ними будет, — добавил Рон, — значит, если мы поставим

вопрос о том, что оборотни — тёмные сущности, то есть аврорат к ним тоже имеет отношение, особо протестовать не станут.

Гермиона смотрела в огонь и молчала. Они сидели в её доме, который она снимала в пригороде Лондона — так было дешевле, а расстояние для волшебника не имеет значения. Обстановку Гермиона подобрала недорогую, лишь бы было на что сесть и куда тарелку поставить, но камин, конечно, имелся, и немаленький. В последнее время здесь всё чаще ночевал Рон, да и Гарри заходил нередко: помимо гостевой спальни, в доме было ещё два больших дивана, разместившиеся в гостиной, так что при желании Гермиона могла приютить на ночь полдюжины человек.

Об отделе магов особого назначения, в просторечии ОМОНе, они говорили не первый и даже не десятый раз. Когда-то, при Крауче, из этих ребят пытались сделать главную ударную силу, они получили широкие полномочия, но как только Крауч потерял власть, снова стали вспомогательным отрядом, к которому обращались, когда все авроры были заняты. Особой подготовки у них не было, только хорошая реакция и набор специфических боевых заклинаний, запрещённых к разглашению.

Желающих работать в ОМОНе всегда находилось немного: работы мало, а та, которая есть, больно дерётся. Поэтому бывали времена, когда отдел существовал только на бумаге. В аврорат всегда шли с радостью, работать там было престижно, а вот ОМОН... Гермиона не понимала, отчего так вышло, и никто не мог ей объяснить. Традиции иногда возникают без особых причин и бывают на удивление дурацкими.

Одну из таких дурацких традиций ей и поведал в своё время Рон. ОМОН был чем-то вроде дисциплинарного батальона: не имеющий особенных полномочий, зато подконтрольный всем подряд, он представлял из себя нечто наподобие беззубого тигра. Загрызть не загрызёт, но если повезёт, может зашибить лапой. И туда отправляли тех, кто вроде бы и не провинился достаточно, чтобы оказаться в Азкабане, однако натворил что-то такое, что неплохо бы искупить.

Это было глупо, и Гермиона отказывалась принимать аргумент, что в магической Британии много чего делается не умнее. Отправлять в ОМОН мальчишек и девчонок, едва окончивших Хогвартс, сейчас, когда вокруг бегают полно оборотней, дементоры отбились от рук, из-за отсутствия нормального контроля расплодились всякие гриндилоу... Это было не глупостью даже. Это было жестоко.

— У меня тоже есть тайное желание, — проворчала Гермиона, призывая чашку с горячим кофе. — Проснуться однажды, а все дураки улетели.

— «Пророк» пишет, что оттуда, куда посылают ОМОН, разбежались почти все оборотни, — глядя на неё чуть виновато, сказал Рон. — Вряд ли им всерьёз что-то грозит.

Гермиона только головой покачала.

Солнечный свет залил комнату, и мягкий, но настойчивый сигнал тревоги зазвенел, постепенно усиливаясь.

— Мой отец, между прочим, говорил, что на этой работе в основном бездельничают и вызовы пару раз в полгода, — обвиняющим тоном сказал Адриан Пьюси, протирая глаза.

— А он откуда знает? — спросил Блейз, подавив зевок.

— Все знают, — кривляясь, ответил Адриан.

— А-а, ну тогда конечно, — Блейз откинул одеяло.

— Я ненавижу этот мир, — мрачно сказал Драко со своей кровати. — И тебя, тот негодяй, который кидается в меня тапками.

— Вставай уже, — бросил Маркус. Он уже стоял у двери и заклинанием завязывал шнурки на тяжёлых ботинках. — Ждать тебя не будем.

Драко ещё несколько секунд полежал молча, с закрытыми глазами, а потом слетел с кровати, словно его подбросило пружиной. К этому уже привыкли: он всегда валялся до последнего, а потом бегом собирался.

— Того, кто стащил мой носок, я накормлю вторым, когда мы вернёмся, — сообщил Блейз.

— Ты на нём сидишь, — уже совсем не сонным голосом сказал Драко, застёгивая жилет.

— Значит, не накормлю. Что девчонки?

— Готовы, — отозвался Маркус от дверей. — Тот, кто придумал, будто девчонки одеваются дольше парней, просто не видел, как Малфой расчёсывается.

— Что у них там опять случилось? — спросил Адриан.

— Полезли посмотреть, действительно ли оборотни ушли с той стоянки, которую мы должны были брать, — объяснил Маркус. — Посмотрели.

— Кто и с какого перепугу их туда понесло? — спросил Драко.

— Авроры. Как я понял, помочь хотели.

— Ну, спасибо, — с чувством сказал Адриан.

— А более удобное время они выбрать не могли? — проворчал Блейз. — Скажем, часа два ночи.

— Сейчас восьмой час вечера, — напомнил Маркус. — Малфой, поскорее можно? Драко разогнулся и изумлённо посмотрел на него.

— Флинт, кончай ко мне придирааться. Это Блейз до сих пор копается с носками, а мне остался только левый наруч.

— У Блейза нога не в порядке, а ты мне понадобишься в первую очередь.

Сигнал тревоги наконец заткнулся. Во внезапной тишине Адриан чересчур громко сказал:

— Ну и что, что восьмой час вечера? Мы три часа назад спать легли после вызова.

— А они откуда об этом знают? Хорош трепаться, пошли, пока их всех не сожрали там.

— Подумать только, — пробормотал Драко, проверяя крепление наруча — на заклинание в этом смысле полагаться было нельзя, — а ведь мой отец ужом вился, чтобы выторговать для меня это место.

— Можно подумать, ты не понимаешь, — вздохнул Блейз, поднимаясь.

Драко смолчал. Он, конечно, понимал — как и все здесь. Работа в ОМОНе была опасная, но без неё его положение было бы намного более шатким: сюда брали тех, кому было разрешено не считаться преступником. Вроде как общество соглашалось признать твои прегрешения достаточно незначительными. Драко Малфой был самой сомнительной кандидатурой в этом плане. Пробыть в ОМОН Гойла не удалось даже Люциусу. Просто Драко сегодня успел проспать три часа, после чего его настойчиво приглашали на встречу с недружелюбно настроенными оборотнями. В такой ситуации можно и поворчать.

Маркус хмуро оглядел девчонок. Он никак не мог привыкнуть к тому, что они уже не беспомощные малявки, которых приходилось опекать, а взрослые ведьмы, способные постоять и за себя, и за того парня. Панси ответила ему злым взглядом — она знала, что он недооценивает её, но Маркус ещё помнил, как ей не удавались простейшие чары. На самом деле беспокоиться следовало о Миллисент: она была чудовищно не уверена в себе. Последние полгода она резко сбрасывала вес, для чего пила специальное зелье, и её тело менялось слишком быстро, она не успевала привыкнуть к нему. Из-за этого ей доставалось больше тренировок, чем остальным, она уставала. Но лучше так: лишний вес в их работе смертельно опасен.

— Помочь они решили... — ворчал Адриан, шагая рядом с Маркусом. — Помощнички... Лучше бы выпасться дали.

— Отставить разговорчики, — рыкнул Маркус. — Готовы? Пошли.

Руки потянулись к статуе волшебника, пафосно воздевшего волшебную палочку. Постоянно меняющий настройки порт-ключ работал нестандартно: он оставался на месте, только запуская перемещение на место происхождения. Маркус привычно сгруппировался: от того, насколько удачно приземлишься, зависело многое.

На сей раз земля ударилась в ноги как надо. Повезло. Рядом мягко спружинила Панси, мельком взглянула в его сторону и кинулась к криво построенной хижине, стоявшей посреди редкого леса, вокруг которой метались чёрные тени.

Маркус дождался Блейза, убедился, что с ним всё в порядке, и тоже побежал.

— Малфой, слева заходи, — выдохнул он. — Пьюси, Паркинсон, с ним, остальные за мной.

Волчий вой метался между деревьями. Запутывают. Всё они понимают, что бы там кто ни говорил. Волки тоже умеют охотиться командой.

Авроры торчали в хижине — молодцы, успели запереться. Маркус чуть не полетел на землю, споткнувшись о чьё-то тело — ясно, не все успели. Но тут уже ловить нечего, не отвлекаемся.

Встречая новых гостей, оборотни перестали колотиться в хлипкую дверь, рассредоточились между деревьями. Остатки крупной стаи, разбежавшейся, когда стало ясно, что их поселение обнаружено, — или сделавшей вид, что разбежалась.

Сколько их здесь? Три? Двадцать три? Маркус пытался вглядеться, но взгляд выхватывал только белобрысую башку. Заметный он... Остричь, покрасить? Да уж, вовремя он об этом задумался, конечно.

Волчий вой перешёл в стон — кто-то не терял времени даром. Тихо ругнулась Миллисент. Маркус развернулся — и упёрся взглядом в жёлтые глаза оборотня.

Это было ошибкой. Надо было бить сразу, но взгляд тёмной твари гипнотизировал, замораживал, и рука поднималась медленно, словно сквозь воду. Хорошо... Очень хорошо. Два лидера сцепились взглядами, и оборотень не отведёт глаза. Он понимает, что умрёт сразу же.

Значит, он не отслеживает остальных. Маркус старался не думать о том, что оборотней может быть больше, чем его людей. Он вообще старался не думать, а медленно-медленно, дюйм за дюймом поднимать палочку.

Красная вспышка заставила его зажмуриться. От сердца отлегло: кто-то успел. Дёрнулась вверх рука с палочкой, Блейз заорал:

— Да открой глаза, мать твою, их четверо тут! — и Маркус ударил почти наугад, туда, где ему почудилось движение.

Он уже умел с ними — почти всегда, такие оплошности, как сейчас, стали редкостью. Не смотреть в глаза, ловить боковым зрением, бить сразу, не миндальничая. Он, Маркус Флинт, умел не подпускать этих засранцев близко. Он убил уже с десятков. Развелось ведь...

А вот его ребята сумеют ли?

Услышав знакомый скрежет, Маркус вздрогнул всем телом и бросился в ту сторону. Звук зубов оборотня, скользящих по наручу, сминая его прямо на руке, не спутаешь ни с чем, если хоть раз слышал вблизи. До кого добрался? До Милли? До Блейза, у которого нога болит?

Маркус сначала услышал глухой скулёж, а потом сообразил, что выпустил три заклинания в мохнатую спину.

Блейз. Бледный — или с его цветом кожи правильно говорить «серый»? — он тяжело поднялся, сжимая в правой руке палочку.

— Ничего, я... я успел его достать, — тяжело дыша, сказал он. — Всё хорошо.

Маркус коротко кивнул и прислушался, пытаясь понять, где ещё один. Или двое. И всё ли в порядке с его людьми.

Пора бы уже прекратить носиться за ними, как будто они совсем несмышлёныши. Блейз бы справился сам, а он бы успел завалить ещё одного... Мохнатая туша пролетела мимо и вмазалась в дерево. Сползла тряпкой, не издав ни звука. Дохлая. Отлично.

— Сколько вас, твари? — громко спросил Маркус. Они всё-таки животные, и сейчас в них сильна жажда крови. Луна только недавно возшла.

Точно: слева раздался злой вой, почти сразу захлебнувшийся хрипом. Их легко

дразнить, когда они собой не владеют. Даже странно, что авроры не разобрались сами.

— Вроде всё, — из-за дерева выскользнул Драко. — По крайней мере, с моей стороны точно всё. Двое сразу бросились наутёк, как только мы появились, им удалось уйти. Идём внутрь?

Маркус кивнул. Подошёл к хижине, постучал, сказал громко:

— ОМОН прибыл, спасатели. Отпирайте.

За дверью завозились, что-то тяжело грюкнуло. Наконец дверь приоткрылась, из-за неё показалось бледное женское лицо.

— Привет, Ромильда, что ты здесь делаешь? — неприветливо поинтересовался Маркус.

— Она стажёр, — ответил Сэвидж, оттирая её плечом. — Считай, что уже прочёл мне нотацию, я со всем согласен.

— Там, надеюсь, не стажёр валяется? — Маркус мотнул головой в сторону леса.

Сэвидж помрачнел.

— Нет, — ответил коротко, открывая дверь пошире. — Заходите. Помощь нужна кому-нибудь?

— Спасибо, вы уже очень круто помогли, — весело сообщил вынырнувший из кустов Адриан. — Мы поспали целых три часа, премного вам благодарны.

— Заткнись, — беззлобно сказал Маркус. Он разделял чувства Адриана, но ругаться сейчас было лишним.

Да и вообще ОМОНу ругаться с аврором немного не с руки.

Адриан послушно заткнулся. Он со времён Хогwartса не спорил, когда Маркус принимался командовать.

Следом за ними в хижину проскользнули девочки. Блейз зашёл, опираясь на Малфоя. Похоже, всё-таки не надо было его брать, не оправился он после утренних приключений. Драко усадил его на грубо сколоченную лавку и хлопотал вокруг, помогая стянуть изувеченный зубами оборотня наруч. Убедившись, что там всё в порядке, Маркус принялся осматриваться.

Хижина была совсем небольшая; здесь, конечно, не могла жить вся стая. Форпост, видимо, а сама стоянка глубже в лесу. Плохо. Им есть, где прятаться. Посреди помещения стоял большой стол, по бокам от него — две длинные лавки, дальше — лежанки. Чистые, видимо, авроры очистили их от шерсти и прочих следов оборотней. И правильно, они могут быть опасны.

В углу был очаг, на большом железном крюке висел закопчённый котёл со вмятиной на боку. Чуть сбоку от очага — небольшая полка, на ней четыре деревянные миски и два горшка. Да уж, на много народу это место совершенно точно не рассчитано.

— Где сама стоянка, вы выяснили? — спросил он, не особо надеясь на ответ.

— Выяснили, но она, кажется, пустая, — отозвался Сэвидж. — Мы пролетели над ней.

— Под дезиллюминационным, я надеюсь? — не выдержал Маркус.

Сэвидж посмотрел на него так, словно собирался ответить что-то грубое, но сказал только:

— Да. — Потом помолчал и добавил: — Мы потому сюда и сунулись, что там никого не было. Мы подумали, что оборотни ушли, и решили проверить, что это за место. А вдруг это человеческая хижина, лесничего, например, и здесь обглоданные кости лежат. Но нас тут ждали...

Не вас, хотел сказать Маркус, но не стал. Может, оно и к лучшему: положили аврора, а не одного из его людей.

Его люди тем временем привычно сбились в стаю и тихо переговаривались между собой. Как будто перед матчем советуются.

Маркус поморщился. То, что он был капитаном школьной команды, ему отчаянно мешало. Никак не мог отвыкнуть воспринимать их по-старому, как будто они всё ещё

играют в квиддич. Всё изменилось, а он по-прежнему в критических ситуациях возвращается к той расстановке сил. Придирается к Малфою больше, чем к другим, потому что Малфой стоит на ответственной позиции ловца. Опекает девчонок и Забини, потому что они новые игроки, с которыми он раньше не имел дела... И может сколько угодно повторять себе, что он уже не капитан, а командир боевого отряда. Всё равно оно вылезает, причём именно тогда, когда не надо.

— У меня есть предложение забрать тело и свалить, — сказал он. — Мои люди устали, идти на стоянку мы сейчас не готовы. Если хотите брать тех, кто убежал, вызывайте своих. И привлечите наконец департамент по контролю.

Конечно, Маркус понимал, что всё это — пустая болтовня. И Сэвидж понимал. Будет приказ — они встанут и пойдут как миленькие. Но пока что приказа не было, и Маркус мог позволить своим людям уйти.

Сэвидж помедлил и кивнул.

— Надо вообще разузнать толком, что происходит. Мы не ждали тут вылулков Фенрира, а это они. Взглядом так и жмут к земле...

— Фенрирово семя, — согласился Маркус. — Другие так не умеют.

— А у нас в докладной писали, что здесь стая Арктурсхелма. Разобраться надо, я поговорю с ребятами из контроля. Прочешем тут всё вместе. По вашим данным, ближайшие оборотни стаи Фенрира где должны быть?

— В Валгалле, — оскалился Маркус. — Ближайших мы положили всех до одного. До самого Норвуда их не должно быть.

— Вот то-то и оно. Пошли отсюда. Кто знает, какие здесь ещё новости.

— Постойте, — Драко, всё возившийся с Блейзом, вскочил и подошёл к очагу. — А вот это не может быть?..

Он умолк, вопросительно глядя на командира. Авроры смотрели непонимающе, но Маркус понял. Он внимательно изучил очаг, отодвинул котёл...

— Места достаточно, — кивнул Малфою.

Тот приподнялся на цыпочки и принялся шарить на полке с мисками. Маркус отметил про себя, что неподалёку валялась скамеечка, на которую могли становиться люди пониже ростом, чем каланча Драко.

— Вот он! — воскликнул тем временем Малфой, вытаскивая кожаный мешочек. — Летучий порошок! Это не очаг, это камин. Он подсоединён к сети, выясните, кто из транспортников так балуется.

Маркус похолодел. Сэвидж, судя по выражению его лица, тоже. Оборотни, которые могут зайти в любой дом, или в магазин, или на совятню... Нет, что ни говори, эти авроры припёрлись сюда вовремя.

— Выясним, — обалдело сказал Сэвидж, глядя на Малфоя, который стоял с мешочком в руке, тоже белый как стена. — Спасибо.

— Рискнём воспользоваться? — спросил Адриан. — Как думаете?

— Сначала я схожу, — решительно заявил Маркус и взял мешочек из руки Драко. — Подождите здесь. Министерство магии!

Огонь вспыхнул зелёным, и он, придерживая тяжёлый котёл рукой, шагнул в очаг — под ногой промялась зола. Да уж, тут недавно ходили.

Если здесь ничего не перенастроено на выход в определённое место, он сейчас окажется в министерстве. Если перенастроено... Ну, удрать успеет.

Атриум был пуст, как обычно в это время. Убедившись, что это не мираж, Маркус кивнул и произнёс формулу отмены перемещения.

Перед очагом уже стояли с палочками наперевес девочки и Адриан. Маркус одобряюще улыбнулся.

— Всё чисто, пошли.

— Ты псих, — тихо сказала Ромильда Вейн.

— Это моя работа, — кривляясь, поклонился Маркус. — Идём, и надо

заблокировать его.

Панси вздохнула, опустила палочку и протянула ему вторую руку.

— Порох отдай, умник. Ты ж его весь себе забрал.

— Откровенно говоря, Гермiona, я не до конца понял, ты опасаясь их или боишься за них, — заметил Артур.

На сей раз об ОМОНе беседовали в его кабинете. Здесь были большой камин, через который могло пройти сразу несколько человек, карта Лондона во всю стену, ещё одна карта — каминной сети Британии (впридачу на ней цветными кнопками были отмечены советни) и неожиданно маленький стол, за которым Артур едва уместился. Зато кресел для посетителей, весьма удобных, имелось целых три. Они стояли у стены, видимо, подразумевалось, что посетитель сам выберет то, которое ему нравится. Гермiona выбрала синее: у него была высокая прямая спинка.

— Да и то, и другое, — ответила она. — В маггловском мире это рассматривали бы как двойное нарушение. Там если человек совершил насильственное преступление, в силовые структуры его не возьмут.

— А если только подозревался? — мягко спросил Артур.

— Постараются не взять. И уж совершенно точно не отправят на... такие задания без подготовки.

— У них была подготовка. Нет, ты не думай, я понимаю, о чём ты говоришь. Но видишь ли... — Артур задумчиво пролистал папку, лежавшую перед ним, — явно чтобы занять чем-то руки. — Я попытался представить себя на месте... ну, того же Люциуса. Знаешь, я бы тоже бился во все двери, чтобы с моим ребёнком осуществили такое нарушение. Нас мало, Гермiona, и все друг о друге всё знают. Ну, то есть, — поправился он, — все, кому интересно или нужно по работе, знают. Понятно, что когда только попадаешь сюда, голова кругом идёт от информации. Но со временем осваиваешься, правда ведь? Так вот понимаешь, этот мир так устроен: или они докажут, что им можно доверять, что они на самом деле не преступники или, как это правильно назвать, исправившиеся преступники, или перед ними будут закрыты все двери. Вопрос репутации, Гермiona. Если мой сосед вор, а я лавочник, то стоит мне зайти к нему в гости, и обо мне поползут слухи, будто я продаю краденое. Если им никто не станет подавать руки кроме им подобных, магический мир очень скоро расколется на два лагеря. Такое уже было, ни к чему хорошего не привело. Да, это плохая традиция, но давай сначала дадим им возможность ею воспользоваться, а потом будем что-то менять.

Гермiona вздохнула. Они говорили так всегда, в любой ситуации — и в результате магический мир практически не менялся.

— А если они и в самом деле затеют какой-нибудь... переворот? Вы даёте им боевые заклинания, которых не знает никто другой; вы даёте им силы скрутить почти любого волшебника — да, формально у них нет полномочий, но если они решат сделать это, остановит ли их то, что они не имеют права? Ведь Пожирателей не останавливал запрет на непростительные. Преступники вообще-то не законопослушны.

— Авроры всё равно сильнее. И их больше. Гермiona, я знаю и согласен с тобой, что их нельзя было ставить на такую работу, но пойми же ты, мы не переломим все традиции сразу!

— А как же увядание родов? — сделала она последнюю попытку. — Как же старинный принцип не ставить под удар единственного сына? Там же семейства из пресловутых двадцати восьми.

Артур посмотрел на неё исподлобья, и она вдруг поняла, что он чувствует себя виноватым. Причём, что особенно глупо, не в том, что не сделал ничего, чтобы сломать эту дурацкую традицию, а в том, что гибель его сына не имела никаких катастрофических последствий — кроме самого катастрофического: Фреда больше нет. Артур Уизли наплодил много детей, а они — нет. Нашёл за что себя винить!

— Гермiona, — неожиданно жёстко сказал он, — если они погибнут, значит, они погибли. Значит, пришло время. Значит, чистокровных родов останется двадцать семь. Двадцать шесть. Двадцать пять. Так бывает. Пройдёт время, и ты поймёшь. Сейчас тебе сложно, потому что ты пришла всё же из другой системы ценностей. Но это изменится.

— Надеюсь, нет, — ответила она, поднимаясь. — Если это произойдёт, я перестану себя уважать.

И вылетела из кабинета, чтобы не наговорить лишнего. Больше, чем уже наговорила.

— Да я в порядке, Драко, — сказал Блейз. — Отосплюсь, и совсем всё хорошо будет.

Драко посмотрел на него виновато и отстал. Надо было и самому лечь поспать, а то снова пошлют куда-то в неурочное время...

Просто за Блейза было очень страшно. Хотелось снова и снова осматривать его руку, убеждаться, что ничего страшнее уже сходящего синяка там нет, что ничего не случилось, не могло случиться... Идиотская ситуация. Драко стиснул зубы, стащил рубашку и отправился мыться.

Сработало. Начались смешки, Адриан громко застонал: «О, нет, только не это, Малфой снова занимает ванную! Ближайшие трое суток мы без воды!», Флинт строго сказал: «Отстаньте от великого анимага, дайте ему спокойно превратиться в тюленя и поплескаться»... Странное дело, но от этого становилось легче. Как будто всё, что происходило вокруг, было не всерьёз, шутка такая.

И то, что происходит между ним и Блейзом, тоже не всерьёз. Тем более что толком не происходило ничего. Просто Драко, как обычно, вёл себя как дурак и надумывал горы ерунды.

Приятно тёплая вода лилась на плечи, мышцы постепенно расслаблялись, вместе с напряжением уходили дурацкие мысли. Их место занимали нужные, правильные: с утра хорошо бы успеть побегать и заглянуть в качалку, а то одной палочки маловато, чтобы уворачиваться от любителей закусить человечинкой. Не далее как пару часов назад Драко едва не откусили голову, и только хорошая физическая подготовка помогла ему избежать грустной участи. Он улыбнулся, вспоминая, как с удивлением обнаружил себя на толстой ветке дерева — и заметить не успел, как взлетел с прыжка.

А ещё ему нравилось собственное тело — то, каким оно становилось. Нравиться себе было приятно, ради этого стоило поработать.

Из ванной Драко тихонько прокрался в мужскую спальню: понятно, что все уже спят, нельзя будить. У дверей была кровать Флинта; тот привычным жестом запустил руку под подушку, где лежала палочка: даже во сне был готов отражать нападение. Пьюси, наоборот, раскинулся, уже успев вышвырнуть подушку на пол. Его палочка торчала из футляра, закреплённого на прикроватной тумбочке. Блейз хмурился во сне, но дышал ровно — Драко прислушался. Вроде всё в порядке, можно ложиться спать.

Собственная мысль рассмешила. До сих пор староста, а, Малфой? Надо всё проконтролировать? Ты здесь не командир, успокоился бы уже.

Укладываясь в постель, Драко снова обернулся на Блейза. Дышит ровно, всё хорошо.

Оборотней Драко боялся не особо; в последнее время с ним происходило много чего намного хуже, чем попытки неразумной твари отгрызть от него кусок. Тот-Кого-Лучше-Не-Только-Не-Называть-А-Не-Вспоминать-Вообще был пострашнее всех оборотней Британии вкупе с дементорами и вампирами. А боевые тренировки ОМОНа после того, как его гоняли все Лестрейнджи вместе и по очереди, Долохов и Макнейр, казались милой утренней прогулкой. Но ведь, по-хорошему, Драко был единственным в этой компании, кому раньше приходилось убивать. Поэтому, как ни крути, он чувствовал себя здесь самым опытным.

Надо будет утром поговорить с Флинтом. Блейз откровенно не в порядке, его бы в Мунго сдать...

Взгляд Драко упал на часы, и он решительно закрыл глаза. Режим дня в ОМОНе был не правилом, а жизненно важной потребностью.

Артур Уизли рисовал чёртиков на странице блокнота. Чёртики были заняты решением бытовых проблем: один заглядывал под кровать в поисках пары носку, который, длинный и полосатый, был надет на его левую ногу; второй жарил котлеты на здоровой сковороде с гнутой ручкой; третий гонялся за четвёртым, размахивая полотенцем; пятый, насупившись, мыл посуду. Собрание глав департаментов — скучнейшее мероприятие, особенно если не интересуешься ничем, кроме своего участка работы.

Артур другими участками интересовался, но руки всё равно надо было чем-то занять.

Кингсли старательно сцеживал зевки в кулак, слушая монотонный голос Гавейна Робардса, главы аврората и временно исполняющего обязанности главы департамента магического правопорядка. Вот же умеет человек даже самые интересные вещи рассказывать так нудно, что спички хочется в глаза вставить. Это маггловское изобретение в магическом мире было бы ни к чему, если бы не такие зануды, как Робардс.

— А пропавшего волшебника, Мартенса, вы нашли? — наконец вклинился в паузу Клеменс, главный редактор «Ежедневного пророка». Артур поморщился: он, как и Гавейн Робардс, высказывался против присутствия Клеменса на совещаниях глав департаментов. Не всё, что здесь говорят, нужно знать прессе. Кингсли их протест отклонил, однако Клеменс каждый раз давал Непреложный обет неразглашения. На публикацию любой информации ему давали специальное разрешение.

— Нашли, — ответил Робардс. — К сожалению, мёртвого. Мы занимаемся выявлением причин смерти.

— А где нашли? — продолжал допытываться Клеменс.

— На территории Эдинбургской совятни, той самой, где три дня назад разбушевались молодые вампиры. Предупреждая ваш вопрос: нет, его убили не вампиры, тело появилось там уже после того, как ОМОН там всё обследовал.

— Вот как? — раздался неприятный голос Клотильды Макбрук, главы департамента катастроф. — А не ваш ли хвалёный ОМОН это тело туда притащил?

Повисла нехорошая пауза. Желание некоторых чиновников министерства навсегда запретить всех, кто подозревался в связях с Пожирателями, в Азкабана было известно давно. Клотильда Макбрук была одной из самых ярых противниц разрешения им работать в ОМОНе.

Выдержав паузу, Робардс ровным голосом ответил:

— Я совершенно уверен, что никто из сотрудников моего департамента — никто, я подчёркиваю, — не виновен в смерти мистера Мартенса. Я готов ручаться в этом. За ОМОН я отвечаю головой.

В зале раздался тихий шёпот: главы департаментов переговаривались, почти не разжимая губ. Артур тоже поднял голову. Подобные слова во время совещания у министра были не просто словами: все присутствующие находились под действием ряда магических контрактов, которые не давали им возможности лгать и придавали определённый вес их обещаниям. Если выяснится, что кто-то в ОМОНе причастен к убийству, Гавейн Робардс будет вынужден уйти в отставку.

— Что ж, в таком случае, — чопорно ответила Макбрук, когда шёпот стих, — я надеюсь, что вы быстро найдёте истинного виновника. После Вы-Знаете-Кого исчезновение человека вызывает множество панических слухов.

— В этом нет моей вины, — резко возразил Робардс. — Я не заставляю людей сплетничать вместо того, чтобы дожидаться результатов официального расследования.

— Коллеги, не надо ссориться, — примиряюще сказал Кингсли. — Давайте просто каждый из вас будет, как и прежде, выполнять свои обязанности, не ставя под сомнение компетентность других. Нам всем непросто сейчас. Мистер Робардс, вы закончили отчёт?

— Да, господин министр.

— Прекрасно, тогда займите своё место и давайте продолжим. Мистер Чейн, расскажите, пожалуйста, как дела в департаменте магических игр и спорта.

Артур тихонько вздохнул и принялся рисовать чёртика, пришивающего пуговицу.

Панси зло посмотрела на Флинта. Она так и знала; крутой суперкапитан был крутым только среди своих, а когда начинало всерьёз пахнуть жареным, резко сдавал назад.

— То есть ты просто сказал им: «Да, хорошо, я всё сделаю»? — переспросила она.

— Панси, послушай, это в наших интересах. — Флинт тяжело опустился на застеленную постель. — Если мы начнём упираться, нас просто обвинять в убийстве, и всё. Ты же знаешь, как они расследуют: ты виноват, потому что а кто же ещё.

— А мы что, лучше расследуем? У нас ведь даже полномочий нет!

— А ещё только у нас нет желания засадить нас в Азкабан. Панси, я сделал это не потому, что испугался спорить, а потому, что это лучше для команды, понимаешь? Если хочешь обжаловать моё решение, подай рапорт.

Он всегда такой. С самого начала был таким. Чуть что ему не нравится, просто затыкает тебя, и всё. Панси смотрела на злую рожу Флинта и пыталась понять: неужели вот эта работа, и этот тип в начальниках, и эта ненадёжная команда и есть то, чему она готова посвятить жизнь?

— Панси, у тебя светлая голова, — вкрадчивый голос Малфоя раздался именно тогда, когда в этом была потребность. Грубая манипуляция, очень грубая. Неловкий жест доверия: мол, вот, смотри, я и не пытаюсь от тебя скрывать. — Одной тебя хватит, чтобы мы провели расследование лучше, чем нюхачи. А нас, умников, здесь много собралось.

— Полномочия, Драко! — простила Панси. — Придём мы на эту Мерлином драную совятню, начнём людей расспрашивать, а они нам: а кто вы такие, почему мы должны отвечать на ваши вопросы? Предъявите-ка ваши полномочия или идите подальше.

— Значит, предъявим, — резко сказал Флинт. — Я раздобуду то, что будет нужно. Это моя забота, Панси, не забывай этим голову. Давайте лучше сядем все вместе и обмозгуем всё как следует. Блейз!

— Я здесь, — отозвался Блейз, — уже расчистил стол для вас, идите сюда.

— Тело лежало прямо посреди совятни, — начал Флинт, плюхаясь на стул, швырнул на стол колдофото, — вот так. Кто уходил через этот камин?

— Я, — подал голос Драко. — Передо мной Милли.

Флинт кивнул.

— Сольёшь в омут воспоминания, поглядим, не было ли кого у тебя за спиной или ещё где. Кто-то из вас этого типа когда-то видел? Ясно, никто.

— Флинт, не валяй дурака. — Панси достала из бара бутылку коньяка, глотнула. Невероятно хотелось послать всё это куда подальше и вернуться домой, сидеть за вышиванием, не думать ни о чём... — Ясно же, что тело принесли после того, как мы все оттуда убрались. Не корчи из себя крутого детектива.

— Дай сюда, — Драко отобрал у неё бутылку, отхлебнул, поморщился. Он не любил коньяк. — Командир, давай я схожу туда. Скажем, вот с Панси. Мы посмотрим, может, что-то найдём. Надежды мало, конечно, но всё-таки.

Флинт посмотрел мрачно, протянул руку к бутылке. Сказал:

— Идите, — и отхлебнул.

Кажется, им всем это нравилось. Уточнённые слизеринцы, способные долго дискутировать о различиях в шотландском гаэльском и ирландском гаэльском, легко

ориентирующиеся во всех разновидностях бокалов, фужеров и рюмок, на работе они хлестали коньяк из горла, не всегда закусывая. На вопрос «Зачем?» не ответил бы, наверное, никто из них. Просто они делали так, и всё.

Для Панси, возможно, дело было в том, что она точно знала: если бы это увидели её родители, их бы хватил удар.

Бар, полный початых бутылок, достался им в наследство от предшественников. Они на всякий случай проверили бутылки на яды и проклятья, но там ничего такого не было. Просто выпивка. Она снимала стресс.

— Ты его всегда защищаешь, — с вызовом сказала Панси, когда они с Драко вышли из камина в пустой совятне.

— Он мой командир, — ровным голосом ответил Драко, снимая печать нюхачей и ставя взамен свою. — И ты неправа, что постоянно его задеваешь, он не виноват, что нас не любят. Здравствуйте, мистер Таппенс, я бы хотел с вами поговорить.

— Зачем вы опечатываете камин? — взвыл Таппенс, начальник совятни. — Мы терпим убытки из-за этого!

— Совятня — неприбыльная организация, а у меня есть должностные обязанности, которые я не имею права пренебрегать. Мистер Таппенс, как скоро после того, как мы ушли отсюда, вы открылись?

— На следующий день. Знаете ли, многим волшебникам нужны наши услуги. Правда, открыться смогли только после полудня: невыразимцы и нюхачи здесь всё перевернули. Простите, я, разумеется, хотел сказать — сотрудники Отдела тайн и Группы обеспечения магического правопорядка, — ядовито заметил Таппенс.

— С вами говорили невыразимцы?

— Нет, а почему вы спрашиваете?

— Ну, вы же откуда-то знаете, что они здесь были.

— Мне сказали.

— Кто?

— Молодой человек, а на каком основании вы вообще задаёте мне все эти вопросы? Вы, насколько мне известно и насколько я могу видеть по вашему и вашей спутницы внешнему виду, из ОМОНа, а это славное подразделение не ведёт расследований, разве это не так?

Панси старательно сохраняла дружелюбное выражение лица. Она ждала этого, непонятно, на что рассчитывал Малфой. Это раньше он мог потрясти именем папочки, и все сразу рассыпались в любезностях. Те времена ушли безвозвратно.

— Мистер Таппенс, — тон Драко стал почти интимным, — на территории вашей совятни нашли труп, вы это понимаете? Есть все основания считать, что этого волшебника, Мартенса, убили с применением тёмной магии. Вы уверены, что хотите, чтобы мы привлекли к этому делу авроров? Вы понимаете, что первое, что они сделают, — закроют вашу совятню недель этак на пять-шесть? А потом начнутся проверки на причастность к тёмной магии, причём начнутся они лично с вас. Вы знаете, как происходят эти проверки? Я знаю очень хорошо и с радостью расскажу вам. Вашу жизнь перетряхивают, как старую подушку, извлекая на свет всё, каждую мелочь...

— Довольно, — резко перебил его Таппенс. — Вы не считаете, что угрозы от сотрудника ОМОНа наказуемы?

— Никаких угроз, что вы. Я нахожусь при исполнении, соответственно, при получении информации о том, что Мартенса могли убить с применением тёмной магии, я должен проверить эту информацию. Если у меня будут доказательства, что это не так, я с чистым сердцем напишу рапорт о том, что версия не подтвердилась. Если же таких доказательств у меня не окажется, я обязан передать соответствующее сообщение в аврорат. Возможно, мы всё-таки поговорим?

Таппенс смотрел на них обоих крайне недовольно, но Панси уже видела по его глазам: разговор состоится. И вот это каждый раз, каждый раз надо изворачиваться, чтобы

с тобой соизволили побеседовать. Нет, выяснять что-то без полномочий решительно невозможно!

Они устроились возле конторки Таппенса. Он смотрел на них недружелюбно — лысый, полноватый волшебник, который сам напоминал нахохлившуюся сову.

— Мистер Мартенс не был моим клиентом, — недовольно начал он, — у него имелась своя сова.

Драко кивнул.

— Да, я знаю, он приходил за контрабандой, — небрежно бросил он.

Таппенс чуть напрягся.

— За какой такой контрабандой? На каком основании вы меня обвиняете?

— Мы вас не обвиняем, мистер Таппенс, — вступила в разговор Панси, стараясь говорить дружелюбно и мягко, — контрабанда вообще не находится в нашем ведении, ею занимаются международники. Отдел магического правопорядка даже не имеет полномочий предъявить вам соответствующие обвинения. То, что вы приторговываете контрабандными товарами, интересует нас лишь в контексте расследования убийства, понимаете? Мистер Мартенс приходил к вам за контрабандой, надо полагать, в то время, когда у вас было меньше всего посетителей, верно? Значит, его мало кто мог видеть. Почему же его тело принесли именно к вам? Кто мог знать, что вы вообще как-то связаны?

— А вы уверены, что кто-то знал? — мрачно огрызнулся Таппенс. — Могли ведь просто так притащить его сюда.

— Могли, — согласилась Панси. — Но его ведь не через камин протаскивали, верно? И на метле с трупом в обнимку не полетаешь. Значит, или порт-ключ, или аппарация. Порт-ключ подразумевает, что попасть именно сюда планировали изначально. Аппарация возможна, если человек, переместившийся сюда с телом, здесь уже бывал, но аппарировать на территорию советни... Здесь ведь могли быть посетители, здесь мог быть кто угодно. Мне кажется, если человек решил оставить тело именно здесь, он должен был хорошо знать, в какое именно время он сможет сделать это без свидетелей. Значит, за советней следили? Не слишком ли всё это сложно для случайного выбора места?

— Кроме того, — добавил Драко, — если рассуждать логически, есть два варианта: либо его принесли сюда просто потому, что надо же куда-то было его принести, либо место не случайно. Мы должны рассмотреть их оба. В любом случае, важно, что Мартенс здесь бывал. И тот, кто принёс его сюда, скорее всего, тоже.

— Он интересовался контрабандными ингредиентами, — неохотно признался Мартенс. — Я не продавал их ему! Только помогал доставлять. У меня есть совы, которые... ну... предназначены для... перевозок с уклонением от таможенного контроля.

Драко с Панси синхронно кивнули. Они знали, как это делается. Совы, пересекающие границу с грузом, обязаны были залететь на таможенню, а если они забывали это сделать, особые чары перемещали их против их желания. Для соблюдения этого правила все почтовые совы были зарегистрированы на таможне — точнее, должны были быть зарегистрированы. Почти на каждой советне были особенные, нигде не зарегистрированные совы. Иногда — как в случае мистера Таппенса — они таскали контрабанду и для самого начальника советни. Но Мартенс, значит, только использовал сов Таппенса...

— Почему он не завёл себе незарегистрированную сову? — спросила Панси.

— У него один из соседей — работник таможни, — пояснил Таппенс. — Если бы к нему домой прилетала такая сова, он заметил бы.

— Советню проверяли на применение тёмной магии? — Драко задумчиво огляделся.

Таппенс посмотрел на него, как на идиота.

— Здесь же были вампиры. Конечно, не проверяли, толку? Тут всё в тёмной магии.

— Понятно. Я посмотрю.

Таппенс фыркнул, но спорить не стал.

Панси тоже ничего не сказала. Драко, конечно, самоуверен до крайности, но это же Драко. Он достаточно хороший тёмный маг для своего возраста, может, и сумеет отделить среди следов тёмной магии следы направленных чар. И к тому же, в том огромном мешке, который ему всучил Люциус, отправляя служить в ОМОН, вполне мог быть какой-нибудь хитрый артефакт для такого случая.

— И всё же, мистер Таппенс, — задумчиво сказала Панси, — почему вампиры явились именно сюда? Я помню, вы сказали нюхачам, что не знаете, но ведь наверняка вы думали об этом после того, как говорили с ними, может, вам пришла в голову какая-нибудь идея?

Таппенс покачал головой.

— Я всё ещё не знаю. Может, кто-то регулярно провозил через мою совятню какие-то нужные им ингредиенты... Но я не могу утверждать. Я же не вскрываю посылки, не предназначенные мне.

Панси кивнула. Таким, как Таппенс, платили немалые деньги за то, чтобы они не интересовались, что именно приносят их незарегистрированные совы. Рискованно, конечно: если на территории совятни будет обнаружен, например, темномагический артефакт, спросят в первую очередь с начальника. Ну так риск и стоил соответственно.

Драко неторопливо обошёл совятню, время от времени останавливаясь и присматриваясь повнимательней. Панси не знала, действительно ли он что-то проверяет или морочит Таппенсу голову, поэтому старательно отвлекала того беседой.

— Итак, давайте восстановим хронологию. Вампиры явились на территорию вашей совятни ранним утром и учинили здесь дебош. Вы вызвали авроров, те вызвали нас. Мы ушли в начале одиннадцатого. Вы вернулись сюда — и что?

— Нет, я вернулся позже. Вы ушли, я попытался вернуться, но здесь всё было опечатано и стоял барьер. Я снова обратился в аврорат, спросил, как мне попасть в совятню. Мне ответили, что это обычные защитные меры и барьер спадёт сам, как только уровень тёмной магии внутри естественным образом опустится до безопасного. Это произошло примерно в три пополудни; я зашёл внутрь и сразу увидел тело на полу. Разумеется, снова вызвал ваших, прибыли нюхачи и опять выставили меня вон. Я отчаялся попасть на работу и пошёл домой. Там меня и нашли нюхачи вечером. Сказали, что обыскали совятню вместе с невыразимцами и что завтра я могу выходить на работу, если пожелаю. — Он вздохнул. — Назавтра у меня была масса посетителей, масса! Но всё, чего они хотели, — узнать, что здесь произошло.

— Следов тёмных заклинаний на территории совятни нет, — сказал Драко, возвращаясь к Таппенсу. — Только фоновая магия вампиров. Таким образом, мы можем утверждать, что если мистера Мартенса и убили посредством тёмной магии, то это произошло не здесь. Думаю, этого достаточно, чтобы авроры вас не беспокоили, мистер Таппенс. У меня остался к вам только один вопрос: мистер Мартенс должен быть к вам прийти в тот день, когда его убили?

Таппенс явно колебался, но потом всё же ответил:

— Нет. Но в тот день прилетела сова для него. Она не смогла попасть внутрь совятни, барьер же стоял, и я забрал её. Я как раз ждал, когда же этот пресловутый барьер исчезнет. Меня не предупредили, что мистеру Мартенсу пришлют посылку, но, наверное, предупредили его.

— Что вы сделали с посылкой?

— Вскрыл, — честно ответил Таппенс. — Знаете, очень опасно хранить посылки с неизвестным содержимым, даже недолго. А вдруг оно взорвётся? Но там не было ничего опасного. Ингредиенты южноамериканского происхождения, в основном травы. Я отправил их обратно, присовокупив письмо о том, что получатель теперь, к сожалению, недоступен. Вам нужна опись посылки, да?

— Приятно иметь дело с понимающим человеком, — кивнул Драко.

— Хорошо, я напишу. Но там действительно не было ничего такого, за что могли бы убить. Просто травы, желчь и яд перуанского ядозуба и шерстинки зубастой лианы, и всё.

Таппенс торопливо нацарапал список ингредиентов на листе пергамента и протянул Драко. Тот поблагодарил, и они вышли на улицу. Пройдя несколько шагов, аппарировали в министерство.

— Ты хорошо играешь в покер? — спросила Панси.

— Отвратительно, — поморщился Драко. — Совершенно не умею выжидать, хочу сразу развязку.

— Мы ведь ничего не знаем о причинах смерти Мартенса? — на всякий случай уточнила Панси.

— Совершенно. А что?

— Да нет, ничего.

— Надо узнать, кстати, — безмятежно сказал Драко, открывая дверь на лестницу. Он не любил пользоваться лифтом, чтобы попасть на второй этаж. — Выяснишь?

Панси кивнула. Втайне она очень хотела убраться отсюда, раз и навсегда, но идти было некуда. А значит, она будет всё так же препираться с Флинтсом, жаловаться Милли, посмеиваться над Драко — и раз за разом говорить: «Хорошо, я сделаю».

Это достало.

— Нам нужно официальное разрешение на вмешательство в расследование, — упрямо повторила Панси, продолжая сверлить Маркуса злым взглядом.

— Нам его не дадут, и ты это знаешь, — он тоже смотрел ей в глаза. — Могу раздобыть разрешение на что-то конкретное — на допрос там или проникновение куда-то.

— Выясни, как его убили, — подал голос Блейз. — Мне не говорят, я спрашивал. Откровенно посылают. Если надо, я пойду кружным путём, но попробуй сделать это проще. Мерлиновы подтяжки, они же хотят, чтобы мы разобрались, нет? Почему бы не дать нам полномочия?

Флинт злился. Они всё понимали, но так хотелось просто поворчать и пойти спать, и чтобы наутро явился декан, пошипел и всё порешал, или родители принесли бы всё на блюде... Нет уж, дорогие мои, вы уже большие мальчики и девочки, не надо прятаться за моей спиной так... откровенно.

— Вы не хуже меня знаете: большинство хочет, чтобы мы облажались. Я говорил с министром, он твердит, что на нашей стороне, но у него руки связаны. Я точно должен вам всё это рассказывать, вы сами не понимаете, что ли? От нас не хотят, чтобы мы что-то там расследовать, нам дают хиленькую возможность оправдаться. Потому что в министерстве хватает тех, кто готов обвинить в смерти Мартенса нас.

— Но если его убили мы, — сказала Милли, — зачем нам знать, от чего он умер? Разве наши настойчивые вопросы не доказывают, что мы тут ни при чём?

— Да все понимают, что мы ни при чём, — раздражённо отмахнулась Панси. — Просто это такая замечательная возможность избавиться от нас, как от наших предшественников избавились.

Помолчали. Об этом не любили говорить, но второе имя Панси Паркинсон было мисс Бестактность Паркинсон. До них ОМОН был многочисленнее: при Пии Тикнесси здесь работало восемнадцать человек, рекорд со времён Барти Крауча. Во время битвы за Хогвартс Тикнесси отдал им приказ поддержать силы Того-Кого-Уже-Незачем-Называть-И-Хорошо. Часть ОМОНа выполнила приказ и сейчас отдыхала в Азкабане. Часть отказалась — и умерла на месте: магический контракт, заключаемый при приёме на эту собачью работу, разночтений не предполагал. Панси была уверена, что им тоже когда-нибудь подsunут такую очаровательную вилку: куда ни кинь, всюду клин.

Маркус придерживался более оптимистической позиции, как сказал бы Малфой. Хотя, может быть, дело было в том, что в его голове просто не вмещалась мысль о

собственном бессилии.

— Меня очень смущает вот что, — задумчиво произнёс Драко. — Помните, месяца три назад был скандал, когда парни из Контроля выехали сами на вампиров, не позвав нас? Там погибло двое, и им устроили взбучку, помните?

Народ закивал.

— Теперь они вообще не выезжают, — буркнул Адриан, — надо бы их того, пнуть в седалище. Что всё мы да мы?

— Так вот, — продолжал Драко, — я посмотрел, что писал тогда «Пророк», раз уж официальные отчёты нам недоступны. Вампиры убили волшебника, прежде чем их взяли. Видимо, он оборонялся, потому что его не выпили, а просто убили. Понимаете?

Панси и Маркус синхронно кивнули. Блейз покачал головой.

— Ну и дела, — негромко сказал он. — Флинт, нам нужна информация. Очень нужна.

— Вот что, — решительно заявила Панси, — ты колотись в закрытую дверь, Флинт, может, что-то и выколотишь, а я предлагаю пойти другим путём. В конце концов, нас зачем здесь заперли? Чтобы мы не опутали всё министерство своими страшными и ужасными связями, не так ли? Вот и пора применить связи, скажу я вам. Блейз, Драко, первый ход ваш.

— Думаешь, быстрее выйдет? — тоскливо отозвался Блейз.

— Уверена, — отрезала Панси.

Драко молча кивнул.

Как ни смешно, Панси была права: непостижимым образом их, вчерашних подростков, боялись. Некого мифического влияния их семей, по-видимому, разлитого в воздухе и впитавшегося в стены министерства; как будто стоит взять кого-нибудь из них младшим клерком в какой-нибудь бумажный департамент, и через год в Британии сменится министр магии, а через два возродится Сам-Знаете-Кто. Как это сочеталось с тем, что их радостно отправили в ОМОН, Маркус понимал не до конца. Он, конечно, знал, что в глазах большинства волшебников ОМОН был таким чердаком, куда отправляли на ночь плохих мальчиков и девочек, но если боишься кого-то в министерстве, не проще ли не пускать его в министерство вовсе? Видимо, мифического влияния боялись так сильно, что верили в него — верили, что не могут противостоять попыткам бывших Пожирателей устроить своих детей хотя бы в ОМОН.

В любом случае, их положение было более чем шатким. А теперь ещё эти убийства...

— Малфой, — мрачно сказал Маркус, — не говори никому. Только не хватало, чтобы на нас повесили два убийства.

Драко ничего не ответил. Он рассматривал собственные ногти и, по всей видимости, размышлял, как использовать свои мифические связи, по возможности превратив их в реальные. Кто у него из влиятельных друзей-то остался? Похоже, самым влиятельным был он, Маркус Флинт. Блейз-то понятно, он до сих пор получает приглашения в Слагклуб — и не отклоняет ни одного, разумеется. Кэти как-то предлагала Маркусу пойти туда с ней, но он не согласился. Старик Слагхорн его не звал, значит, он был там персоной нежелательной. Зачем создавать хорошему человеку проблемы?

Маркус призвал свой блокнот, написал: «Кэти!» и подчеркнул. То, что было между ними, язык не поворачивался назвать отношениями, уж больно редко они виделись, но хоть пару строк ей надо нацарапать. А то ещё решит, что он обиделся на что-то.

Хотя вряд ли решит. У неё тоже дел хватает. Когда там сова от неё в последний раз прилетала, неделю назад? Ладно, тормоз тоже механизм, как говорят у магглов.

Артур дописал отчёт, поставил перо в чернильницу и обернулся, чтобы спросить Перкинса, чем закончилось последнее дело, с заколдованным почтовым ящиком. Но за столом верного заместителя никого не оказалось. Артур бросил взгляд на часы и кивнул:

обед же. Заработался так, что не заметил, как Перкинс вышел. Впрочем, с его привычкой ходить тихо это и несложно.

Артур поднялся с места и тоже вышел из их крохотной каморки. Отдел неправомерного использования маггл-артефактов всё так же ютился в комнате без окон, все шесть работающих здесь человек. Точнее, теперь, когда Аделаида ушла в декрет, все пять.

Перкинс обнаружился поблизости — у стойки дежурного аврора. В одной руке у него была булочка с корицей, в другой — чашка с дымящимся напитком, судя по запаху, кофе. За стойкой, на высоком стуле, притащенном из какого-то маггловского бара, сидел Праудфут. Артур подошёл поближе.

— Наверное, это обидно, — сочувственно качал головой Перкинс, — что вы, опытные авроры, потеряли человека, а зелёные юнцы справились. Они ещё такие снисходительные всегда...

Праудфут поморщился.

— Ай, не говорите. Специальная подготовка у них, видите ли. Да какая там подготовка! Нас готовят три года, их — четыре месяца, что за подготовка у них может быть!

— Но как-то же они это сделали?

— Официальная версия гласит, что у них в арсенале имеются какие-то специальные боевые заклятия, — неохотно сказал Праудфут, — но я, если честно, не верю. Если уж у кого и должны быть какие-то особенные заклинания против оборотней, так это у ребят из Контроля и у нас. Оборотни всё-таки опасные существа, тёмные к тому же. Я в это не верю, вот что. Если хотите знать, я думаю, что они просто договорились с этими оборотнями. В сговоре они, я считаю. Преступном.

— Да вы что! — ахнул Перкинс. — Вы думаете?

Артур подавил вздох. Сразу вспомнились бесконечные споры с Гермионой, которая возмущалась, как можно не хотеть менять магический мир. Вот так и можно: если ты — человек старой формации, переживший две магические войны, но так и не сумевший привыкнуть к мысли, что в министерстве могут работать люди, готовые нарушать закон, преследуя свои интересы. Не то чтобы Артур верил в ту чушь, которую говорил Праудфут, но нежелание окружающих его волшебников воспринимать действительность немало удручало.

— Джулиус, — вмешался он, — действительно, с чего вы взяли, что они могли договориться? Я имею в виду — зачем оборотням с ними договариваться? Их же убили.

— Не всех! — Праудфут назидательно воздел палец вверх. — Как вам, например, такой мотив как передел влияния в стае, а, мистер Уизли?

Артур пожал плечами.

— Как-то слишком сложно, вы не находите?

— Вот я согласен, — с энтузиазмом закивал Перкинс, — слишком сложно! Зачем такие запутанные схемы, зачем доверять волшебникам, у которых явно свои интересы? Я бы не стал, право слово.

Праудфут надулся. Спорить с Перкинсом, который годился ему не в отцы даже, а в дедушки, ему было явно неловко, но и поверить в то, что какие-то сопляки из ОМОНа обошли его коллег, не хотелось.

— Вот вы увидите, — буркнул он, — они проколются на чём-нибудь. Обязательно проколются.

Выглядеть надо было безупречно. За годы никто не посмел нарушить этот ритуал — и не Блейзу быть первым, кто посмеет.

В Слагклуб он всегда приходил один, без спутницы. Не потому, что не с кем было: напротив, из желающих можно было сделать немаленькую очередь. Но проще отказать всем, сказав, что позвали только его (что неправда), чем выбрать одну и поссориться со

всеми остальными. Сейчас, когда Шеклболт держался за власть достаточно крепко, а пятно на репутации в виде родства или связей с Пожирателями имелось почти у каждого, Слагклуб был чуть ли не единственным способом выбиться в люди.

Блейз испытывал к Слагхорну горячую благодарность за то, что тот продолжал его приглашать. И изо всех сил пытался соблюдать те традиции клуба, которые были дороги его хозяину.

Здесь надо было выглядеть безупречно — даже сразу же после драки. Поэтому Блейз торопливо приводил себя в порядок, забившись в ванную. Проще всего было отчистить манжеты и прицепить отлетевшую из-за слишком широкого замаха пуговицу. А вот распухший нос и стёсанные костяшки требовали более пристального внимания.

Он не обижался. Проехаться по бессилию слизеринцев, которых некоторые не так давно считали едва ли не всемогущими, любили многие. До драк, правда, доходило редко. Сегодня он просто не сдержался, нервничал, не выспался, да и задел не его, а команду...

— Блейз, я должен извиниться, — раздался голос Слагхорна.

— Что вы, сэр, вы здесь совершенно ни при чём, — ответил Блейз, рассматривая себя в зеркале. — Мы с Престоном просто повздорили, ничего страшного.

— Я при чём, — грустно возразил Слагхорн. — Мне следовало понимать, что вас не стоит оставлять наедине. Престон сегодня агрессивен, я должен был предугадать... Вы ведь практически каждый раз ссоритесь. Что он вам сказал на этот раз?

Блейз поморщился.

— Спросил, не надоело ли мне прикрывать задницу Малфою. Мол, все годы в школе и я, и остальные только тем и занимались, а Флинту вообще усыновлять его пора... Простите, сэр, у меня сдали нервы. Наверное, мне лучше уйти сейчас?

— Ни в коем случае! — Слагхорн подошёл вплотную и мягко взял его за руку. — Я не допущу, чтобы подобный инцидент прошёл незамеченным. Говорить такие вещи моим гостям недопустимо. Я, напротив, попросил уйти Престона. И поверьте, мне невероятно стыдно, что подобное произошло именно здесь.

— Да ладно вам, — отмахнулся Блейз. — Мы привыкли, не расстраивайтесь.

— Как там, кстати, Малфой? Полагаю, ему непросто?

— Малфой отлично, — чуть суше, чем следовало, ответил Блейз и тут же смутился. — Простите, я не должен был говорить таким тоном, просто ещё немного нервничаю. Малфой держится очень хорошо, работает безупречно, и уж точно нельзя назвать его слабым звеном. Если хотите знать, сэр, в последнее время таким звеном скорее был я. Досталось тёмным заклятьем, такие травмы плохо проходят, сами понимаете.

— Понимаю. Я слышал о вашей травме и хотел как раз предложить вам... — Слагхорн выудил из глубокого кармана своей мантии флакон тёмного стекла и протянул Блейзу. — Возьмите, это зелье тёмной пелерины, старое, изрядно забытое средство. Когда-то его превосходно варила Лили Эванс... Я недавно вспоминал её и заодно вспомнил об этом рецепте.

— Спасибо, сэр. Ваша помощь, как всегда, неоценима.

— Если я могу сделать для вас ещё что-нибудь, только скажите. Для меня важно не словом, а делом доказать, что мои симпатии — целиком на вашей стороне.

Блейз улыбнулся уголками губ.

— О, да, сэр, вы можете кое-что для меня сделать. Кое-что очень важное.

Старик Слагхорн чуть наклонил голову, показывая, что внимательно слушает.

— Причина смерти Мартенса, — без обиняков заявил Блейз. — Нам не хотят давать информацию, зато делают всё, чтобы свалить его смерть на нас. Нам не отбиться без помощи.

Слагхорн посмотрел на него гордо.

— Я могу ответить прямо сейчас, мой мальчик. Я знал, что вам понадобится всё, что можно выяснить об этом деле. Пойдёмте ко мне в кабинет, я велю принести туда чай, и мы поговорим подробно.

Блейз подался вперёд, словно гончая, почуявшая след.

— У вас есть люди в аврорате?

— У меня есть люди везде, Блейз. В аврорате, в Мунго, среди нюхачей. Вы можете положиться на меня, я раздобуду любые необходимые вам сведения. Вы же всё-таки, как ни крути, мои студенты, дорогой мой. Я понимаю, что не успел стать для вас деканом, но вы успели стать для меня учениками.

— Спасибо, сэр, — от души сказал Блейз. — Клянусь, засахаренными ананасами я на этот раз не отделаюсь.

Поздней ночью ОМОН сидел в общей рекреации и ждал Флинта, чтобы поделиться новостями. Но некоторые новости невозможно было удержать даже несколько минут.

— Что они о нас говорят? — обалдело переспросил Блейз.

— Что мы договорились с оборотнями и поэтому смогли их убить, — ехидно ответила Миллисент.

Драко закатил глаза и картинно закрыл лицо рукой.

— Слушай, это что-то уже чересчур, м-м, богатая фантазия.

— Ай, Блейз, аврорам же надо как-то самим себе пояснить собственную некомпетентность.

— Да при чём тут некомпетентность, авроры никогда не ходили на оборотней! Это всегда были обязанности парней из Контроля.

— Вот, ты сказал, — поморщилась Милли. — Из Контроля! А тут пришёл ОМОН, всех победил. Непорядок!

— Кстати, про Контроль, — раздался от дверей голос Флинта. — Я только что оттуда. Вы бы видели их лица, когда я напомнил, что оборотни вообще-то — их клиенты.

— О, ну наконец-то ты явился, — восторженно воскликнул Блейз. — Проходи, у меня новости!

— У меня тоже. — Флинт энергично кивнул и присел к остальным. — Итак, восстанавливаем канву событий. У нас есть два убийства, оба совершены вампирами при непонятных обстоятельствах. По первому что-то есть?

— Я попросил Слагхорна выяснить по-тихому, — отозвался Блейз. — Он клянётся, что напустит туману и не расскажет никому, с чего заинтересовался той смертью. Он вроде бы умеет.

— Умеет, — нехотя кивнула Панси. — Он тот ещё жук.

— Я говорил с отцом, — подал голос Драко. — Сказал, что эти убийства бросают тень на нашу компетентность и надо показать, что мы не так беспомощны, как всем бы хотелось. О том, что нас пытаются обвинить, говорить не стал, а то он может воспринять слишком... нервно.

— Всё равно же узнает, — пожала плечами Милли.

— Узнает, конечно. Но не сразу, не наломает так много дров.

Драко говорил спокойно, но чересчур задранный подбородок его выдавал. У него сейчас связей почти не осталось, вон, кроме отца и поговорить-то не с кем... Блейз представлял, каково это гордецу Драко.

— Хорошо, что со вторым убийством? — Флинт стащил со стола яблоко и с хрустом надкусил.

— Профессор Слагхорн выяснил, от чего Мартенс помер, — сказал Блейз. — Довольно странно это всё, если предположить, что его убили вампиры. Совершенно понятно, почему эту версию отбросили.

— И почему же? — спросил Драко.

— Ну вообще-то Мартенс умер от сильного сдавливания сердца.

— Магического? — быстро спросил Флинт.

— В том-то и дело, что нет. Некто взрезал ему рёбра, просунул между ними руку и сжал сердце. Рукой. Оно остановилось. Перед смертью Мартенс довольно долго висел с поднятыми руками, на них остались следы верёвок, и, судя по всему, подвергался пыткам.

— И всё это нюхачи радостно пытались свалить на вампиров? И если бы невыразимцы не подняли шум, так бы и записали в итоге? — Похоже, Милли не верила своим ушам.

— Ну ты же понимаешь, что этого не может быть, — покосился на неё Блейз. — Допускаю, что нюхачи знают, кто и зачем убил Мартенса. И, возможно, того, первого волшебника. Но почему-то им не хочется задерживать убийцу и предавать его имя огласке.

— Думаешь, из-за нас? — поморщился Драко. — Не слишком ли мелкие мы птицы для такого?

— У меня есть версия получше, — мрачно заявила Панси. — Ничего эти идиоты не знают, а на кого-то свалить надо. Иначе можно ведь и с работы вылететь.

— Погодите, погодите, — вмешался Флинт, — вы не о том думаете. Если нюхачи и знают, кто это сделал, нам они точно не скажут, надо разбираться самим.

— Ну, это точно не вампиры, — буркнул Адриан. — Эти ребята умеют развлекаться сотней способов, но долго убивать человека и даже не перекусить? Остановить сердце вручную — и не слить кровь? Это как-то глупо, пакеты с кровью на дороге не валяются.

— Согласен, — кивнул Флинт. — На вампиров свалили, а те дали на себя свалить, потому что кто их спрашивал-то, собственно? Но потом вмешались невыразимцы...

— Я бы не говорила, что они это позволили, — Милли покачала головой, — я бы скорее спросила, знают ли они вообще, что якобы кого-то убили. Тем более что это, похоже, не они, а мы, так что им нечего бояться ложного обвинения.

Флинт потёр лоб.

— Всё это очень похоже на месть или что-нибудь подобное... О, я понял. Этим убийством наслаждались, причём, скорее всего, это удовольствие для одного, а не для весёлой компании.

— То есть причина — личная? — задумчиво произнесла Панси.

— Может быть. Надо искать, и поживее, вот что я вам скажу.

Блейз уныло кивнул. Ощущение петли, затягивающейся на шее, ему совершенно не нравилось.

Гарри сидел за столиком и с наслаждением пил кофе. Не то чтобы он так уж любил кофе; просто так здорово иногда посреди рабочего дня остановиться, присесть и насладиться медленно ползущими секундами перерыва. Специально для тебя они движутся едва-едва, давая ощутить себя сполна, давая отдохнуть и набраться сил, и неважно, что ты делаешь в это время. Важно, чего ты не делаешь.

Но иногда прямо в эти блаженные мгновения в твой почти застывший мирок врываются всякие странные люди, грохочут грязными сапогами, садятся рядом, не спрашивая разрешения, и начинают говорить о делах, словно бы вырывая твой собственный отдых у тебя из рук. И, что характерно, чаще всего так поступают самые неприятные люди в твоей жизни.

— Здравствуй, Малфой, — как можно более ровно произнёс Гарри.

— Здравствуй, Поттер. — Лицо у этого мерзавца изображало нейтральную вежливость. — Прости, что отрываю от самого прекрасного времяпрепровождения в мире, буду должен. Но мне нужна твоя помощь.

Гарри не сдержался. Взгляд, было снова опустившийся в чашку, метнулся снова на лицо Малфоя. Спокоен и невозмутим; последние две фразы произнёс ровно, на одном неторопливом выдохе.

Это точно он?

Перед глазами на миг снова встал Хогвартс, кругом пылает Адское пламя, и Малфой, не до конца соображая, что делает, тянет на себе здоровяка Гойла.

Гарри был уверен, что он по меньшей мере ещё нескоро попросит о помощи. Да

ещё и так спокойно.

Звякнула чашка, которую слушатель аврорских курсов Гарри Поттер отставил на блюде.

— Что случилось? Это связано с ОМОНОм?

— Да, с ОМОНОм. Что, в аврорате уже болтают?

Светская беседа. Что там им рассказывали о светских беседах на курсах? «С таким видом, будто ведут разговор о погоде, люди решают важнейшие вещи в своей жизни, зато о полных пустяках говорят, словно о самом важном в мире». Так и есть. Это про Малфоя, однозначно.

— Если и болтают, я не слышал. Но это же ты. Если ты пришёл ко мне с такими словами, значит, речь о твоих друзьях.

Удар пришёлся в цель. Гарри не хотел бить, скорее поддержать, но по тому, как Драко мгновенно сшибся с ним взглядом, понял: получился удар. Вот и пытайся после этого понять их.

— Нет, Поттер, — раздражённо ответил он, — речь не о моих друзьях. Речь о моих врагах.

Гарри не отводил взгляда. Холодные серые глаза Малфоя жгли яростью. Вот, значит, как. О врагах.

— Продолжай.

— У меня есть подозрение, что кто-то в министерстве скрывает факт совершения неизвестным лицом двойного убийства.

— С целью?

— Возможно, покрыть убийцу. Но свалить всё пытаются, как я понял, на нас.

— И у тебя, конечно, есть аргументы? Ты ведь не пришёл бы ко мне иначе.

— Не у меня. Они у тебя есть.

Малфой чуть повернул голову, не отводя взгляда, сказал подошедшему официанту:

— Кофе латте, баранью котлету и горошек.

Официант чуть поклонился и исчез.

— Так вот, Поттер, скажи-ка мне вот что. Если бы я решил убить человека, как бы, по-твоему, я это сделал?

Ну и вопросы у него. Гарри задумался.

— Думаю, ты бы симитировал рабочую ситуацию. Вы прибыли на вызов, он напал, ты защищался... Это было бы что-нибудь стандартное боевое, я полагаю. Извини, я не думаю, что твои коллеги не соврали бы, прикрывая тебе задницу.

Малфой коротко кивнул.

— А если бы кто-то из них захотел убить? Ну, Флинт там, или Панси?

— Да то же самое сделали бы, я думаю. Зачем выдумывать что-то, если можно пойти простым путём?

— Я рад, что ты так думаешь, Поттер.

Гарри посмотрел на него устало.

— Вас пытаются обвинить в убийстве Мартенса?

Драко поморщился.

— Не только Мартенса. Было ещё одно убийство, там тоже замешаны вампиры. Якобы. Только невыразимцев к его расследованию не привлекали, поэтому вампиров всё ещё обвиняют в убийстве. Я уверен, тот первый волшебник тоже умер, как и Мартенс, от того, что его сердце кто-то сильно сжал в руке.

— В руке?!

— Да. Предварительно просунув её прямо в грудную клетку. Скажи, Поттер, я мог бы убить кого-нибудь так?

Гарри снова задумался.

— Мог бы, — наконец признался он. — Но это должно было быть что-то очень... личное. Ты мог бы так, я не знаю, за мать отомстить, пусть она ещё долго будет здорова.

— Поттер, раздобудь мне информацию о том, первом убийстве, а? Желательно не поднимая шума, чтобы на нас не повесили его раньше времени. Его найдут, если ещё не нашли, но я бы не хотел ускорять это неприятное событие.

— И ты думаешь, — медленно произнёс Гарри, — что это всё затеяли некие твои враги?

— Я не знаю, что первично. Хотели навредить кому-то из нас и потому стали убивать или не знали, на кого свалить тела, и выбрали нас. В любом случае те, кто так упорно хочет утопить нас, — враги.

— Понятно. Скажи мне вот ещё что: ты не знаешь, эти вот дебильные слухи, якобы вы убили Мартенса, откуда пошли вообще? Кто первый начал их распространять?

— Не имею ни малейшего представления. Я слышал от нюхачей, но они ли это придумали... В этом деле они работали в спайке с невыразимцами.

— Ты кого-то подозреваешь?

Малфой криво усмехнулся.

— Всех. Кроме тебя, пожалуй. Кроме вас, — поправился он.

— Нас? Кого именно ты имеешь в виду?

— Вас троих, — раздражённо пояснил Малфой. — Уизли бы никогда, а Грейнджер слишком правильная для этого. Пока, по крайней мере.

Он кивнул официанту, поставившему перед ним заказ, и взялся за вилку.

— Я не прошу тебя нас защищать или что-то в этом роде, защитник из тебя сейчас, прямо скажем... Мне просто нужна информация, понимаешь?

— Тебе лично?

— Нам. Но признайся, Поттер, тебе нет дела до нас.

— А до тебя, по-твоему, есть?

Малфой сунул в рот кусок котлеты и, жуя, насмешливо посмотрел на Гарри.

— А что, нет? — спросил, проглотив прожёванное.

Гарри вздохнул.

— Самоуверенность некоторых волшебников...

— Совершенно оправданна, — невозмутимо перебил Малфой. — Мне действительно нужна твоя помощь, Поттер. Очень нужна. Мне больше не к кому пойти.

— Ладно, ладно, перестань, я, конечно, сделаю, что смогу. Если узнаю что-нибудь, передавать тебе или можно любому из ваших?

— Любому. Спасибо, я знал, что на тебя можно рассчитывать. Горошек отвратительный, если что.

— Да? Жаль, я хотел взять как-нибудь. А кто первый убитый, кстати? Я что-то совсем не помню того случая.

— Некто Пруденс, Эктор Пруденс. О его смерти шумел даже «Пророк», тем страннее, что сейчас о ней позабыли.

— А! Вот теперь вспомнил. Это дело было под самим Робардсом, им занимались старшие авроры. Я выясню.

— Авроры? Его же нашли ребята из Контроля.

— Слушай, что знаю, то говорю. Выясню, сказал же.

Малфой кивнул. Странное дело: работа в ОМОНе делает покладистыми даже самых противных засранцев.

Вот только к добру ли это?

— Привет, герой, — сказала Кэти и легонько стукнула Маркуса по носу.

— Привет, — ответил он, а потом схватил Кэти и бросил в стену.

Огромное бревно упало туда, где она только что стояла. Веткой Маркуса хлестнуло по лицу, оцарапав щёку.

— Какого сопловоста?! — подскочил Адриан, держа палочку наготове. — Откуда? Кто?

— Здесь никого нет, — раздался сверху голос Панси. — Вообще никого. Похоже, остаточная магия...

— Валите отсюда на всякий случай! — крикнул издалека Малфой. — Мало ли, что там ещё осталось.

— Кэти, ты в порядке? — Маркус подошёл и протянул ей руку.

— Кажется, да. Спасибо. Я должна дать показания, да?

— Непременно. И остальные тоже.

Тренировочный лагерь «Гарпий» был похож на поле битвы. Собственно, им он и являлся. Здесь повеселилась толпа йети, набравших неизвестно откуда, и когда департамент магического правопорядка получил вызов, на место происшествия отправили ОМОН. Но теперь Маркус чётко видел, что простым проломом магической ограды здесь не обошлось.

Йети не заколдовывают брёвна. И не отстреливаются из палочек, когда пытаешься их поймать.

— Где все, Кэти?

— Удрали, а ты бы не удрал? Я тоже собиралась, но кто-то же должен был вызвать вас. Кстати, почему здесь вы, а не Контроль?

— Ну это же йети, какие они опасные существа. Кэти, давай поговорим у нас, серьёзно. Контроль сейчас будет здесь, и...

— Эй, Белл, на территории только ты? — Подошедший Блейз вертел в руках палочку, будто бы разминая пальцы.

— Только я, — подтвердила Кэти.

— Послушай, есть дело. Ты можешь какое-то время после нашего ухода тут прятаться? У меня есть подозрение, что когда мы свалим, сюда придёт... кто-то. Чтобы что-то здесь оставить.

Маркус посмотрел на него.

— Ты думаешь?..

— Я практически уверен. Чуть позже объясню почему.

— Так, парни, вы разберитесь, мне идти с вами или оставаться здесь?

Маркус закусил губу. Ситуация была странной и, если Блейз прав, опасной. Подставлять Кэти не хотелось.

Но если не её, то кого?

— Вот что. Я предупреждаю сразу: это опасно. Тот, кто здесь может появиться, убивает людей, и важно, чтобы ты не высывалась, что бы он ни делал. Ты не обязана, в общем.

Кэти посмотрела на него насмешливо.

— Я поняла, командир, поняла. Сидеть тихо, всё запоминать, потом дать показания. Если меня всё же заметят, быстренько написать, что видела, кровью на стене. Договорились, сделаю.

— Хорошо. Тогда расскажи вкратце, что здесь произошло. Как эти засранцы пролезли на территорию?

— Я не знаю. Я была в душе, когда всё началось. Но вот что я тебе скажу, Флинт: здесь были не только йети. Я видела бегущих по коридору красных колпаков.

Маркус снова переглянулся с Блейзом.

— Что за ерунда творится? — негромко спросил тот. — Оборотни, вампиры, теперь это... Они внезапно расплодись совсем-совсем случайно?

— Так, вот что, Кэти, — решительно заявил Маркус. — Ты не только не остаёшься здесь. Ты валишь просто немедленно. Блейз, забираешь её и марш к нам в офис, пошёл! Панси! Где тебя носит?!

— Эй, погодите, что происхо...

Голос Кэти заглушил хлопок аппаратуры. Блейз выполнил приказ не задумываясь. Вот за это Маркус и любил своих людей: они твёрдо знали, когда можно пререкаться, а

когда надо просто делать, что говорят.

— Панси, Милли! Где вы?

— Здесь, не ори, — Панси зашла, брезгливо отряхивая рукав. — Эти йети здесь всё заплевали.

— Остаточная тёмная магия, Флинт, — мрачно заявила Милли, заходя через окно так же естественно, как будто это была дверь. Маркус улыбнулся: эта девочка любила эпатаж. — Здесь полно остаточной тёмной магии.

— Кэти сказала, здесь были красные колпаки, — сказал Маркус и несколько секунд наслаждался тишиной. Потом заскрипела крыша у них над головами — точнее, то, что от неё осталось. Над залом, в котором они все сейчас были, зияла огромная дыра, в которую, собственно, и свалилось пресловутое бревно.

Вряд ли эту дыру проломили йети.

— Здесь всё заляпано чем-то странным, — заявил Адриан, заглядывая в дыру сверху. — Я возьму пробу, выясним, что за фигня.

— Не провались, — сказал Маркус, и под ногами Пьюси немедленно проломила доска.

— Поздно, — сказал он, поднимаясь с пола. — У-у, ушибся.

— Цел?

— Да цел, капитан. Просто больно. А где Малфой?

Маркус высунулся в окно и заорал:

— Драко!

Ему на голову тут же свалилось две черепицы, но это не имело значения. Если этот идиот попал в беду...

— Я здесь! — раздался приглушённый голос. — Внизу, тут странные чары. Кажется, я нашёл пролом!

— Поосторожней там! — гаркнул Маркус, изо всех сил подавляя желание всё бросить и кинуться к Малфою.

Он не маленький, в конце концов. И достаточно трусливый, чтобы уйти от реальной опасности.

— Я правильно помню, — спросила Панси, когда Маркус отвернулся от окна и на всякий случай отошёл подальше, — что красные колпаки появляются там, где проливали кровь?

— Правильно, — кивнула Милли.

— То есть ты хочешь сказать, — уточнил Адриан, — здесь уже кого-то убили?

— Причём до того, как сюда явились йети. Возможно, они должны были замаскировать следы? Ну, не замаскировать, затоптать, я не знаю?

— Пошли к Малфою, — сказала Панси. — Мало ли, вдруг убийца там.

Убийцы возле Малфоя не оказалось. Но сам он, конечно, всё-таки вляпался, не надо было утешать себя, нет у этого типа мозгов, нет и вряд ли когда-нибудь появятся.

Драко Малфой сидел на полу и недоумённо хлопал глазами. Палочку он крепко сжимал в руке, и это было единственное, что этот идиот сделал правильно.

— Чем в тебя засветили, придурок? — ласково спросил Адриан.

— Понятия не имею, — сообщил Драко. — Но чем-то, от чего гудит голова.

— Ты сказал, что, кажется, нашёл пролом, — сказал Маркус. — И что здесь какие-то странные чары. Что ты помнишь об этом?

— Это не пролом, — Драко медленно покачал головой и поморщился, видимо, от боли. — Йети заходили не здесь. Но здесь есть какой-то... проход не проход... Я не знаю. Возможно, кто-то ушёл отсюда.

— Что ты помнишь? — повторил Маркус.

— Я окружил себя защиткой и исследовал это место. Тут было... что-то. Не знаю что, в воспоминаниях белое пятно. Я уплотнил *Протега* и подошёл ближе... А потом, похоже, получил заклинанием между глаз. Прости, Флинт, я придурок, я знаю.

— Ты придурок, — согласился Маркус. — Сейчас здесь ничего нет, остаточная тёмная магия и всё. Тебя стукнули чем-то тёмным.

— Откуда здесь столько остаточной тёмной магии? — раздражённо спросила Панси. — От йети её не бывает. И от красных колпаков тоже.

У Драко в глазах мелькнуло что-то, похожее на догадку; он поморщился и потёр лоб.

— Я видел... кажется, я видел этих грёбанных колпаков, — пробормотал он. — У меня в голове какая-то безумная картинка, как будто это один из них в меня колданул. Но этого не может быть, конечно.

— У него была палочка? — уточнил Маркус.

— В том-то и дело, что да.

— А от меня отстреливался из палочки йети, — хмуро сообщил Адриан.

— И от меня, — кивнул Маркус. — Как мы все знаем, этого не может быть. Значит, какой-то волшебник — или несколько волшебников — нашли способ маскироваться под тварей. Поговорить бы с невыразимцами...

— Если бы у нас была хоть одна причина им доверять, — заметил Драко.

— Именно.

Они обшарили весь тренировочный лагерь, перевернули сверху донизу. Нашли доказательства пребывания на территории настоящих йети и даже настоящих красных колпаков, нашли склад спиртного, явно незаконный, и блокнот с записями о тотализаторе, спрятанный получше, чем иные тёмные маги прячут запрещённые артефакты.

А ещё в подвале они обнаружили кровь. Потёки по стене — не поймёшь, плеснули её или взрезали кого-то прямо здесь. Крови было немного, если это всё, что вылилось из живого существа, то оно наверняка осталось в живых, если только это была не мышь.

В подвале чудовищно фонило тьмой.

— Где засранцы из Контроля, я вас спрашиваю? — пробормотала Милли, разглядывая заляпанную кровью стену.

— Схожу потороплю их, — сказал Драко и поднялся наверх.

Маркус пытался собрать всю эту хренотень воедино, уложить в голове, понять, какой величины пазл и с какого конца его надо складывать. По всему получалось, что вампиры на совятне могли оказаться совсем не вампирами — или не совсем вампирами.

— Ну что, командир, долго ещё мы будем здесь торчать? — спросил Адриан.

— Пока не явится Контроль. Не хочу, чтобы сюда притащили какой-нибудь труп, который потом свалят на нас.

— Тогда сидим и ждём, — вздохнула Милли.

— Я так и не понял, как йети сюда прошли, — сказал Маркус.

— Вроде Блейз что-то находил, — неуверенно отозвался Адриан. — Он, кстати, где?

— Я его отослал в офис. С Кэти.

— Ну в общем, его спроси.

— Какие-то мы бестолковые сегодня, — сердито сказала Милли.

— Ситуация дурацкая, — пожалла плечами Панси. — Какие-то йети, взяли непонятно откуда, попрыгали по тренировочному лагерю квиддичной команды, поломали всё, до чего дотянулись, наследили тёмной магией. Что тут вообще делали этой тёмной магией.

— Маскировали же, — поморщился Маркус. — Прятали следы чего-то реального.

— И призывали аврорат на наши головы, — добавил Адриан. — О, это, кажется, подгоняемый Малфоем Контроль, или мои несчастные глаза меня обманывают?

— Ура, мы сможем наконец пообедать! — оживилась Панси.

— Или поспать, — Милли зевнула. — Поспать — это интереснее.

Маркус не сказал ничего. Он почти чувствовал, как шею захлёстывает удавка. Если таинственному кому-то хочется свалить на них эти убийства, ребята из Контроля найдут

что-то, чего пока здесь нет. И ни он, ни кто-либо другой не сможет ничего с этим сделать.

Он командир, он должен защитить своих людей, но как?

— Привет, Элджи, — буркнул он, протягивая руку коллеге из Контроля. — Пошли, мы обойдём тут всё вместе с вами и покажем, что нашли. Без вашей консультации ни хрена не ясно, что тут произошло.

На самом деле он был уверен: эти ребята тоже ничего не поймут. Но признание заслуг других ещё никому не мешало в жизни и карьере.

Ему ужасно хотелось попасть в офис. Наверное, Кэти ещё там. Может, удастся всё бросить и прогуляться с ней наконец. Главное — не свести разговор к расспросам, что она видела здесь. Работать надо на работе, у свидания цели другие. Если, конечно, получится его организовать.

Вот бы получилось.

Милли ненавидела вечер. Кроме него в списке ненавидимого были утро и день. Ночь ещё ничего, можно жить.

Вечером у неё болели руки и ноги. Утром больше спина. Днём крутило живот. Но по крайней мере, теперь она знала, что дело не в ней, что все те, кто дразнил её в детстве, обзывал ленивой любительницей пожрать, были неправы. Почему-то это было важно. Тяжёлое нарушение обмена веществ, как сказали ей в Мунго. Постоянное неуёмное желание пожрать — не причина, а следствие. Объективно от этого было не легче. Но она чувствовала облегчение.

Есть всё равно приходилось много. Её тело, поясняли колдомедики, в растерянности, оно резко меняется, теряет вес, теряет любовно накопленные запасы и хочет срочно вернуть всё как было. Старается изо всех сил.

Это навсегда, говорили они. Смиритесь.

У вас всегда будет ныть спина по утрам, крутить живот днём и ломать руки и ноги вечерами. Вы всегда будете есть за двоих с половиной, и все ваши коллеги будут делиться с вами обедом. Вам пить эти чёртовы горькие зелья до конца жизни, если вы не хотите выглядеть как беременная самка бегемота.

Ну что ж. Спасибо и на том. По крайней мере, такие зелья существуют, а значит, она может работать хотя бы здесь.

Не то чтобы она когда-нибудь мечтала о таком, но жизнь вообще — не аттракцион по исполнению желаний.

Иногда, когда Милли лежала в постели в их «комнате отдыха», которую они не сговариваясь прозвали казармой, она думала о той, место кого занимала. Кто его знает, кем она была. Женщиной, это всё, в чём можно было быть уверенной. Что с ней случилось? Она сидит в Азкабане сейчас или умерла в корчах прямо здесь, отказавшись выполнить приказ?

Как умрёт сама Милли, когда придёт время?

Это были невесёлые мысли, но мозг вообще не создан для того, чтобы развлекать того, в чью голову он попал. Жить вообще невесело. Осознавать, насколько ничтожна отдельно взятая ты, как мало в твоей собственной жизни зависит от тебя.

В ОМОН Милли попала из-за Панси, она знала это точно. Панси пришла к Флинту и сказала: «Я что, одна тут у вас девица буду? Не хочу, берите кого-нибудь ещё». И уговорила Милли подать заявление. Его, конечно, долго рассматривали, их всех долго разглядывали где-то в недрах министерства, решая, можно ли доверить таким плохим людям такую важную работу. Отцу велели занести взятку. Он занёс.

Милли точно знала, что Флинту советовали её не брать. Флинт кивал и благодарил за советы. А когда ему пришла разукрашенная печатями бумажка, где сообщалось, что кандидатура М. Буллстроуд согласована и он, если хочет, может её взять, наложил на неё резолюцию: «На работу с 15 авг.». Если бы не Панси, кто знает, что бы он решил.

Зачем это было нужно Панси, Милли не понимала до сих пор. Раньше она думала,

что Паркинсон дружит с ней, потому что когда они идут вместе, все мальчишки смотрят на Панси. Но, видимо, в их отношениях было что-то ещё, иначе зачем бы ей? Могла Дафну взять. Или Элоизу. Или вообще сама пойти, не так уж ей были нужны подруги.

Нет, Милли, конечно, была благодарна. По возможности деятельно. Она всячески показывала, как ей интересна эта работа и как она заинтересована в том, чтобы быть полезной. Большого вроде бы никто от неё не требовал.

На самом деле ей давно не хотелось ничего кроме того, чтобы перестали болеть руки, ноги, спина и вообще всё. Но это было несбыточно, так всегда: то, что действительно важно, недостижимо, и ты барахтаешься, чтобы получить что-то ненужное, просто потому, что надо же зачем-нибудь барахтаться.

Ночевала она, как и остальные, почти всегда в «казарме». Это было необязательно, просто так удобнее, когда тебя срывают на вызов. Да и её, Милли, работа обычно была связана с министерством, так что удобнее было ночевать здесь. В конце концов, когда болит спина, становится важно, далеко ли тебе надо идти. А когда болят ноги, имеет значение, долго ли плестись до постели.

Милли поёрзала, устраиваясь поудобнее; накрылась одеялом. Панси сонно заворчала с соседней кровати и перевернулась на другой бок. Милли закрыла глаза и постаралась поскорее заснуть: если не сделать этого достаточно быстро, накроет бессонницей. Один из многочисленных побочных эффектов проклятых зелий. Режим приходилось соблюдать, иначе никак.

В голове медленно крутились события и факты. Вампиры, красные колпаки, йети и рассыпавшиеся по полу квовффы постепенно сливались в одно большое и пёстрое пятно. Сознание затуманивалось, она почти уснула...

Как вдруг перед глазами очень явственно встал рецепт, написанный почему-то почерком Снейпа на школьной доске. Правда, Снейп никогда не писал этот рецепт, по крайней мере, на памяти Милли. Но острые буквы были видны так чётко, как будто она стояла прямо перед доской.

Голубой лотос, желчь и яд перуанского ядозуба, шерстинки зубастой лианы, лепестки жакаранды и молодые листья психотрии.

Как же она могла забыть?

Откуда она вообще это знает?..

В сонном мозгу мысли путались, острые буквы на тёмной доске прыгали и дразнились, с этим надо было срочно что-то делать. Милли решительно откинула одеяло и, не найдя тапок, босиком прошлёпала в ванную. Плеснула в лицо холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало, скривилась. И пошла будить Флинта.

— Какая психотрия? — сонно простонал он, пытаясь отнять у Милли одеяло, которое она с него бесцеремонно стащила.

— Красная, — зашипела Милли. — Не шуми, идём выйдем и поговорим. Не буди остальных.

— До утра это не подождёт? — уже тише взмолился Флинт.

— Нет. Кто его знает, что до утра может стрястись. Может, меня убьют и я не успею тебе сказать.

— Когда-нибудь я сам тебя прикончу, — проворчал Флинт, поднимаясь с постели. — Идём.

Они устроились в гостиной — по крайней мере, так они привыкли называть эту большую комнату, — Маркус — с чашкой горячего кофе, Милли — с какао и кексами.

— Помнишь посылку, которую прислали Мартенсу наутро после его смерти? Малфой с Панси притащили опись. Так вот, я вспомнила, для чего все эти ингредиенты. Там только заячье дерево некуда приткнуть, из этой описи, оно, похоже, для чего-то другого было нужно. Зелье молодого генерала это называется. Бразильское, если я ничего не путаю. Оно для карьеры. Что-то вроде фелициса, но узконаправленное. Пьёшь на протяжении нескольких месяцев, и тебя повышают по службе независимо от того, как ты

работаешь. Не смотри на меня так, я тоже думаю, что это чушь, но Мартенс ведь мог так не думать, верно?

Флинт пожал плечами.

— Ну, если Филч пытался научиться колдовать по тупым журнальчикам...

На лице у сонного, всклокоченного Флинта был очень явно написан вопрос: «Откуда ты это знаешь?», но он его не задал. Милли понимала, почему: им всем было известно, сколько времени она провела в поисках способа похудеть, пока этот самый Флинт не взял её за руку и не притащил в Мунго. Наверное, думает, что во время таких поисков она и наткнулась на идиотский рецепт.

А откуда она в самом деле-то его помнит? Милли напрягла память. Да, точно! Красные колпаки же.

— Помнишь, в начале сентября нас вызывали на красных колпаков? — сказала она.

— Я тогда перерыла много всего про них, искала, что могут означать те символы, ну, ты помнишь.

Флинт кивнул. Красные колпаки тогда появлялись в разных местах, и везде находили один и тот же рисунок, многократно повторявшийся на стенах и полу. Оказалось, что они рисуют его в ходе своеобразных брачных игр, но пока Милли выяснила это, перевернула массу литературы, как научной, так и весьма сомнительной.

— И вот в одном журнале рядом со статьёй про красных колпаков была статья о самых дурацких суевериях Южной Америки. Я прочитала, было интересно написано.

— И с одного раза запомнила состав зелья? — изумился Маркус.

— Ты что, думаешь, я тебе вру, что ли?

— Да нет, при чём тут. Я просто считаю, что ты крутая, я бы ни за что не запомнил.

— Да там набор ингредиентов... странный, понимаешь? В одном зелье и желчь ядозуба, и яд, так обычно не делают же. И к голубому лотосу не добавляют никакие цветы обычно, а тут лепестки... Я тогда об этих несоответствиях подумала, посмеялась над придумавшим это дураком. Потому и запомнилось, наверное.

— Хорошо, я понял. Расспрошу с утра про рабочие достижения Мартенса. А теперь пошли спать, ладно?

— Пошли, — вздохнула Милли.

Хрен она теперь заснёт. А если и заснёт, гонять ей акромантулов до утра: в таком состоянии снятся кошмары.

Она усмехнулась. Вот ведь дожила: кошмары — это сны, в которых она занимается тем же, чем наяву. Круто. Работа мечты.

Ну и ладно. Барахтаться надо просто для того, чтобы барахтаться.

— Эктор Пруденс? Зачем он тебе?

Гарри вздрогнул. Праудфут подкрался неслышно, не стоило давать ему увидеть, что Гарри читает, но теперь уже поздно.

— Ну, у нас проходят противодействие вампирам, преступления вампиров. Я и решил дело почитать, а что?

Врать было неприятно, но если Праудфут решит проверить, убедится, что на аврорских курсах действительно как раз говорят о вампирах. Повезло.

— Если тебе нужны вампиры, ставь это дело на место, — поморщился Праудфут. — Они здесь ни при чём.

— Как ни при чём? — удивился Гарри. Он очень старался выглядеть естественно, наверняка ничего не получалось, он никогда не умел врать красиво... — А кто же тогда его убил?

— Понятия не имею, — Праудфут взял стул от соседнего стола, уселся рядом с Гарри. Это место громко называли «архивом аврората», хотя на самом деле оно представляло из себя всего лишь отделённый высокими стеллажами кусок их комнаты, гордо именуемой офисом. — Почему, ты думаешь, об этом Пруденсе так быстро

замолчали? «Пророк» пытался раздуть сенсацию, пойти войной на вампиров, прижать Контроль, мол, он своим делом не занимается. А потом раз — и затихло всё враз.

— Ты ведь тоже занимался этим делом, объясни, что случилось-то.

— Я занимался... Не занимался я. Так, принеси папку, поддержи улику. Робардс лично это дело вёл, и, чтоб ты знал, самого привлекли.

— В смысле?

— В смысле господин министр стариной тряхнуть изволили. И всё сетовали, что Грозный Глаз уже не с нами.

— В деле почти ничего нет...

— Ну да. У министра всё. Или у Гавейна, я не знаю.

— Да что ж там такого серьёзного?

— Понимаешь, вампиры, конечно, те ещё штучки, но разговаривать они умеют, заданные им вопросы понимают и прекрасно осознают, что будет, если не отвечать. Так вот, их показания чёткие и последовательные: они этого Пруденса не убивали. Они его там вообще не видели.

— Почему тогда их до сих пор считают виноватыми? Ну, то есть, нас учат так, что в таких ситуациях снимается статус подозреваемых...

Праудфут поморщился.

— Понимаешь, Поттер, снимать статус в таком вот случае, жестокого убийства, должен суд. Ясно, к чему я клоню, нет?

— Если честно, нет.

— Ну они же вампиры, Поттер. Их свидетельство в суде мало чего стоит. Вот если бы были волшебники, которые могли бы доказать, что они ни при чём... Тогда да. А так им просто не поверят, нам скажут, что мы не хотим работать, и всё. Да кому я объясняю, вспомни, как Визенгамот не хотел принимать в качестве свидетеля сквибку. А тут — вампиры. О чём ты говоришь? Нет, это не так надо делать. Сначала надо найти убийцу, ну, или убийц, потом доказать, что это именно они, и уже с этим идти в суд. Тогда показания самих вампиров вообще не понадобятся, неважно, что там они думают, вот наша позиция, этих сажайте.

— То есть убийцу всё ещё ищут?

— Ага. Типа того. Меня пока не привлекают, я и не знаю, что там... Кхм. Поттер, так вот оно в чём дело, да? Ах ты жук!

Гарри занервничал. Ну вот, кажется, Праудфут сложил два и два, а он, Гарри, подвёл Малфоя. Как звучит противно.

— Ты о чём? — тупо спросил он, всё ещё надеясь на чудо.

— О Мартенсе, конечно. Вот я дурак, как же это я не сопоставил? А ты молодец, интуиция хорошо работает. Только не говори мне, что случайно полез именно в дело Пруденса, дел с вампирами у нас хватает. Верно ведь, даже почерк похож. Тело Пруденса было всё изломано, как будто по нему походили, рёбра в разные стороны торчат, кровяки полно... Нет, ну какой ты молодец, а! Наверное, Робардс и Шеклболт тоже сообразили, надо их спросить при случае.

— Но кто мог это сделать? Кому понадобилось убивать этих двоих? Между ними есть какая-то связь? — Гарри лихорадочно пытался найти, на какую версию можно отвлечь чересчур догадливого Праудфута, хотя в общем понимал, что слишком неопытен, чтобы манипулировать аврором. Но вдруг? Чудеса же случаются, а он везучий.

— Про Мартенса я не знаю толком, это не наше дело, им занимаются нюхачи и невыразимцы. А Пруденс работал в международных связях, и одно из его последних дел — об экстрадиции удравших в Европу Пожирателей, если ты понимаешь, о чём я. Он довольно успешно продвигался, вот-вот решение должно было быть принято... и вдруг его убивают. На его место спешно ставят клерка рангом ниже и — вот незадача! — весь прогресс разом куда-то девается. Другая сторона начинает тянуть волюнку, рассказывать, что ей нужны какие-то дополнительные консультации, и уже понятно, что дело отложено

в долгий ящик. Странное совпадение, ты не находишь? А ещё на месте смерти Пруденса было полным-полно остаточной тёмной магии.

— Ты думаешь, это кто-то из Пожирателей? — спросил Гарри, кляня себя за невнимательность. Помог называется.

— Я уверен.

— Но чем им мог помешать Мартенс? Он же вроде мелкая сошка в своём департаменте игр, нет?

— Я не знаю, Поттер. Я не расследовал убийство Мартенса. Но, пожалуй, запрошу документы.

— А от чего умер Пруденс? Я так и не нашёл внятного ответа в деле.

— Я же сказал, у него всё тело было разворочено.

— Я понял, а непосредственная причина смерти?

Праудфут посмотрел на него непонимающе.

— А это важно?

— Да. Ну вот смотри, положим, есть некий труп. Его нашли, ну я не знаю пусть будет на мусорке, обглоданным бродячими собаками. И вот мы обследуем его и выясняем, что причина смерти — перекушенная сонная артерия. Значит, скорее всего, эти самые собаки на него и набросились и загрызли, правильно?

— Или оборотни.

— Или оборотни, да. А теперь представь, что мы выясняем, что этот человек умер от авады. Совсем другое дело, правда?

Праудфут задумался.

— Понимаю тебя. Да, ты прав. Я уточню. Ты молодец, Поттер, из тебя выйдет отличный аврор.

— Слушай, я не могу понять. Вот смотри, вот вампиры, да? Вот приехали волшебники, повязали их, нашли это тело. Но ты говоришь, оно было залито кровью, изломано, разворочено, это же не дело пяти минут, верно? То есть я не могу картину восстановить, что там случилось, где убили этого Пруденса, как тело туда попало?

— Ох, Поттер. Если бы мы знали ответ на эти вопросы, мы могли бы встать и громко назвать имена всех причастных. Поговори с Шеклболтом, он хорошо знает это дело. Сам понимаешь, я не могу распространяться.

— Да, я поговорю, спасибо.

— Кто таков этот Мартенс вообще? — спросила Милли.

Они сидели в своей «гостиной» и ждали вызова, который должен был вот-вот поступить. Максимум час — и границу пересечёт человек с пачкой опасных артефактов в кармане, и ОМОН должен его задержать как можно быстрее и безопаснее для окружающих. По такому случаю вся команда была очень похожа на завернутые в фольгу конфеты: экранирующие заклинания бликовали и пускали солнечные зайчики. Адриан смотрел на то, как эти зайчики скачут, и делал далеко идущие, в большинстве случаев совершенно неправильные выводы.

Зайчики с Милли постоянно напрыгивали на Маркуса, а вот Панси бликовала исключительно сама на себя. С левой руки блики падали на правую, с груди — тоже на правую руку. Весьма самодостаточная особа, что ни говори. Драко из всех сил отсвечивал на Блейза, как нарочно. Впрочем, между этими двумя и правда происходило что-то такое, что приличным людям положено не замечать, но, конечно, всегда страшно хочется обсудить со всеми подряд. Похоже, солнечные зайчики, не обременённые человеческими предрассудками, этим и занимались: бегали с одного на другого, шушукались, перешёпывались и со значением подмигивали друг другу.

— Ну, он работал в департаменте игр и спорта, — сказал Блейз, — делал довольно неплохую карьеру: за два года поднялся от стажёра до младшего клерка, и начальство всерьёз рассматривало вопрос его повышения

этой весной.

— Зелье, я смотрю, помогало, — фыркнул Адриан.

Историю про зелье им рассказала Милли, и они бы славно посмеялись, но ситуация как-то не располагала.

— Меня вообще это зелье смущает, — нахмурилась Панси. — Смотрите, у парня карьера и так удаётся, зачем ему это самое зелье? Ещё быстрее хочет? Куда там быстрее, сразу в министры?

— Человек — существо неуёмно жадное, — заявил Маркус, назидательно подняв палец, — если ему дали конфету, сразу начинает хотеть этих конфет три фунта. Если можно ехать быстро, значит, наверняка можно и ещё быстрее.

— Работает и в другую сторону, — пробормотал Малфой. — Если у тебя жопа, всегда может стать ещё хуже.

— Ты, как всегда, неисправимый оптимист, — сказал Адриан. — Посмотри, есть ведь и хорошие новости: за последние три дня никого не убили!

— Это, несомненно, очень круто, — уныло подтвердил Малфой.

— Да ну вас, — сказала Милли, решительно поднялась и потопала на кухню.

— О, теперь нас точно вызовут! — радостно воскликнул Адриан. — Не может такого быть, чтобы Буллстроуд дали спокойно поесть!

— И кто здесь оптимист? — поднял бровь Малфой.

Этот мальчишка неплохо вырос. Научился держать удар, хамить в ответ, бить не раздумывая. Давно ли он был совсем малявкой, испуганно глядящим на старших снизу вверх? Блейз даже тогда казался более спокойным, серьёзным и взрослым, что ли.

Хотя круче всего, конечно, были девчонки. Их никогда не принимали всерьёз: злобная толстуха и тупоумная модница, не интересующаяся ничем кроме гороскопов, на что там смотреть? Какому-то чистокровному достанется такое сомнительное счастье в жёны, надейся, что не тебе, и прибавь шагу.

Теперь Адриану было стыдно, что он когда-то думал так. Глупое чувство, откуда он мог знать, какие они? Испытывать глупые чувства было глупо, но как перестать? Вопрос вопросов.

И ещё было решительно непонятно, что делать. Предложить какой-нибудь из них за него замуж однозначно значило нарваться на то, что ему наденут ведро на голову, а как ещё говорить девушкам о том, что они классные, Адриан Пьюси не знал. Поэтому не говорил.

Милли вернулась с подносом, полным бутербродов.

— Вы как хотите, — сказала она, — а я съела три и планирую ещё столько же.

Драко молча взял один. Наедаться перед беготнёй было не в его правилах. Адриан тоже был не сторонником набивания брюха перед тем, как, возможно, придётся кувыряться и бегать по стенам. Он вообще плохо умел бегать по стенам, поэтому предпочёл проигнорировать щедрое предложение.

Маркус критически посмотрел на бутерброды и взял яблоко. Этим он у своей Белл заразился, однозначно. Панси и Блейз тоже не стали есть; Милли, ничуть этим не смутившись, спокойно уминала бутерброды один за другим.

— Я имел разговор с одним из вампиров, — сказал Маркус.

— Каких, которые с Пруденсом или которые с Мартенсом? — уточнил Адриан.

— Вторых. Врёт, что ничего не знает.

— Точно врёт? — прищурился Драко.

— Да точно. Просто понимает, что знает слишком мало, а волшебники очень любят всё, что они скажут, обернуть против них. Говорит такой вампир правду, а ему: врёшь, тут нестыковка, а этого ты не можешь объяснить, врёшь, значит! Лучше вообще молчать.

— Ну, их можно понять, — Драко хмыкнул.

— Можно. Только нам от этого не легче.

— Я попробую, — сказал Адриан. — Ничего не обещаю, но попробую.

Это была дурацкая затея, конечно. О вампирах он не знал ничего вообще, ну то есть только как их нейтрализовывать в бою. Но в конце концов, они же просто, ну, не люди, а как это сказать... Ну, просто обычные парни. Такие же, как все. Неужели два обычных парня не договорятся?

Это было глупо, конечно. Но ничего другого он придумать не мог.

Маркус кивнул.

— Попробуй. Хуже не будет.

И в этот момент наконец пришёл вызов.

Урод с артефактами, конечно, наделал шуму. Во-первых, это оказался Клод Селвин, человек вредности необычайной, каковая выражалась преимущественно в превосходном владении боевыми чарами, в том числе очень хитрыми и малоизвестными. Во-вторых, часть артефактов он успел передать своему эльфу, который запрятал их невесть куда, а виноватым, естественно, выставили ОМОН. Резонный вопрос, каким образом ОМОН должен был ловить чужого эльфа, удравшего неведомо куда, по понятным причинам остался без ответа. В общем, вместо заслуженной премии за поимку особо опасного преступника они получили трёпку от Робардса, а лично Маркус — выговор за пререкания с начальством. Обычное дело, конечно, у него этих выговоров уже с полдюжины набралось, Адриан его в шутку называл «трижды уволенным», но всё равно обидно.

Громче всех, правда, всё равно возмущался Малфой. Ему одним из боевых заклинаний отрезало часть чёлки, что, если верить его стенаниям, было самым страшным происшествием его недолгой, но бурной жизни.

Он вообще странно реагировал на стресс, этот Малфой. Ну да ладно, по крайней мере, всем смешно.

К вампиру Адриана не пустили. Послали прямым текстом туда, куда всему ОМОНу вроде как давно положено идти. Он сказал «Ага-ага», дождался совещания, которые у нюхачей случались по три раза на дню, и пошёл снова. Умученный дежурный как раз объяснялся с какой-то дамочкой, не то женой, не то сестрой очередного задержанного — они тоже отслеживали совещания, — и Адриан смог проскочить. Вообще так всегда делали, кто его знает, зачем эти нюхачи выпендриваются и пытаются не пускать. Только потеря времени. Всё равно ведь по служебному пропуску сотрудники могут шататься по территории министерства, если их за руку не взять или грудью перед дверьми не встать.

Вампир оказался молодым, тощим и взъерошенным. Немного похож на самого Адриана, только в плечах поуже.

— Эй, парень, — позвал Адриан, — тебя тут хоть кормят?

Вампир поднял на него мутный взгляд.

— Кормят, — ответил хрипло. — Тебе чего?

Голос у него был немного странный, вроде как чуть шепелявый — из-за клыков, наверное. А может, пару зубов выбили, пока брали, вежливостью в этом деле ОМОН не отличался.

— Когда отпустят-то тебя, сказали?

— Сказали. Двадцать пять дней за хулиганство. Ещё что-то?

— Да ты понимаешь, — Адриан подошёл вплотную к клетке, сел на пол, — я очень хочу найти убийцу. Просто вот позарез мне надо. В смысле того волшебника, ну ты понял.

— Его ж притащили, когда вы нас уже взяли, я при чём?

Ага, память на лица у парня хорошая. Сколько он там того Адриана видел, а запомнил.

— Но до того должно было быть что-то ещё. Что-то необычное, понимаешь. — Мысль шибанула в голову, и он заговорил торопливо, словно боялся, что она смоеется: — Убийца должен был точно знать, когда вас возьмут, чтобы в спокойной обстановке, без лишних, так сказать, свидетелей протащить труп. И эта остаточная магия, она же не за пять минут там появилась, зачем она, что закрывала? Какие-то наложенные до того чары?

Парень, ты же что-то знаешь, помоги мне, а? Я знаю, что это не ты. Что это никто из вас. Это человек, без вариантов. Кто? Мне нужно знать. Иначе эту дрянь повесят не на вас, так на нас. Уже болтали, якобы это вы, потом слухи замяли, но пока настоящего преступника не найдут, они могут разгореться снова, и что тогда? Погромами на вас пойдут, как сто лет назад? Оно вам надо?

Парень пожал тощими плечами, нахохлился ещё больше.

— Всё равно не поверишь, толку распинаться.

— Знаешь, я сейчас во что угодно поверю. Я видел, как йети из волшебной палочки отстреливался. Ещё немного, и я восприму всерьёз рассказ о единороге, читающем лекции по трансфигурации.

— Йети? — в глазах вампира промелькнуло что-то, похожее на надежду. Возможно, надежду, что он не сошёл всё-таки с ума.

— Прикинь. Я сам обалдел.

Парень ещё немного поколебался, потом неохотно сказал:

— Я могу ошибаться, но... Мне показалось, что среди наших был... ряженный, так это называется? Вроде наш, но вёл себя неестественно. Ну, как чужой. Я не знаю, как сказать.

Адриан кивнул.

— Я понимаю. Типа если я с утра напрыгну на выходящего из ванной Малфоя с воплем «У тебя кофе сбежал!», а он мне такой: «О, правда? Спасибо большое, мистер Пьюси!», да?

Вампир хмыкнул.

— Наверное. Я не знаю, как правильно должен реагировать твой Малфой на такие, кхм, заявления.

— Заорать: «Придурок, я же тебя чуть не завадил!» или, наморщив нос, прошипеть: «Шут ты гороховый, когда-нибудь тебе перекусят пополам и, клянусь, я не буду по тебе плакать». Думаю, многие на его местеотреагировали бы похоже, так что я не в обиде.

— Ну вот да, что-то похожее. Но это было, ну, быстро, я тогда внимания не обратил... Но...

— Но?

— Да ты понимаешь, мне показалось, что у него была с собой волшебная палочка. Я ещё подумал — что за чушь, мы же их не носим. Почудилось, наверное. Но потом... Потом вы нас повязали, и этот парень тоже был с нами, и... Ну в общем, у него пуговицы были другого цвета.

— Пуговицы? — тупо переспросил Адриан.

— Ну я же говорил, ты не поверишь. Да, пуговицы. Он в пиджаке был, маггловском, он любит такие. И пуговицы были чёрные. А у того, который вроде бы не он, — синие. Тёмно-синие. Но не чёрные.

— Я понял, — задумчиво сказал Адриан. — То есть некто, возможно, волшебник, маскировался под одного из ваших, а потом исчез.

— Выходит, что так.

— Спасибо, парень. Ты мне очень помог, правда. Надеюсь, мы найдём этого ублюдка, и он не успеет натворить что-нибудь ещё.

Вампир безразлично пожал плечами. До волшебников, живых или мёртвых, ему явно не было дела.

— А что если они и правда виноваты? — спросил Рон.

Гарри замотал головой.

— Очень непохоже. Зачем бы тогда Малфой ко мне приходил? Привлечь моё внимание к происходящему?

Они снова сидели у Гермионы в доме. Ужином заведовал Рон, правда, ужин

получался какой-то нестандартный: суп с гренками и бутерброды с ветчиной.

— Извини, Гарри, — заметила Гермиона, приводя в порядок документы к завтрашнему совещанию, — но вряд ли Малфой высокого мнения о твоих способностях аврора. Возможно, он считает, что ты не сможешь увидеть улики против ОМОНа. Я, замечу, не утверждаю, будто они виноваты, просто допускаю.

— Вот да, я тоже допускаю, — кивнул Рон, помешивая суп. — Не может ли он таким образом вроде как усыплять бдительность, а?

— Не думаю. Знаете, он мне сказал такую вещь... Ну, логичную. Он не стал бы так убивать. Ну я не знаю, не в его стиле это.

— Как? — Рон достал тарелки, придирчиво осмотрел их и одну протёр кухонным полотенцем.

Гарри поморщился.

— Там разворочена грудь и... В общем, я принёс колдофото, если вам это не испортит аппетит.

Рон ухватил пачку левой рукой — правой он разливал суп по тарелкам.

— Ого!

— Сердце сдавили рукой, отчего оно остановилось.

— Рукой, — тупо повторил Рон.

— Рукой, — подтвердил Гарри. — Я не представляю себе Малфоя... Рон, что с тобой?

Рон рассматривал колдофото со странным выражением лица. На нём не было ни ужаса, ни брезгливости, скорее сосредоточенность и внимание, и всё.

— Рон? — осторожно повторил Гарри.

— Старик, ты не о том думаешь. Мог Малфой, не мог... Посмотри, это же сделал безумец. У него котелок взорвался, точно тебе говорю. Он точно волшебник?

— Скорее всего.

— Но он забыл, что может колдовать — или для него было очень важно сделать это голыми руками. Он совершенно поехал, Гарри. Это может быть кто угодно. Сбрендивший человек ни капли не похож на себя нормального. Это может быть и Малфой, и кто угодно. Хотя ты знаешь, я поставил бы на магглорожденного. Вот уж кто частенько забывает, что он волшебник, скажи, Гермиона?

Гермиона недовольно кивнула. Гарри и сам помнил, сколько раз они патетически восклицали: «Ты же волшебница!». И правда, в моменты душевного волнения он, бывало, и сам забывал про волшебную палочку.

— Но кто? Зачем? Этот человек должен ходить за ОМОНОм по пятам, отслеживать каждый их шаг, думаешь, такой есть?

— Нету, — вздохнул Рон. — Он был бы замечен. Или она. Кто может контролировать ОМОН?

— Нюхачи разве что, из старших. И Робардс лично.

— Там есть магглорожденные?

— Нет, — мрачно сказала Гермиона. — Ни одного.

Она заглянула Рону через плечо, вынула у него из руки одну колдографию.

— Знаешь, Гарри, Рон прав, — сказала она. — Вот, посмотри, видишь это ребро? Очень похоже, что взрезать грудную клетку одним движением не получилось, и вместо того, чтобы применить заклинание или перехватить нож поудобнее, убийца просто дёргал снова и снова, не меняя направление движения, пока кость не поддавалась.

— Он просто злился, — кивнул Рон. — Злился и дёргал, мол, чего оно меня не слушается? Он не думал в этот момент.

— Но он был один, — упрямо возражал Гарри. — Это не ОМОН, понимаешь? Толпой так с ума не сходят.

— Не сходят, — неохотно согласился Рон. — Но, возможно, это кто-то один в ОМОНе. Малфой может даже честно верить, что его друзья здесь ни при чём.

— Или нет, — задумчиво пробормотала Гермиона.

— Или нет, — покладисто согласился Рон.

Гарри упрямо поджал губы. Они не видели Малфоя, не говорили с ним, и как им объяснить, насколько тот был искренен? Ему было очень важно то, зачем он пришёл, невероятно важно.

«Как и убийце», — шепнул внутри какой-то подленький голосок. И как ни хотелось Гарри поспорить с ним, получалось плохо.

У убийцы был какой-то очень важный и очень личный мотив. Ради которого он, по-видимому, был готов на многое. Так ли уж сложно для такой великой цели разыграть драматическую сценку перед человеком, которого ты неплохо знаешь?

— Поговорю-ка я с Кингсли, вот что, — решительно поднимаясь, заявил Гарри.

— Не поужинав? — растерянно спросил Рон.

— Поговорю и поужинаю. Начинайте без меня, я быстро.

Министр магии ещё был на работе; Гарри в этом и не сомневался: Кингсли не любил работать ранним утром, приезжал только на важные совещания, зато предпочитал засиживаться допоздна.

— У тебя есть минутка? — спросил Гарри, сунув нос в отделанный коричневой кожей кабинет.

Обстановку здесь Кингсли менять не стал — «второстепенно». В кабинете министра всё страдало гигантизмом: высоченные потолки, огромные окна, массивные шторы с длинными кистями, большой стол, заваленный толстыми свитками, большое кресло... Кингсли Шеклболт, отнюдь не отличавшийся щуплостью, казался совсем крохотным в этом пристанище великанов. Каждый раз, заходя сюда, Гарри представлял в здоровенном кожаном кресле Хагрида — вот кому оно определённо было впору.

— Заходи, Гарри, для тебя, конечно, найду. — Кингсли устало отодвинул стопку каких-то бумаг.

— Послушай, тут такое дело, я хотел узнать кое-что об убийстве Эктора Пруденса. У тебя есть какие-то соображения насчёт личности убийцы?

Кингсли помощился.

— Мне не нравится, что к этому приплетают ОМОН, — недовольно ответил он. — Может статься, что те, кто это делает, действительно думают, что дети Пожирателей — демоны во плоти, но может ведь быть и такое, что они путают следы.

— То есть ты не веришь, что это могут быть они? — уточнил Гарри. Он опёрся о стол, чуть наклонив голову, чтобы смотреть Кингсли в глаза.

— Я не думаю. Слишком... грубо, если бы им понадобилось кого-то убивать, они могли бы сделать это чище. Да просто заавадить и столкнуть в Темзу, и ищи их до второго пришествия. Тела без признаков насильственной смерти нашли бы магглы, решили, что это несчастный случай, и тихо похоронили бы как Джонов Доу номер сто хренадцать. Кажется, их кремируют, так что и следа бы не осталось.

— Полагаешь, эти ребята знают такие подробности о магглах?

Гарри задал вопрос и снова вспомнил о магглорожденных. Вот уж кто точно знает... Но не было такого магглорожденного рядом с ОМОНОм, не было! А жаль, такая красивая версия...

Кингсли задумался.

— А подловил. Но всё равно глупо как-то, ты не находишь?

— Глупо. У тебя есть версии?

— Пока нет. Но я всё равно не хочу думать, что это ОМОН.

— Не хочешь думать? — медленно переспросил Гарри.

Ему казалось, что перед его ногами разверзается бездна. Один из самых умных людей, которых он знал, отбрасывал одну из версий просто потому, что не хотел верить в её возможность. Точно так же, как сам Гарри незадолго до этого, но у Гарри всё-таки не такая прорва опыта, и вообще он пристрастен, ведь речь идёт о Малфое. О том самом

Малфое, которого он, чего уж там, жалел, понимая, как ему достаётся под властью Лорда.

Подумалось, что в обычае магов отстранять от расследования полицейских, хоть как-то связанных с жертвой, что-то есть.

Но Кингсли не был связан ни с кем из них. Он просто не хотел верить — и не верил. Без оснований.

Гарри очень хотелось кричать и швыряться чем попало.

— Я всё-таки не понимаю, — заявил Маркус, застёгивая левый наруч. — Ведь там, у «Гарпий», никого не убили. То есть если этот тип маскируется под существ, чтобы перетащить тело, то где тело-то?

— Мы помешали, — мрачно предположил Блейз, проверяя, хорошо ли достаётся палочка. — Мы же там всё обошли, сначала сами, потом с парнями из Контроля. Подсунуть труп незаметно не вышло бы.

— Ясно, всё время надо так делать! — бодро отозвался Адриан.

— А толку? — огрызнулся Драко. Он явно запутался в сложной перевязи и раздражённо искал правильный конец. — Раз убийца ищет, куда бросить тело, значит, кто-то уже умер.

— Ну, может, следующего не прикончит, пока этот не пристроен, — флегматично заметила Милли. — Мальчики, давайте поскорее, время не ждёт.

— Да что там сделают эти акромантулы, не вампиры же. — Маркус критично осмотрел себя в зеркале. Вроде всё сидело как надо, не слетит в неурочный момент.

— Говорят, Рон Уизли боится пауков, — сказал Адриан. — Малфой, это правда? Будущий бравый аврор улепётывает от мохнатеньких пусичек?

— Я ему пауков за шиворот не запускал, не знаю. Можешь попробовать, если хочешь.

— А их люблю, они клёвые.

— Кого ты не любишь, фанат дикой природы? — хмыкнула Панси.

— Нюхачей. Они дразнятся и не имеют к дикой природе никакого отношения.

— Все готовы? — громко спросил Маркус.

— Да, — ответил ему нестройный хор, и он скомандовал отправление.

Таверна в глухом Уилтшире и раньше страдала от всяких тварей, но обычно это было что-нибудь, сбежавшее от волшебников, недостаточно хорошо охранявших свои поместья. Так, прошлый вызов отсюда поступил в Департамент магического правопорядка четыре года назад, когда в таверне хозяйничали две невесты откуда взявшиеся химеры. Они деловито рылись в мусорной куче, осматривали коновязь для фестралов, жадно втягивая носами воздух, а потом пролезли в кухню и выхлебали остывший суп с бараниной. Весь персонал таверны и немногочисленные в дневное время посетители в это время сидели на окрестных деревьях и тщетно пытались вспомнить хоть одно заклинание, подходящее для тёмных созданий.

ОМОН, ещё прошлого созыва, уложил химер в пять минут, не спросив, из чьего дома они взялись, — всё равно бы не ответили. После чего волшебники слезли с деревьев и мирно пошли заканчивать обед. Ну, химеры, подумаешь. Здесь и не такое видали.

Акромантулов и подавно никто не боялся, тем более что они появились из леса, дав возможность всем присутствующим спокойно и организованно эвакуироваться через камин. Но вот беспорядка они здесь натворили немеряно. Перевернули всё, что переворачивалось, и зачем-то заплели паутиной три окна и дверной проём.

Зато никто из них не размахивал волшебной палочкой, и это вселяло надежду.

Маркус и его ребята обшарили таверну сверху донизу, не обнаружили ничего подозрительного, аккуратно очистили место происшествия от оставленной акромантулами пакости и отбыли в министерство, на всякий случай заблокировав камин и все двери и окна под пароль. Сказали его только хозяину — шепнули на ухо.

Как Маркус и подозревал, этого оказалось недостаточно.

Когда хозяин таверны снова влетел в Департамент с таким видом, словно за ним гналась стая голодных оборотней, Маркус уже знал, что он скажет.

— Там! — вопил седовласый волшебник, бешено вращая глазами. — Он там! Сделайте что-нибудь! Он там!

— Как ты считаешь, командир, — негромко сказал Блейз, — нам дадут осмотреть тело?

— Боюсь, нет, — так же тихо ответил Маркус. — Мы же сами заблокировали там всё. И пароля не знал никто. Боюсь, теперь мы попались.

— Никто кроме него, — Панси кивнула на вопящего хозяина таверны.

— Думаю, его проверят и ничего не обнаружат. Готовьтесь, ребята, вот теперь у нас проблемы.

— Я знал, знал, что надо идти в зоопарк смотрителем, — тоскливо протянул Малфой. — Будь прокляты отцовские амбиции!

— Перестань, — Блейз, поморщившись, взял его за руку. — Не время сейчас. Лучше думай, как выкрутиться.

Драко зло посмотрел на всех.

— Я знаю только один способ — аппарировать отсюда в Австралию прямо сейчас, — запальчиво сказал он.

— Так аппарируй, пока можешь, — тихо сказал Маркус.

На миг на лице Драко мелькнула растерянность. Потом раздался хлопок аппарации.

Маркус неспешно, стараясь лишний раз не напрягать руку, вложил палочку в чехол.

— Немедленно прекратите метаться и доложите обстановку, — гаркнул Кингсли, встав на ноги посреди злополучной таверны. — Что за бестолковая беготня? Робардс, успокойте своих людей! Мне нужен кто-то, кто может толково рассказать, что здесь произошло.

— Думаю, это следует сделать мне, сэр, — Гавейн Робардс подошёл к министру. В руках он держал обрывок верёвки. — Вот это было найдено рядом с телом, посмотрите, какой интересный оттенок, это не обычная верёвка из местных лавок.

— Я вижу, в неё вплетены цветные нити. Может, давайте начнём с начала?

— Да, конечно же, сэр. Убитый, Фицпатрик Рэмси, служил младшим клерком в отделе катастроф. Неделю назад он не явился на работу, его жена сказала, что он собирался в какую-то командировку, но на самом деле никакой командировки не было. Мы сначала предположили, что он под таким предлогом отправился к любовнице, но мистера Рэмси, по словам его начальства, никогда не отличало пренебрежение служебными обязанностями. Группа обеспечения магического правопорядка занялась поисками, однако никаких следов пропавшего обнаружить не удалось. И вот он найден здесь, точнее — в кухне, под перевёрнутым котлом. Его обнаружил мистер Тед Уоррингтон, хозяин этого заведения, когда вернулся сюда после ухода ОМОНа. На руках покойного мистера Рэмси следы от верёвки, очень похоже — именно этой. Смерть наступила, — Робардс помялся, — похоже, так же, как у мистера Пруденса.

— И Мартенса? — уточнил Кингсли.

Робардс неохотно кивнул.

— Каким образом сюда можно было проникнуть в промежутке между уходом ОМОНа и появлением мистера Уоррингтона?

— Боюсь, никаким, сэр. Все входы и выходы были заблокированы ОМОНОм.

— Но это глупо.

— Я с вами совершенно согласен, — горячо заверил министра Робардс. — Это невероятно глупо, это не просто бросает на них подозрение, а прибавляет его к ним гвоздями. Конечно же, они невиновны.

«Ну конечно, — кисло подумал Кингсли, — сейчас ты будешь хвататься за любую

возможность доказать, что твои люди здесь ни при чём. Тогда, на совещании, ляпнул в запале, что отвечаешь за них головой, и теперь для тебя жизненно важно, чтобы они и правда оказались непричастны к убийствам. Ты в лепёшку разобьёшься, чтобы доказать их невиновность. Хотя, надо признать, аргумент и впрямь заслуживает внимания. Так явно подставляться... Надо быть совсем идиотом, они не такие».

— Хорошо, что за верёвка?

— Не имею понятия, сэр, но она необычная. Думаю, это либо ложный след, либо невероятная удача — если допустить, что преступник бросил её здесь случайно, в спешке.

— Хорошо, сам Уоррингтон не мог?..

— Он согласился предоставить воспоминания в омуте памяти, сейчас их отбирают и проверяют на искажения.

— Скорее всего, он тоже ни при чём, это не менее глупо. Но кто тогда? Как? Робардс, я должен понять, что здесь происходит и кто водит нас за нос! Дайте мне взглянуть на тело.

Бедолага Фицпатрик Рэмси выглядел ужасно. Мало того, что он умирал явно долго и той же жуткой смертью, что и двое его предшественников, но к тому же его тело, судя по всему, ещё какое-то время ждало удобного случая, чтобы быть предъявлено изумлённой публике.

— Все трое — сотрудники министерства, — бормотал Кингсли, — молодые, но довольно перспективные. Один точно занимался пожирательскими делами. Все трое исчезают под благовидным предлогом, по крайней мере, так считает их родня; Пруденса даже на работе не искали. Двое из трёх женаты, все трое — со средним достатком, родом из разных частей Британии. Что же их объединяет, что? Робардс, что их объединяет?

— Не могу даже представить, сэр. Даже во внешности ничего схожего. Ну, разве что они все молоды и они все мужчины.

— И работают в министерстве.

— Убийца, скорее всего, тоже. Раз их исчезновение каждый раз имело какой-то надуманный повод.

Помолчали.

— Надо посмотреть, кто активнее всех будет настаивать на виновности ОМОНа, — предположил Робардс.

— Не только активнее всех. Возможно, наш преступник как раз предпочтёт держаться в тени. Вот же гадость какая, меня же могут заставить взять их под стражу.

— ОМОН?

— Ну да. Всё слишком очевидно против них.

— Вот именно — слишком.

Кингсли поморщился.

— Сможете это им доказать?

— Попробую, сэр.

— С меня три пинты лучшего огневиски, если получится.

— Да, сэр, я тоже в это не верю.

— Как же всё-таки жаль, что я не король, — процедил Кингсли сквозь зубы, поднимаясь с колен. На брюках остались тёмные мокрые пятна. Край мантии тоже запачкался.

— Зато вы залиты кровью почти как монарх, сэр, — отозвался Робардс и подал ему руку, шагая к камину.

Мёртвые глаза Фицпатрика Рэмси смотрели в потолок.

Всё повторилось.

История закрутилась в спираль и снова вынесла его в ту точку, которую он ненавидел больше всего. И, конечно, свернуть никак невозможно.

Он снова должен был убить Дамблдора. Липкое, противное чувство: не страх даже

— бессилие. Он ведь совершенно точно не может. Не способен. Силёнок не хватит. Но теперь рядом нет Снейпа, который посмотрит на него с презрением, поднимет палочку и сделает то, чего не хочет делать.

Теперь он один. И надо убить Дамблдора.

Вокруг царили темнота и тишина. Этот дом был давно брошен, сейчас здесь жили только пауки да, возможно, докси в пыльных шторах. Если хорошенько поискать, наверняка отыщешь боггарта-другого, они любят такие места. Драко не боялся боггартов. Ненастоящее не страшное.

Этот дом сейчас тоже был ненастоящим. Тенью того, что Драко помнил с детства. Когда-то здесь проводили шумные детские праздники, приятные для всех, кроме хозяина, который весь вечер сидел в углу и не знал, как завязать разговор с веселящимися гостями.

Конечно, явиться сюда было не лучшим решением. В доме Крэбба его, скорее всего, будут искать, если дойдёт до поисков — а до них наверняка дойдёт. Но подумать в тишине было необходимо. Попытаться найти решение, которое найти невозможно.

Они думали все вместе и ничего не придумали. Что может он сам?

Драко мотнул головой. Это несущественно, неправильная мысль. Он должен, а значит, надо просто пойти и сделать. И какая разница, что это не работает.

Он присел на запылённый стул — тот протяжно заскрипел. Итак, что у него есть? Убийца появляется там, где резвятся всякие твари, и убеждает, что ОМОН здесь, вот-вот зачистит территорию и отбудет к месту постоянной дислокации. Потом уходит, ждёт немного и, рассчитав совершенно точно, притаскивает тело. Иногда успевая попасть в зазор длиной в пару минут. Игнорируя все блокировки. Что же у него за уровень доступа такой?

Территория всегда залепана остаточной тёмной магией, но никогда нет чётких следов конкретных чар. Просто фон. Может ли это что-то значить?

Драко поднялся на ноги и, переступая через свалывшиеся кучи пыли, прошёл в библиотеку. Нажал на потайную кнопку — стеллаж с книгами отъехал в сторону, открывая нишу с бесчисленными полками.

— *Акцио* справочник Вертера по темнейшим искусствам, третий том, — чётко произнёс Драко.

В домах, долго простоявших без хозяев, надо было вести себя осторожно и особенно внимательно колдовать.

Раздался скрип, шорох, как будто книги переговаривались между собой и расталкивали зазевавшийся третий том. Наконец, шелестя страницами, толстая книга слетела с полки и скользнула Драко в руки.

Хотелось есть, но это не имело значения. Всё равно здесь нет ни еды, ни эльфов, которые могли бы её приготовить.

Искать в справочнике неведомо что — долгое занятие, так что к моменту, пока искомое нашлось, Драко уже изрядно проголодался. Но, по крайней мере, его до сих пор не отыскивали. Значит, есть шанс успеть.

Остаточная тёмная магия могла быть результатом использования артефактов или амулетов, которые сами по себе создавали фон. Если это так, то убийца был обвешан артефактами, как рождественский камин — носками. Что бы это могло быть? Маскировочное? Что может одинаково хорошо замаскировать волшебника и под йети, и под вампира, и под красного колпака? Может, это просто иллюзия?

Нет, иллюзия отпадает, люди и вампиры видят их по-разному, а красные колпаки, кажется, не видят вовсе. Чужака же, похоже, все принимали за своего. Значит, маскировка. Обратное отпадает точно: с нечеловеческими существами оно действует как попало, если вообще действует.

Драко скрипнул зубами и, чувствуя, как страх сковывает движения, поднял палочку.

Это надо было сделать. Самому ему не разобраться.

— *Аннарейт!*

— О, мистер Малфой, — услышал он знакомый голос у себя за спиной. Резко развернулся. Борджин хихикнул и потёр сухие ладони. — Радует, что вы не забываете наш магазин. Я могу чем-то вам помочь?

— Можете. Боюсь, только вы и можете, мистер Борджин. Я понимаю, что вопрос щекотливый и может затрагивать безопасность вашего клиента, но всё же прошу вас ответить. Существуют ли артефакты, амулеты, талисманы и прочие средства, помогающие эффективно замаскировать волшебника под нечеловеческое существо? Под эффективностью я понимаю маскировку и для самих существ. Вампир видит в человеке вампира точно так же, как мы с вами. Великан видит великана, акромантул — акромантула.

— О, мистер Малфой, это очень, очень интересный вопрос! Знаете ли, как минимум трое магов положили жизнь на то, чтобы получить на него ответ! — Борджин приблизился к Драко и уставился ему в глаза, подслеповато щурясь в полутьме лавки. — Этот ответ не даётся бесплатно, знаете ли.

Драко молча показал значок ОМОНа. Значок тускло выблил в чающем свете лампы.

— Думаете запугать меня? — спокойно спросил Борджин. — Я разочарован. Вы же знаете, что это бесполезно.

— Вот уж чего и не думал делать. Просто напоминаю, что имею право спрашивать. Именно мы работаем с тварями, это в нашей компетенции. Никаких угроз, ни в коем случае. Но это не праздное любопытство, мистер Борджин. Я на работе.

— Но вы спрашиваете о тёмном артефакте, — мягко возразил Борджин.

— То есть он тёмный, — уточнил Драко.

— Да, мистер Малфой. И очень дорогой.

— Его купили у вас?

— Нет. Могу вам его показать, если желаете. Но не рекомендую брать в руки, если вам дорога жизнь.

Драко улыбнулся уголками губ.

— Я тёмный маг, мистер Борджин.

— Я тоже, мистер Малфой, я тоже. Но предпочитаю не касаться его без нужды.

— То есть тот, кто использует такой артефакт, должен быть ещё более сильным тёмным магом?

Борджин помялся.

— Мистер Борджин, — вкрадчиво сказал Драко, — поймите меня правильно, мне очень нужна консультация. Очень. Я умею быть благодарным, вам это наверняка известно. Полагаю, о нашей семье распространяют немало слухов, которые, разумеется, не прошли мимо ваших ушей. Но вместе с тем я вынужден вам напомнить, что являюсь сотрудником Департамента магического правопорядка при исполнении, что налагает на вас обязанность оказать мне эту услугу. Позвольте мне прояснить ситуацию, мистер Борджин. Несколько волшебников убиты, и, скорее всего, убийства продолжатся. Ваш отказ сотрудничать в таких серьёзных обстоятельствах будет квалифицирован как соучастие в преступлениях. Тогда как помощь, особенно подробная, будет расценена очень, очень положительно. И властями, и мною лично.

— Я боюсь вас запутать, мистер Малфой, — лицо Борджина выражало самое искреннее участие и горячее желание помочь. — Видите ли, этот артефакт... Им действительно могут владеть лишь очень сильные тёмные маги, не чета мне и, уж простите, не чета вам.

— Но есть способ?

— Да. Способ есть, просто он настолько редко используется, что я не знаю, стоит ли упоминать о нём... Я не знаю ни одного волшебника, которому этот способ был бы доступен сейчас, понимаете? Скорее всего, это ложный след и вам надо искать тёмного

мага, положим, уровня вашего отца.

«Что может мой отец того, чего не могу я?» — отстранённо подумал Драко. На самом деле он знал ответ, конечно. Люциус значительно легче убивал, а в этом — хотя, конечно, не только в этом — и заключается сила тёмного мага.

Понимание пришло со всей ясностью. Убийца был не из тех, кто убивает так уж легко. Для него каждая смерть его жертвы была событием, к которому он шёл долго и с трепетом счастливого ожидания. Нет, если он и тёмный маг, то явно не сильнее Драко.

— Я понял вас, мистер Борджин. Вы более чем доступно объясняете, я не стану преувеличивать шансы на использование этого... уникального способа убийцей. И всё же расскажите мне о нём, прошу вас.

— Пойдёмте, мистер Малфой. Звезда Морганы заслуживает, чтобы о ней говорили в её присутствии.

В задней комнате магазинчика Борджина у Драко прошли одновременно и голод, и начавшаяся было головная боль. Тьма здесь сгущалась, будто кисея над колыбелью младенца, умиротворяющая и опасная одновременно.

— Какое чудесное место, — мечтательно произнёс Драко.

Борджин хихикнул.

— Заходите, как выдастся минутка, мистер Малфой.

— Непременно.

— Вот она, — Борджин провёл рукой над металлической кельтской звездой, лежавшей на бархатной подушечке. Её, в отличие от многих других здешних сокровищ, не закрывало ни стекло, ни даже полупрозрачная ткань. Значит, своенравный артефакт.

Фонило от звезды просто чудовищно. Драко даже подался вперёд, протянул к ней руку, но касаться предусмотрительно не стал.

Да уж, этот артефакт и Люциус брал бы с осторожностью и в экранирующих перчатках. Если бы вообще решился взять.

— Я так понимаю, мистер Борджин, с такими красавицами охрана от воров вам и вовсе не нужна.

— О, да, мистер Малфой, о, да! Вы очень правы, знаете ли. Только Звезда Морганы за то время, которое лежит здесь, отправила на тот свет троих воров. Она красивая, безмозглые невежды хватают её голыми руками.

На лице Борджина промелькнуло мечтательное выражение — наверное, вспомнил, в каком виде находил наутро скорчившиеся трупы неосмотрительных смельчаков.

— Да, она прекрасна. Так расскажите же мне о ней, мы ведь за этим сюда пришли.

— Это долгая история, мистер Малфой, присаживайтесь, прошу вас.

Борджин повёл рукой в сторону кресел, стоявших у противоположной стены. Драко одобрительно улыбнулся и опустился в самое непримечательное. Может, он и мальчишка, к магическим способностям которого этот старикан не имеет никакого уважения, но отличить от обычного сидения Кресло Клеопатры или Стул Наглеца ему ума хватит.

Борджин удовлетворённо кивнул и бесстрашно сел на Трон Баала. Ну ещё бы, он здесь хозяин.

— Так вот, Звезда Морганы производит те самые действия, которые лежат в основе темномагических превращений.

Он сделал паузу, и Драко понимающе покачал головой.

— Искажение.

— Именно. Знаете ли, превратиться в йети или даже в химеру можно, конечно же, но это будет стоять волшебнику некоторых присущих только человеку умений... Искажение не воздействует на него вовсе: искажается то, каким его видят окружающие, причём все до единого окружающие. Уникальность Звезды Морганы именно в том, что вас увидят таким, каким вы пожелаете, даже гриндилоу и докси.

— Потрясающе.

— О, да, она уникальна. На свете всего около дюжины таких артефактов, изготовить их невероятно трудно. Я не смог бы. Пожалуй, это было под силу Волдеморту... Может быть, кому-нибудь из сильнейших его последователей, но я не рискну называть имена. Так вот, я говорил о том, как взять её в руки. Есть такой Футляр Ланселота, полулегендарная система охранных амулетов. Многие считают, что его не существует, но... Знаете ли, многие искренне верят, что не существует Смертельных реликвий.

— А они существуют?

Борджин посмотрел на Драко удивлённо.

— Вы же по меньшей мере одну из них держали в руках, мистер Малфой! Бужинную палочку! Если память мне не изменяет, даже какое-то время были её хозяином. Непродолжительное, к счастью для вас. Впрочем, мы отвлеклись. Так вот, Футляр Ланселота — это несколько амулетов, которые необходимо соединить в определённом порядке, и тогда внутрь можно поместить Звезду Морганы или любой другой артефакт такой же силы. Разумеется, фонить будет сильно, так что проскользнуть куда-нибудь незамеченным человек со Звездой не сможет. Но нести на себе сумеет. Другое дело, что достать Футляр Ланселота, а потом правильно его собрать может далеко не каждый. Мне, например, удалось достать лишь три амулета из восьми, а я, знаете ли, давно охочусь за этим сокровищем.

Драко пожал плечами.

— Волдеморт смог заполучить реликвии троих Основателей за весьма короткий срок, хотя до него это не удавалось никому.

Произносить имя, которого он привык бояться, было сложно. Но раз может Борджин, значит, должен смочь и он. Это просто последовательность звуков, в конце концов.

Драко гордился собой: получилось почти непринуждённо.

— Да, вы, конечно, правы, мистер Малфой. Если поставить перед собой цель и идти к ней, не отвлекаясь ни на что иное, достичь можно чего угодно.

Драко снова протянул руку к Звезде Морганы. Потрогал исходящую от неё тьму, так и не осмелившись коснуться её самой. Такие артефакты и правда не для него, мал ещё.

— И как же мне найти того, кто может всем этим владеть, мистер Борджин?

— Ох, даже не знаю, что вам ответить, мистер Малфой. Я не знаю такого человека. Вы сами видите, что моя Звезда на месте, так что приобрели её не у меня — если, конечно, приобрели. Но других способов маскироваться под существ я не знаю. И смею утверждать, мистер Малфой, что если их не знаю я, значит, вряд ли в магической Британии есть кто-то, кто знает.

— Не сомневаюсь в этом. Вам известно об артефактах больше, чем всему Отделу Тайн вместе взятому.

Борджин польщённо просиял.

— Рад, что вы так считаете, мистер Малфой. Я, к сожалению, не знаю, кого именно вы ищете... — Он помялся. — Но хочу предостеречь вас. В последнее время у меня закупили немало того самого порошка из Перу, вы понимаете, какого, и, что важно, покупатель был анонимен. Просто заказ, присланный совой. Я не имею представления, ваш ли это, кхм, клиент, но этот порошок не покупают для милых розыгрышей. Будьте осторожнее, мистер Малфой.

— Спасибо, я запомню ваши слова. — Драко поднялся из кресла. Тьма снова окатила его ласковой волной. Уходить отсюда не хотелось. — Я не забуду вашей помощи, мистер Борджин. Если когда-нибудь я смогу вам помочь, обращайтесь без стеснения, я умею помнить добро.

— Надеюсь, мне не понадобится воспользоваться вашим любезным предложением. — Борджин тоже встал, открыл дверь, провожая гостя. — Всего хорошего, мистер Малфой. Пусть вам повезёт.

Драко поблагодарил и вышел.

Начинался дождь. Ведьмы и волшебники шныряли взад-вперёд, не особо обращая на Драко внимание, погружённые в свои дела. Он неторопливо шёл вперёд, думая о своём Дамблдоре.

Человек, способный достать дорожные и редчайшие товары, которые не смог собрать у себя даже Борджин. Кто он таков, кем может быть? Людей с состоянием, позволяющим купить что угодно, в магической Британии не так много, и всех их Драко знал лично. Может ли это быть кто-то из них?

Так, стоп, не с той стороны. Он всё время должен крутиться где-то рядом, знать о каждом шаге ОМОНа. Они постоянно сталкивались, возможно, виделись на работе. И в то же время этот волшебник как-то отбирал своих жертв, тоже сотрудников министерства, но работавших в разных отделах.

Проходя мимо очередной лавки, Драко увидел, как сидящий у окна скучающий продавец разворачивает свежий «Пророк». На первой странице плясали буквы: «Ещё один убитый! Кто ответит за смерть Фицпатрика Рэмси?». Так вот, значит, кто... Драко немного знал его, молодой перспективный работник, бодро шёл по карьерной лестнице и...

Драко резко остановился. Вот же оно! Карьера! Быстрая, уверенная карьера — вот что объединяет всех убитых!

Неужели всё так... просто? Убийца просто завидует успешным юношам? Его собственная судьба сложилась не так удачно, и он не может смотреть, как другие скачут по ступеням, на которые он едва вскарабкивается?

А что, это вполне причина. Как они смеют, если ему не удалось? Вспомнился отец, который шипел при одном упоминании семьи Уизли — потому что у Артура было целых семеро детей, а Люциус насилу смог стать отцом одному. Казалось, дай ему волю — и он разорвёт старшего Уизли голыми руками. Да, зависть — достаточно сильное чувство, чтобы ради неё убивать.

Кто же это, кто? В Департаменте магического правопорядка полно неудачников, которые работают долгие годы, и хорошо работают, но никто не замечает их рвения. Который из них?

И кто станет следующей жертвой?

Сейчас бы вернуться в министерство, походить там, поболтать, присмотреться. Но нельзя. Магический контракт ОМОНа прост и незамысловат: если Драко прикажут остаться, он не сможет уйти. Пока приказа не было, точнее, пока он не услышал приказа, он свободен и может искать.

Интересно, что делать, если вдруг найдёт? Сразу авадить? Тогда подозрения с ОМОНа не снять. Допрашивать? Это ещё вопрос, кто кого допросит.

Во что ты ввязался, Драко Малfoy? Почему бы тебе не аппарировать куда-нибудь в Австралию, пока не поздно?

Он знал ответ. Но всё равно чувствовал себя идиотом.

Отсюда надо было уходить, спрятаться где-нибудь, забиться в угол, чтобы никто не нашёл, не передал из лучших побуждений приказ срочно явиться в министерство. Прятаться — самое разумное, что он мог делать. Но вместо этого Драко упрямо шёл по аллее Ноктюрн, вдыхая терпкий дым и аромат сушёных трав, запах затхлой воды и свежесваренного кофе.

Ему надо было убить Дамблдора, а для этого полагалось делать глупости. Да и думалось так легче.

Он и не мечтал, что убийца просто подойдёт к нему и скажет: эй, привет, это я. Ты искал меня, красавчик? Ты нашёл.

Но когда его окликнул знакомый голос, на миг ему показалось, что ласковый взгляд голубых глаз взглянул на него из-за очков-половинок.

— Мистер Малfoy? — Человек спешил к нему, сияя счастливой улыбкой. — Мистер Малfoy, как хорошо, что я вас встретил! Вы мне так нужны.

— Да, — сказал Драко, глядя на витую цепь поверх тёмной мантии. — Да, конечно. Это ты. Здравствуй.

— Это я, — белозубо улыбаясь, ответил его собеседник.

Его новый Дамблдор.

Артур спешил к министру, когда в общем переполохе услышал голоса Перкинса и Джуди Лейт.

— Мистер Уизли, сэр!

— Сэр!

Он обернулся и увидел растерянные лица своих людей, только что вернувшихся с экстренного вызова. Да, точно, он же обещал им совещание сразу после возвращения.

— Что здесь происходит, сэр? — жалобно спросила Джуди.

— Мы едва протолкались через толпу в Атриуме, — отдуваясь, словно после быстрого бега, сказал Перкинс. — Куда все бегут?

— В министерстве паника, — покачал головой Артур. — Буквально средь бела дня из собственного кабинета пропал сотрудник, при свидетелях.

— Где?! — ахнули одновременно четыре голоса — до начальника наконец добрался весь отдел.

— В Отделе Тайн. У многих сдали нервы. Я к министру, простите. Если хотите, идите домой, всё равно сегодня работы не будет, сами видите, что творится.

Артур махнул рукой и пошёл дальше по коридору. Растерянные сотрудники остались позади.

До кабинета министра оставалось ещё шагов двадцать, но уже было слышно, как кричит Клотильда Макбрук. Артур покачал головой: уж глава департамента катастроф могла бы быть пострессоустойчивей.

Хотя, подумалось сразу, если бы это его сотрудника нашли с развороченной грудной клеткой, как бы реагировал он? Тихо и вежливо настаивал на расследовании? Соглашался бы, что не стоит рубить сплеча?

Сделав глубокий вдох, Артур открыл дверь.

— ...Я говорила вам, другие говорили, но вы не желали слушать! Вы до сих пор отказываетесь принимать решительные меры! Сколько ещё смертей вам нужно? Хотите остаться в истории самым кровавым министром? — кричала Клотильда. Её лицо пошло красными пятнами, она стояла, упираясь руками в стол, растрёпанная, в мятой на груди мантии, а все вокруг старательно прятали глаза.

— Я хочу найти виновного, клянусь! — ответил наконец Кингсли, вклинившись в короткую паузу, когда Клотильда набирала воздух. — Погодите, дайте мне сказать. Попробуйте меня услышать, мисс Макбрук! Я хочу поймать убийцу, но ни один убийца не станет так явно указывать сам на себя. Нам разве что записки не оставили: «Это сделал ОМОН!». Ни один убийца, вы слышите меня? — ни один не стал бы совершать столько ошибок. Их вина слишком очевидна, она не может быть правдой. Это ложный след, на который нас толкает настоящий преступник. Нам не следует терять время на эту ерунду.

— В том, что вы говорите, есть зерно истины, — задумчиво ответил невыразимец — Артур не запоминал ни их имена, ни их внешность, это было совершенно бессмысленно, они всё время менялись. Структура Отдела Тайн предусматривала постоянную горизонтальную ротацию, и его представитель на совещаниях у министра менялся не реже раза в месяц. — Но позвольте сказать и мне, что я думаю по этому поводу. Я тоже, так сказать, кровно заинтересован, и при этом у меня есть некоторый опыт в, — он пошевелил пальцами, — запутывании и распутывании следов. Видите ли, сегодняшний инцидент произошёл при свидетелях. И знаете, что они говорят? Они утверждают, что видели того, кто внезапно появился посреди отдела и, ухватив за плечо Дженкинса, дизаппарировал с ним. И трое из пяти уверенно идентифицируют его как Драко Малфоя.

— Оборотка! — быстро выпалил Гавейн Робардс.

— Исключено, — покачал головой невыразимец. — Обратное зелье создаёт едва уловимый фон вокруг применившего его человека. В обычных условиях его невозможно обнаружить, но у нас в отделе стоят уловители, которые многократно усиливают подобные... проявления. Я могу гарантировать, что обратное не использовалось.

— А что говорят остальные двое свидетелей? — подал голос Артур.

— Что не могут точно сказать, кто это был, потому что видели его мельком. Называют отдельные приметы. Среди них, например, фамильные наплечники, которые носит мистер Малфой. На них крепится пластина служебного пропуска, позволяющего аппарировать внутри министерства — весьма опрометчиво, скажу между прочим, предоставлять такую возможность кому бы то ни было. Послушайте, господин министр, вы, несомненно, правы: слишком многое показывает на ОМОН, это похоже на ложный след. Но что если этого и добивается преступник? Чтобы мы сказали: нет, не может быть, наверняка кто-то бросает тень на хороших людей, давайте искать дальше? Господин министр, я согласен с вами, что нельзя останавливаться только на этой версии, но не могу согласиться, что её следует вовсе отбросить.

— Я хотел бы напомнить уважаемому собранию, — снова встрял Робардс, постепенно повышая голос, чтобы перекрыть нарастающий шум, — что принять облик другого человека может и достаточно хороший трансфигуратор.

— Прошу меня простить, но исключено, — невозмутимо парировал невыразимец. — Преступник проник как раз в ту часть Отдела Тайн, где любые трансфигурационные чары рассеиваются, проявляя истинную сущность предметов, в том числе одушевлённых.

Наконец терпение у глав департаментов лопнуло, и все загалдели. Министр не мешал — давал выговориться. Видимо, он, как и Артур, понимал: если против злоумышленника оказался бессилён даже всемогущий Отдел Тайн, значит, происходит что-то в самом деле страшное.

Наконец Кингсли встал и, усилив голос заклинанием, произнёс:

— Коллеги, пожалуйста, успокойтесь. Нам надо выработать план действий, а не просто пошуметь.

Артур покачал головой и поднял руку. Шум понемногу утих, все с интересом смотрели на Артура, ожидая, что он скажет.

— Леди и джентльмены, у меня есть, кхм, компромиссное предложение. Давайте не будем пытаться прямо сейчас решить, виноват ОМОН или нет. Я вижу другую опасность: министерство в панике. Удар нанесён Отделу Тайн, в могуществе которого никто не сомневался, все растеряны и боятся. Для того, чтобы работа всех департаментов — как связанная с расследованием этих ужасных преступлений, так и не связанная — оставалась эффективной, необходимо успокоить людей. Поэтому я предлагаю перестраховаться и всё-таки задержать ОМОН. Если они виноваты, в чём я, как и господин министр, сомневаюсь, это прекратит преступления. Если невиновны — поставит настоящего преступника в тупик, ведь он не сможет и дальше валить всё на них. Возможно, и в этом случае преступления прекратятся. Разумеется, речь не идёт о том, чтобы объявлять ОМОН виновным до окончания расследования, которое, смею надеяться, пойдёт быстрее, если все успокоятся. Но если ОМОН останется на свободе, все только и будут говорить, что о его мнимой вине, и эта версия так укрепитесь в сознании людей, что мы даже неопровержимыми доказательствами не переубедим их. Есть опасность, что мы найдём настоящего преступника, он будет наказан, но все продолжат твердить, будто истинные виновники вышли сухими из воды.

— А вы знаете, я поддержу мистера Уизли, — после небольшой паузы сказал вездесущий Клеменс. Вот уж кому сейчас здесь точно было не место, так это редактору «Пророка», но поди объясни ему это. — Я немного разбираюсь в том, как люди реагируют на разные, ммм, события. То, что говорит мистер Уизли, очень похоже на правду. Кроме того, если ОМОН под подозрением — а, что ни говори, на роль подозреваемых они

просто напрашиваются, — вполне естественно задержать их, разве нет? В конце концов, никому не станет от этого плохо. Если они невиновны, их невиновность будет доказана и добрые имена очищены.

— Только сначала их хорошенько макнут в грязь, — запальчиво возразил Робардс. — Никто иной как вы, мистер Клеменс, вытащите о них всё, что будет хоть чуть-чуть похоже на грязное бельё, и опубликуете в своей газете.

— Предложите что-нибудь получше, — огрызнулся Клеменс. — Если министерство, точнее, лично господин министр продолжит их покрывать, люди станут задавать очень неудобные вопросы. Почему вы так боитесь их задержать, если уверены в их невиновности? Или, может, ваш страх — о том, что при расследовании, если вести его как следует, всплывут некие доказательства вовсе не в пользу вашей версии?

— Я просто понимаю, что отмыть человека значительно сложнее, чем запачкать. И почему-то всегда желающих заняться этим меньше.

— Господа, — вмешался Кингсли, — вы все правы, каждый по-своему. Но мы сейчас действительно в сложной ситуации. Я выслушал вас всех и склонен принять предложение мистера Уизли. Мы задержим ОМОН, но при расследовании будем разрабатывать разные версии, в том числе о том, что их подставляют. Думаю, на допрос под веритасерумом они согласятся, это в их интересах, а значит, их невиновность будет подтверждена довольно быстро. Однако слухи уже поползли, и людей надо успокоить. Есть ещё желающие высказаться по делу? — Последние слова он произнёс с нажимом.

— Давайте мы выделим группу своих людей, которые примут в расследовании активное участие, — подал голос невыразимец. — Распространено мнение об остром соперничестве ОМОНа и Группы противодействия правонарушениям, наши люди могут стать буфером, который не допустит ни злоупотреблений, ни сплетен о них.

— Да, разумеется, выделите, — кивнул министр. — Также нужны представители от аврората, на всякий случай — Контроля и, пожалуй, пара человек от международников. Вдруг это кто-то не из Британии чудит? И под мой личный контроль. Все отчёты — лично мне. Каждый вечер — промежуточный доклад об успехах. Вопросы?

Артур устало вздохнул. Все галдели, пытаясь перекрычать друг друга. Он вспоминал гневную Гермину, которая предупреждала, что добром это не кончится, и мечтал о том, чтобы всё это поскорее закончилось, неважно как, главное — без новых смертей. Чтобы все снова спокойно работали, чтобы не было таких отвратительных неожиданностей, чтобы не приходилось рассматривать каждого встреченного коллегу с мыслью: а не хочет ли он меня убить?

Только вот трёх молодых людей уже не вернуть. А значит, в точности как прежде ничего уже не будет.

— А вы чего не убрались? — мрачно спросил Флинт. — Что, один Малфой здесь умный, да?

— Точно, — кивнул Пьюси. — Все остальные — придурки, которые не захотели оставлять тебя одного. Или ещё кого-нибудь. Ну сам подумай, куда мы разбежимся? Вместе мы — команда, а поодиночке — не пойми что.

Панси смотрела на всё это очень недовольно. Ну, да, поступили как идиоты, один Драко вовремя сориентировался в ситуации, так что теперь? Обязательно надо всех за это пнуть?

— Ты сам тоже мог свалить, — раздражённо сказала она. — Просто взять и свалить. Мы бы ушли за тобой. Но ты же весь такой правильный и законопослушный, ты же не можешь уйти с рабочего места, как же так, что начальство скажет.

Флинт поморщился, но ничего не ответил. Он никогда не отвечал, когда Панси прямо говорила, что думает о его лидерских качествах.

Может, потому она до сих пор его и терпела.

— А толку нам было убираться? — вмешался Блейз. — Чтобы расписаться в том,

что это мы всех убили? Вон, смотри, на Драко всех собак навесили.

— Я считаю, что Драко попал в беду, — сказала Милли. — Помните, этот тип умел прикидываться вампиром, йети и прочей пакостью? Вот, наверное, и Драко он тоже прикинулся.

— И при чём тут... — с сомнением начала Панси. Милли не дала ей договорить:

— Так он всегда изображает кого-то, кто рядом. Понятия не имею, как он это делает, но факт же.

— Не думаю, что дело в этом, — покачал головой Блейз. — Просто у него же цель была — остаться незамеченным. Вот он и маскировался под одного из толпы. А здесь хотел подставить конкретного человека...

— Именно потому, что знал: этого человека здесь нет, — кивнул Адриан. — Правильно мы не ушли.

— Да, я тоже так думаю, — согласился Блейз. — Ушёл бы я — он бы мной прикинулся. А пока все знают, где мы, никого из нас не подставят. Зря он, в общем.

Адриан молча положил руку ему на плечо. Блейз переживал за Драко, это видели все. А кто не переживал-то? Панси тоже места себе не находила.

Жив ли он вообще? Или жертв уже пятеро?

— Ладно, делать что будем? — флегматично поинтересовалась Милли. — Палочек у нас нет. Значков нет. Пропуска отобрали. Спасибо, что в подвале министерства тепло и не дует.

— И что нас не рассовали по одиночкам, — добавила Панси.

Министерские камеры были рассчитаны на довольно большое количество временных заключённых, так что разделить их вполне могли — и, с точки зрения Панси, должны были, если действительно считали виновными. А то глупо как-то получается.

Впрочем, что в этом министерстве делают умно?

— Вроде кормить планируют, — заметил Адриан.

— Кстати, вампиры ведь тоже где-то здесь? — встрепнулся Блейз. — Может, удастся с ними поговорить?

— И что нового они тебе скажут? — Флинт фыркнул. — Они не знают ничего.

— Этот тип работает в министерстве или где-то очень около, — заявила Милли. — Он очень быстро узнал, что Драко улизнул.

— В министерстве, скорее всего, — задумчиво сказал Блейз. — Смотрите, все жертвы — министерские. Что бы их ни объединяло, это в любом случае министерские дела.

— Вот что, — решительно сказал Флинт, — я знаю, что делать. Надо воспользоваться тем, что мы пока что вместе, и устроить мозговой штурм. Сейчас мы просто станем высказывать все предположения подряд, даже самые тупые и заведомо бредовые. Правила: нельзя критиковать высказанное другими, только придумывать своё. Можно поддерживать и развивать чужие идеи. Поехали?

— Ну, я думаю, что все убитые — симпатичные молодые парни, — сказала Панси. — Это может иметь какое-то значение.

— И это зелье, помните? — добавила Милли. — Мартенс пытался ускорить карьеру. Мы знаем о других что-то похожее?

— Мы знаем, что ему грех было жаловаться, — хохотнул Адриан.

— Как и Рэмси, — задумчиво сказал Флинт. — Да и Пруденса вроде повысить обещали, нет?

Все замолчали, глядя друг на друга. Эта тема в ОМОНе была почти что табу. Все они знали, что им-то никакой карьерный рост не светит, придётся гоняться за всякими зубастыми тварями, пока завод не кончится. Где-то там, за стенами, куда им никогда не попасть, кого-то повышали, переводили в другие отделы, объявляли благодарности и выплачивали премии, но их это не касалось. Зависть не была модным чувством среди недавней золотой молодёжи, но сейчас все они подумали именно о ней.

— Мотив? — неуверенно спросила Милли.

— А почему бы и нет, — протянула Панси.

Флинт посмотрел на них.

— Ну что, — сказал он, — переберём по одному неудачников? Начать, пожалуй, стоит с департамента магического правопорядка...

Слово «маньяк» быстро завладело умами. Оно передавалось из уст в уста, все обсуждали: «А вы знаете, что у нас завёлся маньяк?». Мало кто вспоминал, что совсем недавно и слова-то такого большинство ведьм и волшебников не знали. Но раз министр в интервью «Пророку» сказал, что убийца министерских клерков называется именно так, значит, можно сделать вид, что всё это время все так и думали, просто не произносили вслух — случая не представлялось.

Наиболее любопытные интересовались, что же странное слово значит. Листали старые книги, читали леденящие истории и спешили обсудить с соседями, в какое же удивительное время им довелось жить.

Каждая семья, собравшись за чаем, считала своим долгом обговорить произошедшее, поспорить о том, виноват ли Малфой или его подставили, и порассуждать, что же будет дальше.

О таких пересудах в министерстве уже анекдоты рассказывали. Поэтому когда на эту тему заговорил Рон, Гарри едва сдержал истеричный смех.

— Я не знаю, что думать, — признался Рон. — С одной стороны, Малфой вроде не совсем дурак. С другой — три убийства, он мог осмелеть от безнаказанности... Говорят, такое случается.

— Я читала, — сказала Гермиона, накладывая себе салат, — что на самом деле все маньяки мечтают, чтобы их поймали. И иногда специально совершают ошибки.

В этот раз они ради разнообразия ужинали у Гарри. Еду приготовил Кричер, но в его возрасте уже было непросто обслуживать гостей, поэтому Гарри строго запретил ему это. В том, чтобы положить себе на тарелку уже готовую еду, не было ничего сложного, в конце концов.

Кричер, конечно, считал, что его обделили, отстранили и вообще не уважают. Поэтому стол был накрыт белоснежной скатертью, накрахмаленной так, что об неё можно было порезаться, сверкал начищенный до блеска поднос, на котором стояли чайник, сахарница и молочник, сияло столовое серебро. Весь стол словно бы кричал: вы сами, без меня, никогда не смогли бы всё сделать так красиво, так торжественно!

Гарри было немного неловко, но он старался не подавать виду, чтобы не акцентировать на этом внимания. Ну, мало ли, скатерть накрахмаленная, бывает.

Рон и Гермиона вроде бы не замечали нарочитого великолепия — или не подавали виду. По здравом размышлении Гарри скорее был за второй вариант: Гермиона-то ладно, но Рон всегда относился к чему-то похожему на роскошь серьёзно, чтобы не сказать болезненно. Он не мог не заметить.

Всё-таки друзья у него чудесные. Кричер старый, ему не объяснишь, — и они делают вид, что ничего такого в его капризах нет.

— Вы скажете, что я пристрастен, — сказал Гарри, — но я всё-таки не верю. Для Малфоя это как-то... слишком прямо. Да и зачем ему убивать их всех, что они ему сделали?

— Ну, вроде как у них у всех были какие-то дела с Пожирателями... — нерешительно ответил Рон, придвигая салат поближе и берясь за изогнутую серебряную ложку, которую Кричер всегда подавал именно к этой салатнице.

— А лично Малфоя-то они чем насолили? Что ему за дело до каких-то левых Пожирателей?

— Слушай, ну я же не знаю, какие у него с ними дела. Кто-то из них ему родня, с кем-то у его отца общий бизнес. Банально выгоднее, чтобы деловой партнёр был рядом,

да и к дядюшке на день рождения хочется прийти. Может, ещё что-то есть, о чём я не знаю и не могу знать, но по-любому они ему ближе, чем кто-нибудь другой. Они одного круга и всё такое.

— Ну то есть фактов у тебя нет, но уверенность есть, — подытожил Гарри.

— Скорее я считаю имеющиеся улики достаточным основанием, чтобы подозревать, как-то так. Но, конечно, это всё может оказаться и неправдой. Но Отдел Тайн Малфой недолюбливал, вот что я тебе скажу. Вечно говорил, что невыразимцы не умеют работать и вообще непонятно за что зарплату получают.

Гермиона пожала плечами и отложила вилку.

— А я недолюбливаю департамент игр и спорта, считаю, что там всё по-дурацки организовано, может, и меня станем подозревать? Рон, это не повод.

— Сам по себе, конечно, нет. А вместе со всем остальным...

— Я не понимаю, зачем Малфой дизаппарировал, — задумчиво произнесла Гермиона. — Чего он опасался? Что обвинят не по делу? Так если удрать, тем более обвинят. Что расследуя это дело, узнают о чём-то другом, в чём он и правда виноват? Или он действительно... Нет, я не понимаю.

— Никто не понимает, — сказал Гарри. — Толку гадать? Расследовать нужно. Там сейчас целая группа работает, надеюсь, разберутся. Кингсли сказал, что и меня подключит, я очень хочу, если честно.

Это было самонадеянно, и Гарри сам это прекрасно понимал. Что он, недоученный аврор, может сделать такого, что не могут сделать профи? Но у него было одно преимущество, в котором он был уверен: он не хотел любой ценой обвинить ОМОН.

Вообще позиция, которую в таких ситуациях занимало магическое сообщество, очень напоминала Гарри позицию страуса. Не имеет значения, что там случилось на самом деле, давайте сделаем вид, что это не новая, неведомая опасность, а недобитые Пожиратели, добьём их наконец и уверимся, что теперь уж точно всё в порядке. Работает до следующего убийства, полная бесполезность и даже вредоносность такого взгляда неоднократно доказана, но отказываться от него никто не хочет.

И, конечно, этим пользуются те, кому хочется совершать преступления и оставаться незамеченными.

— Я тоже хочу, я уже просила Кингсли. Он сказал, что попробует меня пропихнуть туда. Говорит, очень велико сопротивление, его обвиняют в том, что он активно продвигает своих людей, чтобы они сфабриковали нужное ему решение. Я сказала, что могу под веритасерумом поклясться, что не буду ничего фабриковать, он только рассмеялся. Объяснил, что на самом деле никто так не думает, это просто повод.

— Интересно, какова настоящая причина, — отозвался Гарри. — Не хотят усиления влияния Кингсли или предпочитают не выпускать какую-то информацию из рук? Нет, я определённо добьюсь того, чтобы увидеть все материалы по этим делам. Здесь что-то нечисто.

— Флинт, на выход, — заявил долговязый нюхач, страшно недовольный тем, что его заставили спускаться в камеры. Они все приходили сюда с такими лицами: всё-таки ОМОН — это практически коллеги, и обращаясь с ними как с преступниками, не выходило не испытывать неловкости. — К тебе посетитель.

В первую секунду Маркус подумал, что это может быть идиот Малфой под обороткой. А что, с него станется.

Но это оказалась Кэти.

Комната для свиданий была в конце коридора. Идешь такой по коридору, слева и справа двери камер, доходишь до конца, ожидаешь, что там будет лифт и лестница, — а там комната для свиданий. И узенький коридорчик, который огибает её слева: вот туда надо идти к лифту и лестнице. По дороге, как помнил Маркус, открыв две решётки, одна на замке, вторая на чарах.

Регламент свиданий был довольно жёсткий: никакого прямого контакта, в смысле не прикасаться друг к другу, передавать предметы нельзя, дольше четверти часа находиться в комнате нельзя. Но всё это работало для «чужих», соблюдать правила, когда в роли заключённого — твой коллега, считалось дурным тоном. Маркус всё хотел выяснить, злоупотреблял ли кто-нибудь этим, но поди выясни что-то, когда все обсуждают только свежие сплетни.

В любом случае, Блейз попросил принести пару тёплых пледов — в камерах было холодно — и получил их на следующий же день. Сам Маркус через очередного нюхача-охранника передал родне, что с ним всё в порядке и пусть не волнуются, а то, зная его отца, можно было ожидать теракта с высаживанием стены министерства. Флинт-старший не заморачивался такой ерундой, как оценка последствий своих действий, из-за чего, собственно, его сын теперь и работал там, где работал.

К Панси заходил младший братец, зашуганный пацан, кажется, обалдевший от собственной смелости, и они вволю натискались. Нюхач, типа охранявший свидание, нервничал, но молчал. Маркус иногда думал об этом обо всём и в итоге пришёл к выводу, что каждый из них прикидывает, не может ли выйти так, что в один прекрасный день его закроют так в камере министерства, и от тех, кого он охраняет сейчас, будет зависеть, получит ли он бутылочку сливочного пива от приятелей и сможет ли обнять жену.

Увидев в комнате свиданий Кэти, Маркус решил, что она вспомнила что-то важное, но странная девушка вдруг повисла у него на шее — охранник, всё тот же долговязый нюхач, дёрнулся.

— Маркус! Я должна тебе сказать, я хочу, чтобы ты знал, что я не верю в эти дурацкие обвинения, слышишь? Я знаю, что ты бы никогда не стал убивать ни в чём не повинных людей, и другим бы не позволил. Просто кто-то прикрывается вами, вот и всё!

— Да, я знаю, Кэти, — полузадушенно пролепетал Маркус. Комната для свиданий была маленькой, и стол больно упирался ему в бедро, а отойти было некуда: дальше стоял привинченный к полу стул, а почти сразу за ним — стена.

— Я знаю, что ты знаешь! — Кэти чуть отстранилась и сердито посмотрела на него. — Мне важно сказать тебе, что я тоже так считаю. Представляю, сколько вроде как друзей рады вас обвинить!

Он усмехнулся.

— Каких друзей, Кэти? Мои друзья все сейчас на этом этаже. — Маркус подумал и добавил: — Ну, и одного ещё где-то носит. Надеюсь, с ним всё хорошо.

— Скажи мне, я могу что-то для вас сделать? Конкретное что-то?

Маркус хотел сказать что-то одобряющее, но губы сами шевельнулись, и изо рта вылетели слова, которые он вовсе не хотел выпускать:

— Просто верь в нас, ладно? От того, что ты веришь, у меня на душе легче.

Кэти посмотрела ему в глаза, а потом привстала на цыпочки и поцеловала его. Это было уместно так же, как танцульки у постели умирающего, но внезапно ужасно приятно. Дополнительную радость доставила гримаса отвращения, передёрнувшая лицо долговязого нюхача.

Что он понимает в женщинах и в том, что им нравится! Не обязательно быть красавцем, просто надо соображать.

— Слушай, Кэти, — вволю нацеловавшись, сказал Маркус, — тебе не кажется, что нам пора, ну, двигаться дальше? Например, съездить в отпуск вместе, или попробовать пожить вместе?... Кхм, да, прости, насчёт второго я, конечно, загнул.

— Почему загнул? — она смотрела непонимающе.

— Так я же по факту ночую на работе. Дома был в последний раз месяца три назад. Кэти только головой покачала.

— И эти люди говорят, что спортсмены — фанаты своего дела.

— Я такого никогда не говорил!

— Ладно, ладно, ты не говорил.

— Кэти, Кэти, а к вам на базу никто из министерских не приезжал? Важно, подумай, пожалуйста!

— Ну, пару раз авроры бывали. Автографы просили. Из департамента игр и спорта, понятно, постоянно являются. Одна девушка из катастроф заглядывала, когда на тренировочном поле дождь не кончался. Посмотрела, сказала, что это не её компетенция, вызвала ребят из маггловских артефактов. Они нашли что-то маггловское с незаконно наложенными чарами, забрали, и всё прекратилось.

Маркус вздохнул.

— И это всё за последнее время?

— За те полгода, что я в «Гарпиях».

— Понятно, спасибо.

— Что-то прояснилось?

— Немного. Круг подозреваемых сузился.

Долговязый нюхач смотрел на них с подозрением, но молчал, как и положено. Ничего, ничего, передавай потом своим, парень, я разрешаю.

— Найдите его поскорей, — попросила Кэти.

Маркус уверенно кивнул, излучая надёжность и профессионализм.

— Найдём.

Типа это я глава оперативной группы, ага. И вот лично я обеспечу поимку преступника. Прямо завтра.

Хотя какая разница. Найти в итоге должны мы.

Больше некому.

Блейз нервничал. По ночам снились всякие ужасы с непременно участием Драко — мёртвого, с развороченной грудью и невидящим взглядом пустых глаз. И назойливо бросающейся в глаза, особенной неправильностью была криво обрезанная чёлка, отсечённая наискось боевым заклинанием. Как будто Драко пометили перед тем, как забрать и замучить.

ОМОН проводил часы, перебирая людей, одного за другим, кого-то отсеивая, кого-то занося в список «подозреваемых», как они это пафосно называли. В общем, топтались на месте. Нужны были реальные улики, указывающие хотя бы на место преступления, если не напрямую на личность убийцы. А их не было — или людям Флинта никто о них не рассказывал. И толку снова и снова анализировать те крупинки информации, которые были у них в распоряжении? Пустая трата времени.

Их навещали редко. Авроры, нюхачи, невыразимцы — эти заходили частенько, один раз даже Рональд Уизли явился. А вот обычные посетители...

К Флинту приходила Кэти Белл, за их бурно развивающимся романом все следили с умилением. К Панси разок ненадолго зашёл младший брат, смущённо пожелал удачи и убежал. А самого Блейза регулярно, словно записав визит к нему в расписание (а может, и правда?), навещал Слагхорн.

Они обсуждали всю эту историю, новости завсегдаев Слагклаба, здоровье самого профессора и его друзей... Обычные разговоры, вроде и о чём-то, а вроде и ни о чём. Но время от времени именно он подбрасывал ОМОНу информацию для размышления.

Например, о том, что верёвка, которой был связан Рэмси, взята из Малфой-мэнора, точнее, не из самого мэнора, а из сада при семейном склепе. Такими верёвками, пропитанными специальными чарами, подвязывали молодые деревца.

Или о том, что из отчёта о причинах смерти Мартенса неизвестным было при помощи магии удалено три абзаца.

А ещё — о том, что Фицпатрик Рэмси заказывал одному умельцу на аллее Ноктюрн такое же зелье, ингредиенты для которого покупал Мартенс.

Флинт, посмеиваясь, говорил, что расследованием их проблемы занимается половина магической Британии. Блейз чувствовал примерно то же — и был отчаянно

благодарен Слагхорну.

— Кажется, у нас появились друзья, — с некоторым удивлением говорила Милли, когда он пересказывал ей очередные новости.

Это было необычно. Это было... тревожно. Нет, Блейз, конечно, понимал, что без Слагхорна ничего бы не было, что одолжение делали именно ему, а ради ОМОНа никто бы пальцем не шевельнул. И остальные тоже это понимали. Но приятно всё равно.

На очередном свидании Гораций Слагхорн вёл себя странно. Вообще не упоминал расследование, только рассказывал о здоровье недавно родившей Гвеног Джонс, о свежих сплетнях, которых обсуждали на последней встрече клуба, об удивительном лакомстве, привезённом Слагхорну из Бразилии... На прощание он протянул Блейзу руку, и вдруг тот почувствовал, как в ладонь тыкается записка.

Не выдать ничем свои чувства было непросто, но Блейз справился. Вежливо улыбнулся, пожал пухлую руку, перехватил скомканную бумажку. В голове суматошно метались мысли. Раньше Слагхорн говорил прямо, не скрываясь, а тут вдруг боится бровью повести, что изменилось? Может, этот нюхач как-то связан с убийцей? Может, это он — убийца?

Или комнату для свиданий стали прослушивать? Или давно прослушивать, но Слагхорн только об этом узнал?

Время текло медленно, как капли смолы. На этой работе Блейз привык действовать быстро, в моменты опасности срываясь на бег, а здесь надо было вести себя, как будто ничего не происходит, неспешно попрощаться, пойти за нюхачом, не трогать записку, даже не трогать, чтобы со стороны не были заметны странные движения кисти, просто идти обратно, к своим.

А что дальше? Можно ли это открыто обсуждать? Что вообще происходит, Моргана его раздери?

Когда за Блейзом, тяжело грюкнув, закрылась дверь камеры, он молча сел на свою кровать и протянул Флинту записку.

Все разом встрепнулись. Подсели ближе — молча, напряжённо глядя кто на Блейза, кто на Маркуса. Командир развернул записку, и Блейз чётко понял: там что-то невероятно важное. У Флинта заходили желваки и как-то резко заострились скулы, как бывало, когда он собирался лезть в драку.

Он поднял бумажку и, ни слова ни говоря, показал всем.

Толстые круглые буквы — почерк Слагхорна — складывались в слова: «Доклендс, Кэнэри-Уорф, склад «Дорис и Клэмп», третья дверь слева».

Гермиона сердито гремела посудой. Заклинание, которым пользовалась Молли, ей пока не давалось, что приводило её в ярость, поэтому обычно посуду мыли Рон и Гарри. Почему на сей раз она решила сделать это сама, Рон не спрашивал.

— Знаете, если Малфой действительно маньяк, я переверну министерство с ног на голову, но заставлю отказаться наконец от этой дурацкой практики с ОМОНОм.

— Он не маньяк, — уверенно сказал Рон, заклинанием очищая стол от крошек.

Гарри и Гермиона синхронно обернулись к нему.

— Но ты же сам говорил... — начала Гермиона.

Рон пожал плечами.

— А теперь говорю, что он не маньяк. Я разговаривал с ними.

— С ними? — переспросил Гарри.

— Ну, с ОМОНОм.

— И они тебя не поколотили? — недоверчиво поинтересовалась Гермиона.

— Ну, они пытались. Но я же не стал им говорить, что подозреваю его. Я сказал, что его невиновность надо, к сожалению, доказывать, и не будут ли они так любезны предоставить мне доказательства, ну хоть полдюжины. Так что мы поговорили.

— И что ты выяснил? — спросила Гермиона.

— Ну... Понимаете, маньяк, он как получается. Сначала человек оказывается в ситуации, когда всё плохо, невыносимо плохо, а он ничего не может сделать. Вот комната, и из неё нет выхода, вообще, цельнолитые стены без окон и дверей, а выйти из комнаты надо ну позарез. И вот человек колотится в эти стены, ощупывает их, и пол, и потолок, а выхода нет, нет, нет, всё равно нет, понимаете? И в какой-то момент у него башка не выдерживает просто. И там заводится глюк, как будто бы выход есть, вот здесь дверь, вот она, светится, и он открывает её и выходит. То есть у него в голове это невыносимое напряжение разрывается, как натянутая струна, когда ему кажется, что он нашёл выход. Что всё можно изменить, если убивать горбоносых блондинок. Или мужчин в клетчатых штанах, выгуливающих собак. Или что виноват вот тот человек, его нужно обязательно задушить, и всё станет хорошо. Ну или надо непременно собирать вкладыши от шоколадных лягушек, но такой маньяк не наш клиент, пусть собирает на здоровье. То есть понимаете, о чём я? Надо, чтобы было напряжение, чтобы оно было невыносимым и чтобы разумного решения не было или оно было недоступно. Типа вот как у Малфоя было: находиться рядом с Вы-Знаете-Кем невозможно, свалить от него тоже. Дальше так продолжаться не может, но и изменить ничего он не в состоянии. Вот тогда да, он мог свихнуться совершенно в любую сторону. Но не свихнулся, вот в чём дело. А теперь в его жизни всё лучше, проще, он больше владеет ситуацией. Напряжение спало, его больше не засовывают насильно в комнаты без окон и дверей. Не с чего ему. Не он это.

— Интересно, — сказала Гермiona, вытирая руки полотенцем и присаживаясь на диван рядом с Роном. — Очень интересно.

— Я почему думал, что это он: я неправильно видел всё. Пытался представить себя на его месте, и у меня получалось как-то так: я был богатеньким наследничком, перед которым открыты все двери, любое будущее, какое только захочу. А потом мой отец, не я даже, наворотил дел, и теперь вместо будущего у меня глухая стена до неба, и кроме как в ОМОН меня никуда не берут, а я, между прочим, боюсь умирать, и боли тоже боюсь, и от вида крови меня мутит. Я, может, жил мечтой, что всё это закончится и я пойду в кабинетной тиши бумажки перебирать. А потом я поговорил с ними и понял, что всё не так.

Рон вдруг весело рассмеялся. Было очень легко, как будто с его плеч свалился тяжёлый груз.

— Я слишком много думал о себе, вот что. Это для меня важно, что мало денег, что карьера не сложится... Он другой. Он всегда думал о другом. Для него проблемы с деньгами не были важными никогда, потому что он не понимает, что это такое. Ему в голову не приходило думать о таких пустяках. Зато у него был Волдеморт. И это было... — Рон сделал неопределённый жест. — Он был уверен, что умрёт, понимаете? Что они все умрут, и его родители, и друзья, все. Что выхода нет. А потом вдруг бац — и выход нашёлся, сам, и он даже не в Азкабана внезапно, и у родителей всё хорошо. Ну подумаешь, оборотни с вампирами, да я вас умоляю, зато не надо авадить рыдающих пятилетних детей и круциатить беременных женщин. Ну, я утрирую, но вы понимаете, у него в голове это всё тоже утрировано, его страдания же всегда выше горы. Его не посадили в комнату без дверей, его оттуда вынули. У него теперь есть будущее, и рядом друзья, а родителям ничего не грозит. Это намного больше, чем то, что было у него раньше. Ну да, он всё так же боится боли, но раньше его круциатили три раза в неделю, а тут всего лишь больно хватают за задницу.

— Рон, где ты всего этого набрался? — обалдело спросил Гарри.

— Ну, я... — Рон смутился, посмотрел на Гермionу. — Я к Грейнджерам ездил на выходных. А у них этот... Интернет, вот. Они мне рассказывали про него, и я подумал... В общем, я сел и написал: «откуда берутся маньяки?» И мне выкинуло кучу этих, как их, ссылок. Там были толстые книжки, я не осилил, конечно, но были ещё покороче штуки, лекции для студентов. Ну, я и почитал... Кое-что понял. А потом поговорил с ОМОНОм, и в голове всё совсем на место встало.

Гермиона решительно придвинулась поближе и обняла его.

— Я же говорила, что у тебя всё получится, — сказала она ему в макушку. — Я говорила, что ты умный и сможешь.

— Подождите, — озадаченно произнёс Гарри, — но где тогда Малфой? Если его устраивает эта работа, если у него всё по большому счёту хорошо, куда он делся?

Рон мягко высвободился из объятий Гермионы и серьёзно сказал:

— Я думаю, он ищет маньяка. Он единственный из команды — настоящий Пожиратель. Он убивал раньше, чем они, и наверняка считает себя крутым боевиком по сравнению с ними, опытным как все трое Лестрейнджей вместе взятые, это же Малфой. При этом он маньяка боится, потому что это же Малфой, он трусоват. И считает, что раз маньяк опасен для него, такого крутого, то уж для остальных и подавно. А он такой весь умудрённый опытом и вообще староста, значит, ему и разбираться. Вот ты, Гарри, мог бы оказаться на его месте.

— А не слишком ли ты, гм, смелого человека себе представляешь, Рон? — с сомнением произнесла Гермиона. — Малфой, помнится, от особой отваги выше всех на деревьях взлетает, как только видит оборотня.

— Так если он найдёт маньяка, тоже первым делом на дерево влезет. И оттуда, прячась между ветвями, пошлёт в него что-нибудь смертоносное. Но... Гермиона, он слишком привык, что каждый день надо вставать и делать что-то такое, чего он страшно боится. Для него это уже не проблема. Он привык. К тому же неведомый маньяк — не самое страшное, что с ним случалось.

— Да уж, — кивнул Гарри, — самым страшным был вполне себе известный маньяк.

Гермиона явно хотела что-то сказать, но уже открыв рот, передумала, посмотрела на Рона беспомощно и сказала совсем другое:

— Как ты думаешь, он выкрутится?

Рон уже почти сказал «Да», но посмотрел в её глаза, вспомнил холодный, злой прищур Буллстроуд, вспомнил Забини, нервно вертящего в пальцах чью-то оторванную пуговицу, сосредоточенного Флинта — и ответил правду:

— Я не знаю. Надеюсь, выкрутится.

Кингсли сидел во главе стола и очень старался дышать глубоко и спокойно. Ему хотелось убивать, но именно это сейчас нельзя было делать.

Он срочно созвал эту треклятую группу, которая из всех сил делала вид, будто занимается расследованием. Надо было просто остановить это, а хотелось уволить всех к Мерлиновой бабушке, разогнать всё министерство, набрать, к примеру, одних магглорожденных, у которых нет семейных интересов и связей, уходящих в глубь веков, или вообще позвать магглов, как в древности звали править вождей соседних, более успешных племён.

А ведь придётся уволить. Не всех, к сожалению, но многих. И начнутся разговоры о том, что министр не в состоянии обеспечить эффективную работу министерства, потому что собственные политические амбиции для него важнее нужд волшебников. И не объяснишь, что те, кто окопался в здешних кабинетах, о нуждах волшебников и не задумывались никогда.

Кингсли вздохнул и сказал:

— Леди и джентльмены, простите, что заставил вас прийти сюда в нерабочее время, оторвал от семей и отдыха. Однако есть информация, которую вы должны знать. Мистер Сэвидж, представляющий в нашей группе, как вы помните, аврорат, и коллеги из Отдела Тайн нашли нечто, что, возможно, прольёт свет на происходящее. Мистер Сэвидж, сначала слово вам.

По поводу света, который может быть куда-то там пролит, у Кингсли не было никаких сомнений. Но выслушать эту чушь ещё раз следовало: возможно, удастся

отследить источник.

Сэвидж поднялся и, оглядев всех присутствующих взором «Я-сейчас-вам-всё-объясню», приступил к рассказу. Кое-кто зевал, Гарри Поттер, прикрывшись рукой, торопливо что-то доедал, невыразимцы шептались, почти не разжимая губ. За дверью маячил Рон Уизли — дожидался друзей. Видимо, они проводили время вместе, когда прошёл вызов от министра.

— Мы обнаружили связь между всеми убитыми! — радостно провозгласил Сэвидж. — И практически можем утверждать, что все они так или иначе пытались не допустить, чтобы ОМОН злоупотреблял своими полномочиями. Иными словами, деятельность всех убитых ОМОНу мешала.

— Вы хотите сказать, что нашли мотив? — уточнила Марджери Бенч из Контроля, дама занудная и оттого эффективная: занимаясь каким-либо вопросом, она не пропускала ни одной мелочи.

— Именно, — пафосно провозгласил Сэвидж. — Я сейчас вам всё расскажу. Как вы знаете, Эктор Пруденс работал в департаменте международного взаимодействия, занимался вопросами экстрадиции Пожирателей. Однако помимо этого у него была ещё одна сфера интересов. Он собирал информацию о том, почему в цивилизованном обществе недопустимо иметь такой орган, каким является ОМОН, с таким странным набором полномочий, о потенциальной опасности, заключённой в нём, и о том, как она может превратиться в реальную. Мистер Пруденс был уверен, что ОМОН следует распустить, поскольку он может — и скорее всего, рано или поздно будет — служить дурным целям. Мистер Мартенс, как вы все помните, работал в департаменте магических игр и спорта. Именно его коллегу и довольно близкого друга, Эдвина Брауна, около двух месяцев назад ОМОН ошибочно обвинил в том, что якобы он разводил эрклингов. Впоследствии было доказано, что мистер Браун здесь ни при чём, однако он успел провести трое суток в тюрьме министерства. После этого, если вы помните, ряд клерков из департамента магических игр и спорта подписали обращение к министру с просьбой урезать полномочия ОМОНа, связанные с задержанием людей. Вскоре под обращением появились и подписи сотрудников других департаментов, и господин министр, — Сэвидж кивнул в сторону Кингсли, — был вынужден его удовлетворить. Так вот: подпись мистера Мартенса на этом документе стоит одной из первых. А одной из последних — подпись мистера Рэмси. Таким образом, мы можем говорить о том, что все убитые так или иначе — думаю, это можно сформулировать и так — ущемляли права ОМОНа либо пытались их ущемить. Что же касается последней жертвы, думаю, об этом лучше расскажут коллеги мистера Дженкинса.

Сэвидж сел, а один из невыразимцев поднялся. Кингсли заставил себя сфокусировать взгляд на его лице. Ага, Смоллстон.

— Уолтер Дженкинс был в группе, расследовавшей смерть Мартенса, — заговорил невыразимец. — И он подозревал именно ОМОН. Собственно, мне больше нечего добавить.

Не успел он опуститься на место, как вскочил Гавейн Робардс.

— Простите, джентльмены, но вы уверены, что все эти факты могли быть известны ОМОНу? Особенно про Дженкинса, кто там знает, кто в Отделе Тайн какую версию поддерживает?

— Но мы же узнали, — возразил Сэвидж, на сей раз не поднимаясь с места. — Видите ли, сэр, вы выше всего этого, конечно, но министерство живёт слухами и сплетнями. Каждый день мы разговариваем, делимся новостями, сомнениями, обсуждаем всё подряд. Знаете, от кого я узнал, что у заместителя главы департамента погодных трансформаций свадьба? От мистера Перкинса, заместителя мистера Уизли. А ему рассказал коллега из отдела международных сношений. Список подписантов под тем обращением ходил по рукам даже в отделе сочинения объяснений для магглов. Мистер Пруденс обсуждал своё отношение к ОМОНу с клерками из Контроля, спросите мисс

Бенч, она подтвердит, а они, в свою очередь, беседовали на эту тему, кажется, со всеми желающими. Окольными путями всё это могло дойти до ОМОНа...

— И он начал бы убивать всех, кому не нравится? — спросил Кингсли. — Джентльмены, вы в своём уме? Даже Волдеморту для убийств понадобились причины посерьёзнее.

— Но простите, сэр, — возразил Сэвидж, — мы говорим о маньяке, его поведение не подчиняется законам рациональности.

— Я прошу прощения, — Гарри Поттер поднялся, поправляя очки, — но под тем обращением была пара десятков подписей, почему именно эти двое стали жертвами?

— До кого успели дотянуться, — пожал плечами Сэвидж. — Или, может, маньяку их форма носа не понравилась, или в коридоре толкнули и потому в списке жертв встали первыми. Откуда мы знаем, скольких ещё он собирается убить?

— Хорошо, допустим, — устало сказал Кингсли. — Мне ваши аргументы не кажутся убедительными, но давайте примем их как одну из версий. И что дальше? Где нам искать предполагаемого маньяка и Дженкинса — либо его тело? Вы пришли к каким-то выводам на этот счёт?

Или просто обрадовались, что наконец-то притянули за уши сомнительный мотив, хотел он добавить, но сдержался. Робардс посмотрел на него вопросительно; он чуть заметно прикрыл глаза.

— Пока нет, — поник Сэвидж, — но мы ищем.

— И мы, — подал голос невыразимец.

— И мы, — мрачно сказала Роузфлип, старший специалист Группы обеспечения магического правопорядка. — Мы уже половину Британии перевернули.

«Магической Британии», — подумал Кингсли, но вместо высказывания претензии сказал:

— Ищите. На этом всё? Отлично, всем хорошего вечера. Мистер Поттер, зайдите ко мне, вы забыли в моём кабинете перчатки в обед.

— Господин министр! — подскочил Робардс. — Так что там с моим прошением?

— Да, да, я подписал, если хотите, можете забрать прямо сейчас, — Кингсли поднялся и, не дожидаясь, пока все разойдутся, направился к себе. — Извините, — сказал попытавшейся остановить его мисс Роузфлип, — у меня чудовищно болит голова, я должен немедленно выпить зелье.

Растерянный Гарри зашёл в кабинет министра на три секунды раньше, чем туда же просочился Робардс. Кингсли видел, что в коридоре топчутся Рон и Гермиона.

— Прости, Кингсли, но мои перчатки со мной, — сказал Гарри.

— Позови их сюда.

— Перчатки? — тупо переспросил Гарри.

— Друзей своих. Да побыстрее! У нас мало времени.

— Сэр, вы уверены, что это дело для необученной молодёжи? — нахмурился Робардс.

— Уверен. Мне нужен герой, Гавейн. Его сияние поможет мне не слететь с поста. Гарри, ну скорее же!

Когда все трое зашли в кабинет, выражения их лиц были совершенно разные. Грейнджер собралась, готовая слушать и, если надо, возражать. Поттер просто непонимающе хлопал глазами, ожидая хоть какой-то информации, которую он мог бы обработать, чтобы прийти к конкретным выводам. Уизли перехватил палочку поудобнее и покосился на камин, проверяя, достаточно ли летучего пороха в мешочке.

— Позвольте мне кратко ввести вас в курс дела, — сказал Кингсли. — Присядьте, пожалуйста. Вы, должно быть, не хуже нас знаете, что министерство магии — это сборище идиотов, которые не умеют работать, а только мечтают, чтобы все проблемы рассосались сами, без их участия. Какое-то время я надеялся, что если пинать следственную группу достаточно часто, она заработает, но я ошибался. Они уже

назначили для себя виновных и ничего не хотят слышать. — Ему в плечо ткнулась служебка, он, продолжая говорить, развернул её и удивился, насколько своевременны бывают некоторые вещи. Его хочет видеть Маркус Флинт, это срочно. Отлично. — Я же, напротив, уверен, что их вины в происходящем нет. И сейчас мне нужна ваша помощь. — Кингсли чуть прищурясь оглядел всех присутствующих. — Победителей не судят. Я хочу, чтобы вы помогли нам победить.

— Нам? — переспросила Гермиона.

— Расследование на самом деле ведётся, этим занимаемся мы с Гавейном и... несколько заинтересованных людей отдельно от нас, в основном из круга влияния Горация Слагхорна. Насколько я понял, он не может себе простить, что однажды принял решение отсидеться за спинами молодёжи. Сам Гораций со мной не общается, не доверяет, как я понял. Здесь никто друг другу не доверяет, не знаю, когда это кончится уже наконец. Но тем не менее нам стало известно, что убийца перед тем, как совершить убийства, совершенно точно контактировал с каждой жертвой. Как минимум прикасался. Тела были неоднократно обследованы, в том числе я лично дал разрешение, м-м, экспертам Горация осмотреть их. И вот эти самые эксперты говорят, что к жертвам применяли множество чар, в основном пытая их, и пару зелий, одно из которых настаивается пару недель. В его состав входит образец тканей жертвы.

— Малфою чёлку обрезало! — встрепнулся Гарри.

— Понимаю направление твоей мысли, но нет, слишком мало времени прошло. В общем, мы с Гавейном общими усилиями составили список подозреваемых... Там восемнадцать человек, много, конечно, но лучше, чем всё министерство. Мы думали, что получится найти настоящего убийцу и выпустить ОМОН с триумфом, мол, вот люди невинно пострадали. Но вы сами видели, что делается. Их просто хотят обвинить поскорее, да и всё. До меня дошли слухи, что в недрах нашей так называемой группы работают над тем, чтобы обосновать, что остальные ОМОНовцы были сообщниками Малфоя и помогали ему совершать убийства. И, боюсь, по старой доброй традиции нашего министерства, прислушиваться к здравому смыслу никто не станет.

— И что ты хочешь сделать? — спросил Гарри.

— Перепрятать их, — решительно ответил Кингсли. — И как можно скорее перетрясти всех восемнадцать подозреваемых. Мне понадобится помощь.

— Какая? — поинтересовалась Гермиона.

— Допросить их. Кому-то подлить веритасерум, кого-то заболтать. Мне плевать, что веритасерум не будет оформлен протокольно, мне надо сначала предъявить убийцу, доказать, что это он. Всё остальное приложится.

Гермиона коротко кивнула. Рон задумался: явно прикидывал, как можно разговорить кого-нибудь за обедом.

— Сейчас мне охранники передали, что Флинт срочно хочет поговорить; я выясню, чего он хочет, и заберу их оттуда.

— Мы выясним, — сказал Рон. — В смысле пошли вместе, мало ли.

Кингсли кивнул. Он знал, что Золотое Трио не надо будет уговаривать поучаствовать в такого рода приключениях. Вот Робардса ему пришлось убеждать. Зато теперь, уже, с его точки зрения, шагнув в пропасть, глава аврората легко нарушал правила, по чистой случайности оставшиеся не нарушенными.

— У меня есть домик за городом, — сказал Робардс, — можно их там спрятать. Он на *Фиделиусе*, туда так просто не зайдёшь.

— Кто хранитель?

— Моя жена.

Кингсли кивнул. Миссис Робардс была предана мужу и ничего бы не сделала, не посоветовавшись с ним.

— Пойдём, — сказал Кингсли и вышел из кабинета.

ОМОН встретил его у дверей камеры. Ребята были взбудоражены и злы.

— У нас есть место! — выкрикнул Флинт, только увидев Кингсли. — Мы знаем где, пустите нас туда!

Кажется, он сам удивился тому, что сказал. Ясно же, что заключённых, обвиняемых в тяжких преступлениях, никто не отправит на задержание. Но привычки силовиков так въедаются в плоть и кровь, что порой оговариваешься даже после нескольких лет пенсии. Так говорили все старые авроры, и Кингсли им верил.

— Место? Откуда?

— Слагхорн передал, — сказал Блейз; за его спиной Флинт потряс клочком пергамента. — Я не спросил, откуда у него, он явно не хотел говорить. Пожалуйста, сэр, там же Драко наверняка. Его же убьют.

На секунду Кингсли застыл, потом медленно развернулся к стоящим у него за спиной людям.

— Мы не имеем право отправлять на такие операции авроров без значка, — предостерёг его Гавейн.

— А у нас больше никого нет. Гарри, Рон, Гермиона, пойдёте с нами?

В ответе он не сомневался, и они не подвели. Три пары глаз загорелись, и три голоса нестройным хором ответили: «Да».

Как там это называется у магглов, «адреналиновые наркоманы»?

Смогут ли они когда-нибудь стать другими?

— Гавейн, ты же с нами?

— Конечно, — буркнул Робардс.

— Что касается вас, дорогие мои, — Кингсли развернулся к ОМОНу, — вас устроят только палочки, без экипировки? Боюсь, не имею возможности вам её достать.

— Устроят, — ответил за всех Флинт.

— Тогда держите, — Кингсли достал из глубокого кармана мантии пучок палочек, перехваченных резинкой, и протянул Флинту.

— А как же их магический контракт? — спросила Гермиона. — Они ведь не могут нарушить...

— Нарушить что? Вам было приказано не оставлять эту камеру?

Флинт осклабился.

— Нет, у нас же не было возможности.

— Вот и прекрасно. А теперь я, министр магии, в рамках своих полномочий отдаю вам приказ, который заодно, на всякий случай, отменяет предыдущие. Сейчас мы, все вместе, отправляемся по тому адресу, который вам дал профессор Слагхорн, и выясняем, что там находится. Задание ясно?

— Так точно, сэр, — хищно рявкнули пять голосов.

— Вот и отлично. Флинт, адрес!

— Доки, сэр. Кэнэри-Уорф, там есть некий склад «Дорис и Клэмп».

— Понятия не имею, где это.

— Я знаю! — воскликнул Гавейн. — Сейчас сделаю порт-ключ, две минуты.

Он огляделся, схватил с железной кровати плед, торопливо замахал над ним палочкой. Умно, за такую большую вещь смогут ухватиться все.

— Хорошо быть главой департамента, — пробормотала себе под нос Буллстроуд.

— Это точно, — кивнул Кингсли. — Лепи себе порт-ключи без дополнительных разрешений. Все готовы? Отправляемся.

Взявшись за мягкую ткань, Кингсли ещё успел услышать лязг открывающейся двери и увидеть изумлённое лицо охранника.

Склад они увидели сразу. Явно магическое здание: вокруг всё было густо уставлено небоскрёбами, а между ними, совершенно несуразный, торчал деревянный домишко, даже скорее сарай. С одной стороны окна были крест-накрест заколочены досками, с другой их и вовсе не имелось — глухая стена. Видимо, раньше к ней вплотную

прилегал ещё один дом.

Вокруг сарая чуть заметно мерцали магглоотталкивающие и заглушающие чары.

— Скорее всего, там и сигналка тоже есть, — задумчиво сказал Робардс. — Незамеченными не подберёмся. Ну и ладно.

— А если он убьёт Малфоя? — спросил Гарри.

В детстве ему нечасто удавалось мирно посмотреть телевизор, но он всё же помнил множество фильмов, в которых преступник приставлял нож к горлу жертвы и заставлял полицию отступить.

— Знаешь, — мрачно ответил Флинт, — он его и так убьёт, если ещё не.

— Я думал, мы пытаемся его спасти, — резко возразил Гарри.

— Пытаемся. Если выйдет. Там же, наверное, ещё этот... из Отдела Тайн.

Гарри было открыл рот, но потом закрыл его и внимательно посмотрел на Флинта. Он всё это время думал, что командир ОМОНа мало изменился с тех пор, как был капитаном квиддичной команды: самое главное — победа, своих людей отстаивать до последнего, не считаясь с потерями среди посторонних. Но сейчас он явно ставил безопасность постороннего выше безопасности своего человека, и это... пугало.

Возможно, потому, что Гарри шёл сюда именно спасать Малфоя, а о Дженкинсе и не вспомнил.

— Я вам напомню, мистер Флинт, — сказал Робардс, — что Отдел Тайн — вполне себе силовое подразделение. Думаю, мистер Дженкинс в состоянии позаботиться о себе ничуть не в меньшей степени, чем мистер Малфой. Если не в большей.

Флинт не ответил ничего, но Гарри отчётливо прочёл ответ на его лице: «Чушь собачья, сэр, и я не говорю вам об этом исключительно из вежливости».

— Мы вроде бы все волшебники, — раздражённо сказал Кингсли, — зарядить парализующим в преступника — и ничего он Малфоя не сделает. Пошли.

Они решительно двинулись вперёд, хлипкая деревянная дверь вылетела от одного движения палочки Робардса, и...

Несколько мгновений Гарри ничего не видел, оглушённый непонятным звуком. Потом тьма рассеялась, и перед его глазами предстало большое, явно расширенное чарами, пространство склада. Возле дверей стоял грубо сколоченный деревянный стол, то тут, то там можно было наткнуться на табурет или поставленную набок полку.

Прямо перед ними, на противоположной стене, хорошо закреплённый ремнями, верёвками и даже каким-то шпагатом, который очень явно врезался в его бледную кожу, висел Малфой. Поза знакомая: руки подняты вверх. Малфой был так бледен, что в первую секунду Гарри подумал, что он мёртв, но потом увидел, что его грудь двигается. Рубашки на нём не было, грудь была залепана кровью, но Малфой совершенно точно дышал. Что глаза у него закрыты, в конце концов, ничего не значит. Отдыхает человек.

Гарри вспомнил результаты обследования трупов, и ему стало нехорошо. Всех убитых перед смертью долго и разнообразно пытали.

Мысли в голове ворочались непривычно медленно, и потому понимание того, что ни Гарри, ни его спутники не могут двинуться с места, пришло не сразу.

А ещё — что между Малфоем и ними стоит человек.

— Как хорошо, что вы зашли ко мне в гости! — почти пропел сладким голосом седовласый старик, на лице которого сияла счастливая улыбка. — Я так и знал, что это сработает, Гораций заподозрит неладное и передаст вам адрес. Большое ему спасибо за помощь! Думаю, надо написать и поблагодарить, да-да, он должен знать, как я ему благодарен. Проходите, располагайтесь... Ах, простите, вы не можете двигаться, я совсем забыл. Не переживайте, это ненадолго, Страж Анубиса сковывает не более чем на четверть часа. Очень, очень жаль, что придётся поторопиться, я люблю растягивать удовольствие.

— Перкинс! — выдохнул Кингсли почти над самым ухом Гарри. — Как же я не...

— Да никто бы не догадался, — буркнул Робардс.

— Ну конечно, — громко и насмешливо произнесла Буллстроуд. — Неудачник, как мы и думали. Всю жизнь на одной дурацкой должности без единого шанса на повышение. Знаешь, старик, ты можешь перерезать хоть сотню людей, но это не принесёт тебе ни капли удачи, потому что ты ничтожество. Потому и не повышают.

Заместитель Артура посмотрел на неё, и Гарри вмиг поверил, что перед ним стоит маньяк. В его глазах зажглась ярость, казалось, он убьёт Миллисент прямо сейчас. Но вспышка погасла довольно быстро, и старик снова благостно улыбнулся.

— Невоспитанная молодёжь только и может, что сыпать оскорблениями. Перед смертью это происходит со всеми вами. Тебе не удастся меня разозлить: чем больше ты дерзишь, тем больше напоминаешь мне, что скоро умрёшь. Вы все скоро умрёте, — его голос дрожал от наслаждения, — и больше никто из вас не посмеет смотреть на меня пренебрежительно.

— Страж Анубиса, — пробормотал Робардс, — Мерлин раздери, я не знаю, как его нейтрализовать!

— Никак, мой сладкий, никак, — моментально ответил Перкинс. — От этого артефакта нет защиты, представляешь, какая беда! Вам придётся постоять здесь немного и поработать декорациями для моего спектакля.

Малфой зашевелился, грудь дёрнулась чуть резче.

— Там в подвале Дженкинс, — сказал хрипло.

— Ты бы помолчал, дружок, — всё так же ласково произнёс Перкинс, — поберёг силы.

Гарри видел, как дёрнулся кадык у стоявшего рядом Рона. Похоже, он думал о том же: что Малфой сорвал голос, пока они там ломали голову, где же искать его похитителя, и похитили ли его вообще.

— Вы, молодёжь, скучные, — продолжал Перкинс, — вам просто страшно, и всё. Вы не хотите умирать, и это единственная мысль, которая занимает ваши мысли. Это надоедает. Я хочу от вас большего, страсти, сопротивления, попыток вырваться, сделать что-нибудь, а не просто висеть и бояться.

— Я силы берегу, — насмешливо ответил Малфой.

Рон бросил на Гарри удивлённый и обеспокоенный взгляд. Гарри прищурился, пытаясь в полутьме получше рассмотреть лицо Малфоя. Это точно он вообще? Почему так реагирует? Гарри помнил свои сны, и бледного Драко, которого Волдеморт пытался научить непростительным, и как он обмирал от страха, заикался и выглядел жалко.

— Ты просто хамишь, — мягко парировал Перкинс. — Если тебе кажется, что это маскирует твой страх, то ты ошибаешься. Но я знаю, как тебя расшевелить, дружок. Именно для этого я пригласил сюда твоих друзей.

Он усмехнулся и поднял палочку, и Гарри услышал, как тихо застонал Кингсли. Как они могли так попасться, просто угодить в ловушку?! Теперь стоят здесь, неподвижные, и никак не могут помочь ни Малфой, ни запертому в подвале Дженкинсу, ни самим себе.

Их так и перебьют по одному?

У Драко запали глаза, заострились черты лица. Гарри невпопад подумалось, что сейчас он похож на того одиннадцатилетнего мальчишку, который когда-то показался ему болезненным. Потом он понял, почему: осунувшийся Драко казался сильно моложе своих лет.

Возле его правой руки, буквально в нескольких сантиметрах, на стене была закреплена его волшебная палочка. Совсем рядом, но никак не достать. Правое запястье в крови: видимо, он старался тянуться, старался изо всех сил. Однако Перкинс всё хорошо рассчитал.

Гарри видел, как Рон раз за разом пытается сдвинуться с места. Как Гермиона хмурится и шевелит губами, вспоминая или пытаясь придумать заклинание, способное помочь. Как стоит Флинт, прямой как палка, будто бы даже расслабленный, и смотрит

Перкинсу прямо в глаза.

— Ты умрёшь первым, — сказал Перкинс, и улыбка сползла с его лица.

Драко всегда знал о себе, что боится боли. Это было так же верно, как то, что у него светлые волосы и он ненавидит цветную капусту.

Оказалось, с недавних пор он пересмотрел само понятие боли. После круциатусов воспринимать мучительным, что в тебя тыкают ножом, не получалось. И это было хорошо.

Перкинс не просто хотел уничтожить тех, кто считал его неудачником или оказался не в пример более успешен. Ему нужно было получить удовольствие, иначе убийство не имело смысла. Драко очень быстро понял: пока он не доставляет своему мучителю удовольствия, он будет жить. А пока он жив, Дженкинса Перкинс не тронет.

Второе, конечно, было менее важно, чем первое. Но, как внезапно выяснилось, мысль, что из-за него кто-то умрёт, для Драко была невыносима.

Он вообще многое узнал о себе, пока висел на этой стене. Например, что бессилие мучает его намного больше боли — а значит, надо верить в то, что он не бессилен. Разыгрывать перед Перкинсом представление — это не к нему, это всякие герои типа Поттера могут. Он, Малфой, не умеет скрывать ни страх, ни боль, значит, надо верить, от всей души верить. Ты же тёмный маг, Драко, тёмная магия — это управление эмоциями: захотеть чьей-нибудь смерти, захотеть подчинить кого-то своей воле, искренне, больше всего на свете и прямо сейчас. Ты можешь.

Перкинс злился, и это было лучшей наградой. Ему нужен был осознанный, выстраданный страх, понимание жертвой того, что с ней происходит, — и Драко загонял свои чувства на нижний, животный уровень. Смерти бояться все, даже дождевые черви, в этом нет никакого осознания, страшно и всё. Не думать об этом, не ждать ничего, просто знать, что сейчас ему в лицо дышит смерть, а значит, страшно. И помнить, что его обязательно придут спасать. Успеют ли — неизвестно, но обязательно придут. Это помогало не чувствовать себя бессильным. Какое там, за ним уже идут, прямо сейчас, рыщут, вынюхивая его следы, и вот-вот дверь распахнётся...

На Стража Анубиса Драко не рассчитывал. Это был настоящий удар, и только то, что Перкинс был занят разговором с «гостями», помешало ему ощутить триумф от победы, ведь он не мог бы не заметить, что чувствует его пленник.

Сейчас бессилие обрушилось на Драко каменной грядой.

Кажется, Перкинс знал о нём очень многое, намного больше, чем Драко позволил бы кому-нибудь знать. По крайней мере, выбрал он безошибочно. Обмирая от предвкушения, произнёс:

— Ты умрёшь первым, — и наставил палочку на Блейза.

У него была отвратительная палочка, короткая, тёмная, заклинания из неё выстреливали плотными пучками. Драко успел возненавидеть эту палочку. И когда он увидел, на кого она показывает, его ненависть стала ещё больше.

Блейз смотрел прямо на него, не отрываясь, он даже на миг не перевёл взгляд на Перкинса. Казалось, будто он пытается сказать что-то очень важное, и Драко очень бы хотелось, чтобы это были те слова, о которых он мечтал.

А ещё ему очень хотелось, чтобы Блейз промолчал. Потому что эти слова не должны звучать при Перкинсе. Остальные-то ладно, но Перкинс — нет, точно нет. Ни за что.

Накатило очень отчётливое осознание: вот сейчас, прямо сейчас из-за него, Драко Малфоя, перебьют кучу людей. И начнут с Блейза.

Это было невыносимо.

И мысль о том, что сейчас он испытывает именно то, что мечтал заставить его испытывать Перкинс, была невыносима тоже.

Блейз смотрел прямо на него, не моргая. Как будто хотел запомнить навсегда — на

тот долгий миг, после которого ничего не останется. Как будто...

— Эй, а дальше-то ты что будешь делать? — Голос Рона Уизли разрезал тишину.
— Ну вот представь, убил ты нас всех, и что потом? Тебя же найдут.

— Кто меня найдёт? — Перкинс быстро обернулся к Уизли, но Драко готов был поклясться, что за тот миг, пока он поворачивался, Рональд сделал большие глаза, словно бы подавал ему, Драко, какой-то знак. — Как меня найдут? Слагхорн расскажет? Да пускай рассказывает, я здесь больше не появлюсь.

— Но есть же целая группа, она ведёт расследование...

Мысли в голове у Драко ворочались медленно, но наконец до него дошло. Уизел тянет время. До конца действия Стража Анубиса не дотянет всё равно, да Перкинс и не допустит этого, так зачем же? Пытается дать Драко время? Мерлин, для чего?!

А. Отвлекает Перкинса, чтобы Драко успел прийти в себя и не дать ему получить удовольствие. Отлично, Уизли. Спасибо. Испортим вечеринку.

— Группа? — Перкинс визгливо рассмеялся. Фу, какой некрасивый голос у стариков. Хорошо, что Драко не доживёт. — Знаю я, чем она занимается, мы каждый день сплетничаем. Иногда я даже осторожно подкидываю этим горе-следователям пару идей, как поудобнее навесить все убийства на недобитых Пожирателей из ОМОНа. Они не станут меня искать. Все решат, что убийца — кто-то из них, — он указал палочкой на стоявших вокруг Флинта ребят. — И что очередная жертва смогла их убить и сбежать.

— Но кто станет этой жертвой? — удивился Рональд. Голос звучат так искренне... А ты растёшь, Уизли!

— Да какая разница! Кто-то! Мистер Уизли, вы же сын министерского работника, без пяти минут аврор, неужели вы ещё не поняли, как здесь делаются дела? Сначала придумывается хорошая версия, а потом под неё подбираются доказательства. А не имеющие значения подробности и устанавливать не нужно, для чего тратить рабочее время на глупости?

Он снова рассмеялся.

— Обязательно найдётся кто-нибудь, кому не всё равно! — гневно воскликнула Грейнджер.

— Конечно, мисс Грейнджер, конечно! Вот, вы нашлись. Но, боюсь, вы закончитесь в этих стенах. А другие появятся нескоро.

Драко глядел на Блейза и не мог оторваться. Вся та ерунда, которой он занимался до того, как попал сюда, перестала иметь значение. Важен был только Блейз, каждая чёрточка его лица, каждая складка его одежды. Наверное, он думал о том же, раз так всматривался в Драко.

Хотелось верить, что он думает о том же.

Драко смотрел на внешне спокойное лицо Блейза — вот уж кто выглядел невозмутимым, когда нервничал — и чувствовал, что так не может продолжаться дальше. Должен быть выход, просто он, Драко, трус и приспособленец, его не видит. Но он должен быть. Бессилия не бывает, бывает растерянность. Так им говорили, когда обучали.

Палочка совсем рядом, но до неё не дотянуться. Значит... Значит, не надо тянуться, вот что. Надо найти другой выход, и быстро.

— Приятно беседовать с вами, леди и джентльмены, но, боюсь, нам пора начинать, а не то занавес опустится до того, как прозвенит третий звонок. Итак, как я уже сказал, ты умрёшь первым. Это будет... хорошо, не так ли, Драко?

О да, старик, хорошо — это то самое слово. Если ты умрёшь, и твои глаза навсегда затянутся мутной плёнкой, а твой противный голос наконец замолчит, будет просто замечательно. Если ты сдохнешь. Когда ты сдохнешь.

Драко пошевелил правой рукой. Запястье залито кровью, отлично. У него всегда были тонкие запястья, мама смеялась: «Девичьи». Должно сработать.

И тогда ты умрёшь. Просто и незамысловато, и пусть потом сажают в Азкабан, пусть хоть дементора на поцелуй вызывают.

Блейза он не отдаст.

Драко чуть прикрыл глаза и дёрнул руку на себя. Обожгло горячим; во рту растёкся металлический привкус — кажется, он прикусил язык до крови. Нельзя было издавать звуки, совсем нельзя, Перкинс заметит, обернётся, у него куча артефактов... От боли Драко замутило, но всё это — боль, кровь во рту, лохмотья кожи, очень ощутимо сдираемой с руки, — было где-то далеко, на краю сознания. А на первом плане осталось только одно: желание убивать. Прямо сейчас. Прямо здесь. Драко помнил, как в этот момент по жилам словно бы разливается тьма... Как чувствуешь себя богом.

Бессилия не бывает, Перкинс. Я ведь бог.

Висеть на одной руке и проклятых ремнях было неудобно, но это не имело значения. Боги не знают препятствий.

— Знаете, мистер Забини, у меня в арсенале есть оно милое заклинание, от него просто останавливается сердце. Какое-то время человек ещё живёт, успевает почувствовать, что в его груди уже ничего не бьётся, и ощутить всем своим существом, что такое сме...

Тёплое дерево коснулось горячей руки. Ярко-зелёная вспышка вылетела из палочки и без звука вошла в спину Перкинса.

И он заткнулся. Резко, как будто кто-то произнёс *Силенцио*.

Он наконец заткнулся.

В зале заседаний Визенгамота былолюдно. Не то чтобы яблоку негде упасть, но Гарри очень поразился, когда, зайдя, увидел, как ему машет рукой Гермиона: они с Роном заняли для него место.

Здесь, конечно, были и журналисты — мелькало в нижних рядах зелёное перо-самописки, — и весь департамент магического правопорядка, включая даже стажёров; Люциус, прямой как палка, сидел рядом с Нарциссой, бледной и решительной. У Гарри при взгляде на чету Малфоев возникло чёткое ощущение, что Люциус завернут в успокаивающие и, возможно, парализующие чары, как младенец в пелёнки, так неестественно прямо и неподвижно он сидел.

ОМОНовцы сгруппировались кучкой возле одного из проходов, в сторонке от остальных коллег. На них многие косились, а особо непосредственные тыкали в их сторону пальцем. Они не обращали внимания.

Драко всё ещё был очень бледен, но в целом выглядел почти нормально. Он сидел по центру зала, в хорошо знакомом Гарри кресле, а возле него стоял Слагхорн.

— Я снова опоздал, — сокрушённо сказал он. — Я всё время опаздываю.

Гарри колебался, подойти к Малфою или не надо, и поневоле слушал их разговор со Слагхорном.

— Вовсе вы не опоздали, — покачал головой Драко. — Вы очень вовремя передали Блейзу записку, спасибо.

— Я мог бы раньше собрать людей! Или хоть сам прийти...

— И попасть под действие Стража Анубиса?

— Ты же всё понимаешь, Драко! Он бы разрядился на мне, это же артефакт одноразового действия!

— Сэр, вы не могли знать. Если бы могли — было бы о чём говорить. А так — вы здорово помогли, да и потом ваше прибытие было очень кстати. Вы оказали мне и Дженкинсу первую помощь, пока остальные отходили от действия артефакта, это неоценимо. Нет, погодите, не недооценивайте себя, пожалуйста. Я же там истёк бы кровью, да и всё, у меня же палочка из руки выпала.

— Ещё бы, — пробурчал Слагхорн, — авадить с содранной кожей. Удивительно, что ты смог вообще...

Драко чуть улыбнулся.

— Это как раз легко.

Гарри вспомнил насмерть перепуганное лицо Малфоя, который пытался убить Дамблдора, и стиснул зубы. Волдеморт всё-таки научил этого парня быть убийцей. Жаль.

— Поттер, ты что-то хотел? — спросил Драко.

— Я... не знаю толком. Хотел сказать, что ты был крут. Что... мне жаль, что ты сейчас сидишь здесь.

— Да ничего, Поттер. Всё в порядке.

Гарри хотел сказать: «Не бойся», но это было бы глупо. Поэтому он просто неловко кивнул и пошёл туда, где сидели Рон с Гермионой.

Эти несколько дней в министерстве были невероятно изматывающими. Гарри постоянно пытались убедить в том, что его обманул коварный ОМОН и на самом деле виноват всё-таки кто-то из них или все сразу. Множество людей откровенно радовались, что Малфой применил аваду при большом стечении народа и «министру не удастся это замолчать» — как будто если бы Кингсли захотел, он не смог бы убедить присутствующих ничего не говорить.

Сторонники у ОМОНа тоже были, но старались не ввязываться в споры. Гарри слушал всё это и думал, что, будь на месте ОМОНа он, ушёл бы из министерства к дракловой бабушке. Потом вспоминал, как ему не верили в Хогвартсе и как он никуда оттуда не ушёл.

Слушание по делу Малфоя было долгим, потому что именно сейчас у всех желающих имелась реальная возможность узнать подробности об убийствах. Самого Малфоя и свидетелей расспрашивали дотошно, и в общем все понимали, что вопросы зачастую не имели никакого отношения к сути дела, но в Визенгамоте же тоже люди заседают, им интересно.

Шёл третий день разбирательства. Малфой старательно закапывал себя, хотя нашлось на удивление немало людей, которые старались не дать этого сделать, и Гарри был среди них. Но Драко упорно отвечал на вопросы так, что это со всей очевидностью не оставляло ему шансов.

Да, хотел именно убить. Была одна попытка, не мог истратить её зря. Нет, парализовать или оглушить даже не пришлось в голову. Что значит почему? Вы знаете, нам, тёмным магам, в критических ситуациях первыми приходят в голову тёмные проклятия. Гарри порой хотелось взяться за голову и закричать: «Что же ты, дурак, делаешь?».

Сегодняшнее заседание началось нетривиально. Одна из судей начала расспрашивать Драко, почему он не освободился раньше. Рон хлопнул глазами и обалдело спросил:

— Она что, пытается намекнуть, что он маньяку подыгрывал, что ли?

— Бьюсь об заклад, — процедила Гермиона сквозь зубы, — она ещё спросит, не он ли подарил Перкинсу пару артефактов.

— Я не подумал, что можно освободиться так, — после короткой паузы ответил Драко. — Откровенно говоря, я тогда вообще мало думал. Мне было больно и довольно-таки страшно, в таком состоянии сложно рассуждать.

— Но вы ведь провели там довольно много времени, — настаивала судья, — вполне достаточно для раздумий, разве нет?

Драко пожал плечами.

— Когда Перкинс был рядом, он заметил бы любое моё движение, так что я даже не рассматривал это как шанс. А когда он уходил, то обездвиживал и оглушал меня чарами. Так что, боюсь, времени на раздумья у меня не было.

— То есть вы поняли, что можно высвободиться таким образом, только когда мистер Перкинс наставил палочку на вашего коллегу? — недоверчиво спросила судья.

— Именно так, мэм. Перкинс на меня не смотрел, его любезно отвлекал беседой мистер Уизли, и у меня был шанс сделать... что-нибудь, подёргаться как-то. И тогда в голову пришло, что можно же и так. Но до того подобная мысль не возникала. Возможно, если бы мне приходилось раньше выбираться из пут... Думаю, стоит ввести такое

упражнение в систему тренировки силовиков.

— А зачем вы вообще пошли туда в одиночку? — не унималась судья. — Я имею в виду, вы говорили вчера, что дизаппарировали из министерства, потому что подозревали, что ОМОН могут задержать, и хотели иметь возможность поискать преступника сами. Но почему сами?

Рон прикрыл лицо рукой.

— Ну конечно, он должен был довериться нюхачам, — простонал он. — И они бы послушали его, не то что вся остальная следственная группа.

Драко тем временем отвечал:

— Видите ли, я полагал, что подавляющее большинство сотрудников министерства, да и вообще волшебников Британии, относится к нам враждебно. Я ошибался, у нас, как оказалось, есть множество друзей, которые проводили расследование и искали преступника, а не аргументы, почему виноваты именно мы. Но тогда я об этом не знал и думал, что никто не заинтересован в установлении истины.

По рядам судей пошёл недовольный шепоток. Конечно, никому не нравится, когда про него говорят неприятную правду. Малфой мог бы и смягчить формулировки.

— Вы хотите сказать, что были уверены, что сможете найти преступника в одиночку?

— Нет, я не был уверен, но хотел попытаться.

— Ну хорошо, а артефакты? Откуда у мистера Перкинса, скромного сотрудника министерства, такие редкие и дорогие артефакты?

— О, я говорила, говорила! — воскликнула Гермиона. Рон шикнул на неё.

— Мэм, я могу рассказать лишь то, что говорил он сам. Он немало хвастался своей коллекцией, которую, по его словам, собирал много лет. В его обязанности ведь в частности входило обезвреживать волшебные предметы, попадавшие к магглам. Он говорил, что редкие артефакты часто прячут в маггловском мире, потому что там их никто не ищет, а магглы не способны их распознать. Он работал на своей должности несколько десятков лет и особо ценные находки не протоколировал, а забирал себе.

Гарри чувствовал, что его сознание уплывает. Когда вместо выяснения важных обстоятельств начинали толочь воду в ступе, лишь бы удовлетворить собственные амбиции или нездоровое любопытство, он быстро терял нить разговора.

Вот на месте допрашиваемого свидетеля мнётся Артур, и его строго спрашивают, как могло такое случиться, что его сотрудник утаивал от него найденные в маггловском мире артефакты. Артур лепечет что-то о том, что доверял сотруднику, проработавшему в министерстве дольше, чем он сам.

Вот на вопросы отвечает Кингсли. Объясняет, что когда Флинт сообщил ему адрес, времени на раздумья у него не было.

— Мистер Слагхорн — заслуживающий доверия источник, — с трудом улавливал Гарри сквозь накатившую дрёму. — Если он считает... то бубубу... Речь шла о жизнях людей... Бубубу... Мы срочно организовали спасательную операцию в том составе, который был в бубубу...

— Я должна заметить, — фыркнула Гермиона; Гарри подскочил и проснулся, — что это была самая дурацкая спасательная операция со времён эпичного сражения в Отделе Тайн. И то, что в этом дурдоме принимали участие не пятикурсники, а сам министр магии, — вовсе не повод для веселья, Рон.

Рон беззвучно хохотал, вытирая слёзы.

— Ну что ты смеёшься? Иногда нужно всё-таки немного думать головой. Я доверяла Кингсли, теперь вижу, что зря. Не вижу ничего смешного в том, что когда мы явились спасти обездвиженную и замученную жертву, в результате нас всех спасала жертва. Хороши же мы были!

— Но почему Перкинс не уничтожал тела, а таким странным и сложным образом их подбрасывал в разные места? — спросил кто-то.

Кингсли пожал плечами:

— Я не Перкинс и могу лишь предполагать, что ему нравилась безнаказанность. Все бегают, волнуются, и никто не может его поймать... А хотя вот мистер Малфой, мне кажется, знает ответ, может, спросите его?

— Мистер Малфой?

— Ему нравилось, что у него есть столько возможностей. Эти все артефакты — он не хотел, чтобы они пылились без дела. В реальной жизни он был пустым местом, а здесь в его власти было прикинуться вампиром, обмануть множество людей, появиться в нужном месте ровно через двадцать секунд после того, как оттуда ушёл ОМОН... Он испытывал от этого истинное удовольствие, по крайней мере, так он говорил.

— Господин министр, — с места снова поднялась та самая неугомонная судья, — я ведь правильно понимаю, что все сотрудники департамента магического правопорядка подписывают документ о том, что им известно о недопустимости применений непростительных заклятий?

— Я не верю! — выдохнул Рон. — Неужели они наконец перешли к делу?

— Да, подписывают, — подтвердил Кингсли.

— То есть правильно ли я понимаю, что мистер Малфой нарушил прямое предписание, нарушение которого не допускается ни при каких обстоятельствах?

— Видите ли, — Кингсли говорил медленно, подбирая слова, — наши инструкции разработаны в то время, когда жизнь волшебников была довольно мирной. Я проверял: последние зафиксированные убийства, совершённые маньяком, имели место в начале девятнадцатого века. И задержали этого маньяка при помощи простого *Инкарцерио*. Мы действительно не допускаем применения сотрудниками силовых ведомств непростительных заклятий, однако у мистера Малфоя попросту не было иного выхода. Если бы он не убил Перкинса, тот убил бы кого-нибудь из нас. На нём была масса артефактов и защитных амулетов, и мистер Малфой не мог предугадать, от чего и как они защищают, но ему было известно об их наличии. Существует только одно заклинание, от которого не защищает ничего, никакой артефакт, — и это *Авада кедavra*. На кону стояло слишком много жизней, не только жизнь самого мистера Малфоя. Я не считаю, что мы должны разрешать использовать непростительные кому бы то ни было, хотя вы все помните, что такой прецедент имел место в недавнем прошлом. Однако полагаю, что в данном случае мистер Малфой должен быть оправдан как действовавший в исключительных обстоятельствах.

— Это не сработает, — тихо сказала Гермиона. — Это совершенно незаконно.

— Посмотрим, — так же тихо ответил Рон. — Кингсли — министр, вот сейчас и выясним, насколько его позиции в министерстве сильны.

— Рон, судебные решения не должны быть политическими! Как ты не понимаешь?

— Я понимаю, — раздражённо огрызнулся Рон, — но пока что они вот такие. Это Визенгамот, чего ты хочешь.

— Нормальных законов я хочу. Будь мы среди магглов, этого разбирательства вовсе бы не было, самозащита, защита третьих лиц, молодец, спасибо за службу, что там у нас следующее.

— Гермиона! — Рон закатил глаза. — Ты не понимаешь сущности магического мира. Жизнь волшебника — наивысшая ценность, непростительные простить нельзя, точка. Можешь сбросить человека с моста, но авадить нельзя. Это темнейшее искусство, оно откладывает отпечаток на того, кто его применяет. Малфой должен был убить Перкинса иначе.

— Но он не мог иначе, — вмешался Гарри.

— Конечно, не мог. И по закону должен сесть в Азкабан, кто-нибудь из вас этого хочет?

— То есть ты считаешь, что кумовство и коррупция должны быть просто для того, чтобы при случае можно было оправдать Малфоя?

Рон вздохнул.

— Я не знаю, Гермиона. Я знаю, что если его посадят, это будет правильно, законно и даже, наверное, справедливо. Но... и неправильно тоже. Одновременно.

Вокруг зашумели и начали подниматься со своих мест люди.

— Что, опять перерыв? — застонал Гарри. — Милли! Эй, Милли! Я прослушал, опять перерыв? Надолго?

— На полчаса, — Буллстроуд подошла и нависла над сидящим Гарри. — Суд должен всё обсудить и принять решение.

— Что, уже? — тупо спросил Гарри. А потом поднялся на ноги и быстро сбежал вниз.

Драко всё так же сидел, сложив руки на коленях, спокойный, но заметно усталый.

— Слушай, я понял, что хочу тебе сказать, — заявил Гарри, остановившись напротив него. — Ты что, очумел? Не мог формулировки поаккуратнее выбрать? Ты же слизеринец, ну!

Драко равнодушно пожал плечами.

— Так они ведь уже давно всё решили. Я могу говорить что угодно, Поттер. Хоть угрожать им всем империусом и возрождением Сам-Знаешь-Кого. Смысл мне выкручиваться, что-то выдумывать, врал? Ну что ты смотришь на меня?

— Ты что, правда не понимал, что делаешь? Ну, когда авадил? Не понимал, что потом тебе сидеть здесь?

— В смысле — не понимал? Всё я понимал. Но его было не остановить иначе. Ты ведь слышал, что сказал министр: на Перкинсе была гора амулетов. Его бы ни ступефай не взял, ни риктумсемпра. Авада — да. Остальное — от нулевого эффекта до, может быть, вихря разноцветных бабочек, распевających псалмы. Поттер, да успокойся ты, честное слово. Даже отец не прыгает с воплями, а ты-то чего?

— Я не удивлюсь, если твоего отца обездвигили и прибили к скамье гвоздями. Иначе бы он тут не просто прыгал, а ревел раненым слоном, рассыпая во все стороны горсти монет и связки империусов.

Драко ухмыльнулся, но возражать не стал.

— Устал я, Поттер, — сказал тихо. — Скорей бы уже оно всё закончилось.

— А ты не зря ли себя похоронил, Малфой? Сам вон говорил, что не знал, сколько у тебя друзей. Может, и в этот раз выгорит?

— Ну, скажем так: я удивлюсь. С точки зрения магического закона ситуация довольно однозначная.

— Поттер, — окликнули Гарри сзади. Он повернулся и увидел Блейза. — Ты прости, но нам с Драко надо поговорить.

— А, да, конечно, — Гарри поспешно ретировался.

Когда он смотрел на этих двоих, ему становилось неловко. Они вроде ничего такого не делали, но Гарри неизменно краснел, когда соприкасались их руки. Наверное, со стороны это всегда выглядит... так, что начинаешь смущаться. Как будто подсматриваешь за чем-то, что тебя совершенно не касается.

Сейчас они просто тихо говорили, так тихо, что слов было не разобрать, да Гарри и не пытался. От неловкости в голову лезли какие-то совершенно идиотские мысли вроде того, что Люциус, наверное, будет злиться и капать Драко на мозги по поводу наследника. Или что рука Блейза очень красиво выглядит на бледной коже Драко. Чушь, в общем.

А ведь они могут не увидеться больше, вдруг подумалось наконец важное. И это тоже несправедливо, у них только начало налаживаться...

— Гарри! — Гермиона взяла его за руку. — Идём перекусим, пока есть время. Я сегодня позавтракать не успела.

Отмазка была годная, и Гарри поспешил за Гермионой. Пялиться на парочку, которая пыталась уединиться в публичном месте, он считал последним делом.

Наскоро пообедав, они вернулись в зал — как раз вовремя: судьи вернулись, и в

торжественной обстановке началось зачитывание решения.

Гарри изо всех сил старался не «уплыть» от всех этих казённых формулировок и топорных словесных нагромождений, витиевато выражавших то, что можно было сказать в разы короче. Наконец Гермиона ощутило пихнула его локтём, и он сконцентрировался изо всех сил.

— ...таким образом, применение непростительного заклятия имело место в экстремальной ситуации, каковую невозможно было предусмотреть заранее и условия каковой слишком непредсказуемы, чтобы можно было урегулировать их законодательно. Подчёркивая, что применение непростительных заклятий недопустимо, и не желая, чтобы данное решение кем-либо воспринималось как сигнал о допустимости такого применения либо о тенденции к смягчению запрета, суд, тем не менее, приходит к решению, что Драко Малфой не подлежит наказанию за данный инцидент. Вместе с тем, в течение полугода с момента вынесения этого решения любое применение им заклинаний, приводящих к тяжким телесным повреждениям или смерти, должно быть обосновано им самим в докладной записке и завизировано исполняющим обязанности главы департамента магического правопорядка как правомерное.

Выражение лица Драко было бесценно. Там смешались удивление, недоверие и усталость. И ещё что-то, довольно хорошо спрятанное, что сначала Гарри принял за радость, но потом понял, что это скорее предвкушение.

Есть вещи, которые не меняются. Малфой уже строил планы на будущее.

Зал шумел: кто-то радовался, кто-то возмущался, на одном из верхних рядов завязалась драка, которую бросились разнимать... Драко медленно встал с кресла и пошёл к друзьям, уже сбежавшим вниз.

— Пожалуй, я доволен, — сказал Рон. — Да, это именно то слово.

— Политическое решение, — проворчала Гермиона. — Нет, вы не подумайте, я рада за Малфоя! Но это неправильно, что судьба человека зависит от того, сколько у министра сторонников в Визенгамоте. Я понимаю, Кингсли доволен, у него, можно сказать, тайное желание внезапно сбылось: столько неэффективных работников можно уволить, причём за дело. Но так не может быть!

— Так меняй это, — сказал Гарри. — Ты ведь за этим пришла в министерство, нет? У тебя же есть твои собственные тайные желания.

— Есть: чтобы законы были разумны, а порядок справедлив.

— Даже если это будет стоить Малфою свободы?

— При разумных законах — никогда не будет!

— Я не знаю, — покачал головой Рон, — я считаю, что надо делать своё дело, ну, как при дегномизации. Много гномов — ну и ладно, начни с первого. Возвращаются? А ты снова их выбрасывай.

— Только способ дегномизации надо выбрать поэффективнее, чем руками выбрасывать, — рассмеялась Гермиона.

— Это точно, — поддержал её Гарри.

Они неторопливо спустились и пошли по коридору в сторону офиса аврората. Чуть впереди, весело смеясь, шагали ОМОНовцы; Блейз обнимал Драко за плечи, а Милли, бурно жестикулируя, передразнивала Риту Скитер, пытавшуюся в перерыве взять у неё интервью. Драко смеялся, чуть запрокидывая голову, как показалось Гарри, нарочно: чтобы лишний раз ткнуться затылком в чуть топорщащийся наплечник Блейза.

Гермиона с Роном переглянулись и, ни слова ни говоря, взяли за руки.

[/MORE][/MORE]